П. А. ДРУЖИНИН

КНИГИ ФРИДРИХА ВЕЛИКОГО

LIVRES DE FRÉDÉRIC LE GRAND

OU

DESCRIPTION D'UNE COLLECTION D'OUVRAGES, ÉCRITS PAR LE ROI DE PRUSSE ET PARUS DE SON VIVANT, FAITE A PARTIR DES EXEMPLAIRES APPARTENANT JADIS AU ROI LUI-MÊME ET À SES HÉRITIERS QUI SE TROUVENT AUJOURD'HUI DANS LA BIBLIOTHÉQUE D'ETAT DE RUSSIE.

Rédigé par Petr Droujinine.

Moscou. Editions Trouten.

M.M.IV.

Книги Фридриха Великого

или
описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежащим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке.

Составлено Петром Дружининым.

Москва. Книгоиздательство «Трутень».

2004

Оформление и художественная редакция
П.А. Дружинина

ISBN 5-94926-004-X

Посвящается памяти

Михаила
Елиазаровича
Кудрявцева

23 августа 1940
15 октября 2004

Гравюра Д. Ходовецкого, 1758.

К читателю

Фридрих II Великий Гогенцоллерн, король Прусский (1712-1786) занимает особое место в европейской истории XVIII столетия. Он был прекрасным образцом монарха века Просвещения, сочетая в себе как положительные, так и отрицательные стороны этого определения. Титул Великий был заслужен Фридрихом-полководцем, немало лавров получили и Фридрих-музыкант, и Фридрих-государственный деятель, и Фридрих-писатель. В этом невысоком, немного сутулом человеке с голубыми глазами и утонченно-изысканными манерами мирно соседствовали столько противоположностей и несовместимых качеств, что до сих пор личность его, несомненно, выдающаяся, с отблеском гения, не может быть осмыслена во всей полноте.

В этой книге мы постараемся на примере прижизненных изданий рассказать о Фридрихе Великом как о писателе и издателе. Это тем более важно, поскольку Фридрих Великий является крупнейшим немецким писателем XVIII столетия, а некоторые из изданных им книг остаются жемчужинами европейского книгопечатания века Просвещения.

Писал Фридрих достаточно много. Первые его произведения датируются 1731 годом (это рассуждение о политике Пруссии, а также ода и стансы, адресованные мадам фон Фрейх). Последним серьезным его произведением следует считать труд «О немецкой литературе», законченный в 1780 году, хотя и впоследствии он брался за перо. Формально самым последним его текстом является инструкция генерал-майору Гётцену, датированная 28 августа 1786 года.

Как уже следует из заглавия, все описанные в настоящем труде издания происходят из собственных библиотек прусских королей (с 1871 года бывших и германскими императорами), основу которых составляют личные библиотеки самого Фридриха Великого.

Библиотеки этого монарха всегда являлись прекрасной иллюстрацией личности его самого, бережно и тщательно их собиравшего и постоянно пополнявшего. Всего мы можем насчитать восемь собственных библиотек короля, не считая Берлинской королевской библиотеки – прусского государственного книжного собрания. Прежде всего, – это библиотека, собранная королем в юности; затем библиотека дворца в Рейнсберге (в бытность кронпринцем), а также шесть собственно королевских библиотек, разместившихся в Потсдамском дворце, в Большом дворце в Сан-Суси, в Новом дворце в Сан-Суси, во дворце в Бреслау (ныне Вроцлав), в Берлинском городском дворце и во дворце Шарлоттенбург. Численность библиотек короля указывается нами на основании подсчетов придворного библиотекаря Богдана Кригера, выполненными им в начале XX столетия.

От первой библиотеки короля – т.н. Jugendbibliothek, составлявшей по примерным подсчетам до 4 000 томов, следа не осталось. Как свидетельствуют многочисленные королевские биографы, она была распродана по воле отца – короля Фридриха Вильгельма I – после трагических для Фридриха событий 1730 года. Хотя, скорее всего, она большею своею частью была включена в собрание Берлинской королевской библиотеки, а частично была оставлена кронпринцу.

Получив в 1736 году от отца дворец в Рейнсберге, Фридрих на протяжении четырех лет – с 1736 по 1740 год – собрал там крупную библиотеку. И хотя мы в точности не знаем ее численности, имеется факт, указывающий на ее значительный объем: в 1747 году для перевозки библиотеки понадобилось 37 подвод. Как кажется, она включала в себя большую часть первоначальной Jugendbibliothek, а также книги, покупавшиеся по распоряжениям отца – по большей части по естественным наукам, хозяйству и ремеслам. После воцарения Фридриха II она была вывезена из Рейнсбергского дворца и поделена: часть отправлена в Сан-Суси, другая часть – кажущаяся королю лишней – в Берлинскую королевскую библиотеку.

Из шести библиотек, составленных Фридрихом уже в качестве короля, наибольшими по числу томов были собрания в Потсдамском дворце, Большом дворце в Сан-Суси и в Новом дворце в Сан-Суси.

Сперва король жил во дворце в Потсдаме и собрал там довольно большую библиотеку, но после переезда в Сан-Суси более не уделял ей пристального внимания. В XIX столетии значительная часть этого собрания перешла в Собственную Королевскую библиотеку (Konigliche Haus-Bibliothek), находящуюся в Берлинском королевском дворце. В начале XX столетия книжное собрание дворца в Потсдаме насчитывало 1038 томов, да сверх того 14 атласов. Сначала книжные шкафы располагались в коридоре между королевской опочивальней

и залом для аудиенций, но после смерти монарха они были перенесены в другую часть дворца.

Библиотека в Большом дворце Сан-Суси составляла около 2288 томов (по состоянию на начало XX века), причем здесь, по сравнению с другими его библиотеками, было много сочинений по естественным наукам, которые, скорее всего, происходили из рейнсбергской библиотеки. После смерти Фридриха из его кабинета в Сан-Суси были вывезены 236 томов книг, которые находились в непосредственном употреблении у короля. Они были направлены в Новый дворец, но в 1890-х годах были распределены согласно старым владельческим признакам на прежние места в королевских дворцах.

Самой «молодой» из библиотек короля было книжное собрание в Новом дворце, основанное в 1765 году – времени окончания строительства (завершенного полностью только к 1770 г.) Библиотека эта по подсчетам начала XX века состояла из 2147 томов и 45 атласов и была расположена в узком проходе с окнами в южном крыле дворца. Это помещение, окна которого выходили на солнечную сторону, большую часть дня было залито светом, озарявшим красные золототисненые переплеты королевских книг. И если во времена Фридриха это зрелище производило сильное впечатление на гостей, то ныне большинство этих книг можно отличить по выгоревшим корешкам.

Еще одной библиотекой было собрание книг Фридриха в его дворце в Бреслау. Этот город вместе с остальной Силезией был занят пруссаками во время войны за Австрийское наследство и вошел в состав Прусского королевства по мирному договору 1742 года. О времени же возникновения в королевском дворце библиотеки нельзя сказать ничего определенного, но, очевидно, это произошло в начале 1750-х годов, по крайней мере, именно в 1751-1753 годах придворная переплетная мастерская короля усиленно работала для этого

дворца. Что касается репертуара книг, то он был несколько отличен от других библиотек короля, где подавляющее число сочинений были посвящены литературе, философии и истории. В Бреслау было собрано большое количество книг по экономическим и хозяйственным вопросам. До Второй мировой войны, когда в 1945 году по решению Потсдамской конференции Бреслау вошел в состав Польши, библиотека короля была потревожена только один раз – французами. Во время французской оккупации 6 декабря 1806 – 5 января 1807 года все книги библиотеки были уложены в ящики и спрятаны в подвале дворца, но затем возвращены на прежние места.

Еще меньше можно сказать о библиотеке Фридриха Великого в Берлинском королевском дворце. Она, судя по всему, была не меньше других его книжных собраний, а быть может, и превосходила их по численности. Берлинский королевский дворец, строительство которого было начато еще бранденбургским курфюрстом Фридрихом II в 1440-х годах, затем еще почти пять столетий перестраивался и переделывался, насчитывая к началу XX века 1210 помещений. Дворец бессменно служил резиденцией бранденбургским курфюрстам и маркграфам, прусским королям и германским кайзерам. И если венценосные потомки бережно хранили память Фридриха Великого, оберегая построенные им дворцы, то в Берлинском дворце мемориальных комнат не сохранялось (за исключением знаменитого круглого кабинета). Именно поэтому книги Фридриха из этого дворца были включены в состав библиотек других Гогенцоллернов. Единственное собрание, откуда были вычленены книги короля — это библиотека Фридриха Вильгельма II, переехавшая в XIX столетии по распоряжению Фридриха Вильгельма III из Берлинского дворца в специальный павильон в парке Шарлоттенбурга. Там в 1890-х годах хранитель королевских библиотек Богдан Кригер отыскал 260 томов из библиотеки Фридриха

Великого, переставив их в особый шкаф. Вообще король не слишком любил Берлинский дворец, отдавая предпочтение Потсдамскому дворцу и Сан-Суси.

Что же касается самого Берлинского дворца, где хранилась многотысячная библиотека потомков Фридриха Великого, то он серьезно пострадал при взятии Берлина советскими войсками, а еще больше – уже в 1949 году во время съемок фильма «Падение Берлина», когда по территории дворца разъезжали танки, давя гусеницами опрокинутые статуи и стреляя из пушек и тяжелых орудий по заново остекленным фасадам. И хотя по-немецки качественно и монолитно построенный дворец можно было даже после этого реконструировать, в 1950 году по распоряжению Вальтера Ульбрихта он был разрушен, таким образом освободив в центре города место для парадов и демонстраций. И хотя Бундестаг 4 июля 2002 года принял решение о реконструкции Берлинского дворца, библиотеку вряд ли удастся восстановить.

Последняя библиотека Фридриха Великого располагалась во дворце Шарлоттенбург — летней и наиболее красивой резиденции прусских монархов. Этот дворец был построен в 1695-1699 годах первым прусским королем Фридрихом I для своей просвещенной супруги Софии-Шарлотты. Фридрих Великий в 1740–1743 годах перестроил дворец и, конечно же, завел здесь библиотеку, которая после его смерти, при очередной перестройке, была упразднена, а от шкафов не осталось и следа. Книги Фридриха остались во дворце лишь в небольшом количестве, а большая их часть была перевезена в Берлинский дворец. Дворец в Шарлоттенбурге полностью выгорел в 1945 году, но после войны, в отличие от Берлинского дворца, был восстановлен.

Хотя библиотеки Фридриха Великого не имеют своего единого книжного знака, они легко отличимы по превосходным красным сафьянным переплетам, выполненным в одном стиле, с применением одинаковых роликов для рамок

Большой дворец в Сан-Суси. Библиотека.
(Фотография 1925 года.)

на крышках и виньет на корешках, представляя собой «придворный» тип переплета. На части этих переплетов на верхней крышке вытиснена литера, указывающая на принадлежность книги к той или иной библиотеке короля. Вензель “***B***” с наклоном обозначает принадлежность к Берлинскому дворцу — (Berlin Schloss). Для других библиотек применялись литеры “**V**” — Большой дворец в Сан-Суси (поскольку он сам называл это место Vignes – виноградники), “**P**” — Потсдамский дворец (Potsdam Stadtschloss), “**S**” — находящийся в Сан-Суси Новый дворец (Sans Souci), “**B**” без наклона, “**Br**”, а

также “**B**” в строгом картуше — дворец в Бреслау (Breslau Schloss). Наибольшее число книг королевских библиотек были помечены такими литерами в Берлинском дворце и в двух дворцах в Сан-Суси. Намного реже встречаются книги, помеченные литерой дворца в Бреслау, и вовсе нет никаких знаков на книгах из дворца в Шарлоттенбурге. Стоит сказать, что большая часть книг из королевских библиотек Фридриха Великого не имеют этих литер «топографического» свойства, а лишь облачены в легко отличимые глазом придворные переплеты.

Описанные библиотеки короля Фридриха Великого переходили из поколения в поколение почти нетронутыми; лишь постепенно несколько увеличиваясь в размерах. До начала XX века они были доступны исключительно венценосным особам. В начале XX века усилиями королевских библиотекарей стало возможным прикоснуться к этим сокровищам – увидели свет небольшие очерки Ганса Дройзена, а начавший выходить с 1897 года Hohenzollern-Jahrbuch стал привлекать внимание и к книжным собраниям. Самыми интересными являются труды хранителя этих библиотек Богдана Кригера, написанные о придворных книжных собраниях Гогенцоллернов.

Что касается состава и общей численной характеристики собственных библиотек Фридриха, то, казалось бы, этот вопрос был однозначно решен самим Кригером, который в 1914 году поместил в приложении к своему труду «Friedrich der Grosse und seine Bucher» им же составленный Gesamtkatalog книг библиотек Фридриха Великого. Этот общий каталог королевских библиотек носит характер учетного списка, мы насчитали в нем около 6500 томов (примерно 2400 названий). В это число включены и многие дублеты, поскольку одна и та же книга зачастую имелась одновременно в нескольких королевских дворцах. Особо отметим, что абсолютное боль-

Новый дворец в Сан-Суси. Библиотека.
(Фотография 1925 года.)

шинство описанных Кригером книг – на французском языке.

Здесь стоит сказать, что по непонятным нам причинам каталог, хотя и включает в себя описания книг из дворцов в Сан-Суси, Потсдаме, Бреслау, Берлине и Шарлоттенбурге, однако же, оказался очень неполным и не учел львиную долю книг, уже не сохранявшихся к началу XX века мемориально во дворцах, а влившихся в библиотеки следующих Гогенцоллернов. А потому истинное количество книг

придворных библиотек Фридриха Великого должно сильно превосходить указанное в каталоге Кригера число, по нашему мнению, не менее чем на треть.

Вторая мировая война не оставила и следа от былой немецкой аккуратности и бережливости: из дворцовых библиотек только собрание Сан-Суси частично сохранилось, а великолепно подобранные книжные собрания дворцов в Берлине, Потсдаме, Бреслау уже никогда не вернутся на свое законное место: как трофеи они были вывезены в Советский Союз. И теперь, по прошествии более чем пятидесяти лет, не нашлось никого, кому бы эти сокровища оказались надобны.

Теперь эти книги, представляющие собой одно из лучших по целостности и подбору библиофильских собраний Германии, рассеяны по разным русским книгохранилищам, частью сданы в макулатуру (эту участь разделило огромное число книг), частью выброшены. Разрозненные фрагменты библиотек Фридриха Великого, сразу узнаваемые по прекрасным «придворным» переплетам, мы видели и в собрании библиотеки Иностранной литературы, и в собрании Общественно-политической библиотеки (бывш. ИМЭЛ). Основная часть уцелевших книг из дворцовых библиотек теперь хранится в Российской Государственной библиотеке (бывш. ГБЛ). На части книг стоит гербовый штемпель с текстом «Konigliche Haus-Bibliothek». Книги эти были распределены по хранилищам РГБ по совершенно непонятному принципу: значительная часть их, видимо по причине отличных переплетов, сосредоточена в Музее книги; часть находится в основном хранении главного здания, и очень большое число томов вывезено в хранилище отдела «газет и малоспрашиваемой литературы» в подмосковный город Химки.

И ведь является чистой правдой, что книги эти мало спрашиваемы. Более того, автор этих строк заказывал большинство этих книг первым и последним за прошедшие с их

переезда в нашу страну годы. И драгоценные тома с правкой короля Фридриха Великого, и обширные маргиналии Вольтера на страницах книг короля, подносные и корректурные экземпляры королевских сочинений, и редчайшие памфлеты Фридриха... Все это предано забвению, лежит под спудом, покрытое пылью и безразличием. И только иногда мы видим единственный след новейшей эпохи – советский фиолетовый штамп «погашено», нанесенный поверх гербового штемпеля прусских королей.

Да и мы набрели на эти книги довольно случайно: лет десять назад, занимаясь некоторым узким моментом русско-французских связей, мы вынужденно просматривали печатные издания Вольтера в Музее Книги, и нам был выдан конволют «Miscellanea», состоящий из брошюр названного автора и прусского короля, в сафьянном переплете личной библиотеки Фридриха Великого. Заинтересовавшись им, мы просмотрели в собрании РГБ все издания сочинений Фридриха II, и увиденный нами в третьем томе «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» аккуратный и четкий почерк Вольтера побудил к написанию этой небольшой биобиблиографической работы.

Описания книг, которые вместе составляют сорок девять изданий в пятидесяти семи томах, разделены нами для лучшего восприятия на пять разделов. Первый включает в себя описания собраний сочинений и собраний стихотворений короля, затем следуют два раздела, включающие в себя истории издания двух капитальных трудов короля – книг «Анти-Макиавелли» и «Истории Бранденбурга». В четвертом разделе описываются отдельные небольшие произведения короля. Пятый же раздел описывает те книги, которые были подготовлены к печати самим Фридрихом или же напечатаны по его распоряжению, при его деятельном участии и для него самого. Издания в каждом разделе (кроме пятого) представ-

лены в хронологическом порядке и снабжены надлежащими аннотациями. Кроме того, в качестве приложения мы публикуем маргиналии Вольтера и Фридриха на страницах «Рассуждения о причинах установления или уничтожения законов» в третьем томе «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» (S.l.1750). Предваряет настоящее издание краткий биографический очерк.

Главными помощниками в работе, кроме сочинений и переписки самого Фридриха Великого, нам послужили труды трех немецких исследователей. Во-первых, Иоганна Давида Эрдмана Прейсса – (Preuss; 1785-1868), бранденбургского историографа с 1841 года, биографа короля и составителя монументального 30-томного собрания его сочинений, а также автора книги «Фридрих Великий как писатель» 1837 года; причем мы пользовались личным экземпляром короля Фридриха Вильгельма III (1770-1840), находящимся в хранилище РГБ в подмосковных Химках. Нам оказали помощь статьи историка и библиографа Ганса Дройзена (Droysen; 1851-1921), посвященные книгам Фридриха Великого и его дворцовой типографии. И, наконец, работы хранителя императорских библиотек Богдана Кригера (Krieger; 1861-1931), особенно составленный им Gesamtkatalog дворцовых библиотек короля.

Также хочется выразить благодарность Е. В. Дружининой, А. Л. Соболеву и сотрудникам Музея Книги РГБ за помощь в подготовке настоящего издания.

Биографический очерк

Биография короля Фридриха разработана довольно полно и литература по этому вопросу огромна (хотя и достаточно тенденциозна). Особенно это касается его военных кампаний, которым посвящена не одна сотня объемных томов; также достаточно хорошо освящены его отношения с Вольтером. Наименее же изученным моментом является интимная жизнь короля, сведения о которой, несмотря на однозначную характеристику, крайне скудны. Этот очерк мы помещаем ввиду необходимости, и он скорее напоминает биографическую канву персонажа, которому посвящено настоящее издание.

Фридрих II Великий родился 24 января 1712 года в Берлине. Он был третьим сыном прусского короля Фридриха Вильгельма I и Софии Доротеи Ганноверской, сестры английского короля Георга. Два старших брата Фридриха умерли в детстве, вследствие чего Фридрих стал наследным принцем.

Отец наследного принца – король Фридрих Вильгельм I – был личностью неоднозначной: с одной стороны, он был наделен недюжинными государственными способностями, и именно ему Пруссия обязана необыкновенным возвышением своего военно-политического могущества в Европе; с другой же стороны, он был почти полностью лишен тяги к искусствам и гуманитарному знанию (что, впрочем, для государственного деятеля и не является большим изъяном). При нем прусская армия стала одной из могущественнейших в Европе, насчитывая до 80 тысяч человек и славясь своими великанами. Именно с именем Фридриха Вильгельма I в историю входит идеология «пруссачества», которая покоится на отеческой (хотя зачастую и суровой) заботе короля о собственном народе: он ввел обязательное начальное образование, в 1719 году упразднил крепостное право, а также путем введения жестких запретов на ввоз многих импортных товаров поддерживал развитие прусского производства. Кроме того, после его смерти в казне оказалась огромная сумма в девять миллионов талеров.

Что касается принца Фридриха, то он разительно отличался от своего отца, причем даже внешне: отец был невысок ростом и крепок («неладно скроен, но крепко сшит»), а наследный принц был стройным и красивым. На первый взгляд все в сыне было наперекор отцу: он был галломаном, ценителем и поклонником французской литературы; любил и сочинял музыку, сам играл на флейте и хаммерклавире; писал стихи и философские трактаты. Этот просвещенческий набор вряд ли радовал отца, хотя изучение Фридрихом военного дела слегка сглаживало отцовское недовольство.

А вот в чем отец с сыном оказались схожи – так это в рачительном отношении к деньгам, которое периодически и у одного, и у другого перерастало из экономии в неудержимую жадность.

И все бы это Фридрих Вильгельм в своем сыне мог перетерпеть, если бы не еще одно обстоятельство – полное неприятие наследным принцем женского пола. А поскольку Фридрих-Вильгельм был ревностным протестантом, то такую вольность нравов в собственной семье он терпеть не мог; да к тому же отца беспокоил вопрос о судьбе престола. Но никакие ссоры и разбирательства не могли отвратить наследного принца от пагубной страсти к пажам и дежурным офицерам, захлестнувшей его примерно с шестнадцатилетнего возраста. Это впоследствии сказалось на его здоровье – он, как писал Вольтер, «сильно пострадал от мимолетных любовных связей и был плохо вылечен» и, даже если бы захотел, уже не смог бы иметь детей.

Понятно, что отец был крайне суров с сыном, и наследного принца не жаловал. Их отношения прекрасно иллюстрируют события 1730 года, когда наследный принц, путешествуя с отцом по юго-западным германским землям, предпринял попытку сбежать в Англию. Принцу помогали еще три заговорщика – королевский паж Петер фон Кейт, его брат, а также гвардейский офицер Ганс Герман фон Катте. Планы беглецов стали известны, и король решил воспользоваться этой ситуацией чтобы сломить сына: беглецы были обвинены в попытке государственной измены; Фридрих был заключен в крепость Кюстрин, а фон Катте 5 ноября 1730 года по приговору короля был казнен у кронпринца на глазах. Наследный принц шесть недель просидел в крепости, а затем два года жил в самом городе Кюстрин без права выезда. Ко всему прочему король отобрал у сына его полк, распустил штат наследного принца (при этом наказав многих), забрал экипажи и обстановку.

Фридрих оказался в безвыходном положении и вынужден был смириться с волей отца. Во время жизни в Кюстрине принц приобрел много знаний в области сельского хозяйства, экономики и государственного управления, хотя своим привязанностям он также уделял достаточно времени. В 1732 году принц вновь получил в свое управление полк, а 12 июня 1733 году по повелению отца был обвенчан с Брауншвейгской принцессой Елисаветой-Кристиной. Брак этот, конечно же, оказался бесплодным, да и в течение всей жизни супруги едва знали друг друга, практически не видясь.

В том же году наследный принц принял участие в первом настоящем военном походе: он сопровождал возглавляемый отцом прусский десятитысячный корпус, отправившийся к армии Евгения Савойского. И хотя Фридрих имел лишь право бессловесно присутствовать на советах, обстановка походной армейской жизни поразила его сердце: его воображение помогло ему увлечься романтикой войны — жизнью между опасностью, смертью и венцом победителя. Именно тогда проявилась яркая эмоциональная составляющая характера наследного принца, часто мешавшая ему в будущем, но одновременно превратившая его из обычного прусского короля в выдающегося европейского монарха XVIII столетия.

И хотя для Австрии, за которую вступилась союзная Пруссия, война, закончившаяся миром, не была удачной, для Фридриха это была скорее победа, поскольку именно тогда родился Фридрих-полководец.

В 1733 году Фридрих Вильгельм передал женившемуся кронпринцу во владение замок Рейнсберг, куда Фридрих с супругой переехали в 1736 году. Жизнь в этом дворце полностью переменила жизнь наследного принца, который теперь смог полностью отдаться излюбленным занятиям – чтению французских классиков (или же античных авторов во французских переводах), а также изучению философии, упражнениям в стихосложении и увлечению театром. Он тогда

мечтал более о славе писателя, нежели о власти монарха. Именно к 1736 году относится начало отношений наследного принца с Вольтером: 8 августа 1736 года принц по совету своего библиотекаря и ближайшего друга Жордана написал панегирическое письмо, которое подписал словами «ваш любящий друг». А 26 числа того же месяца Вольтер отвечал принцу из Парижа, превознося философские склонности своего порфироносного корреспондента. В те же годы Фридрих начал переписку с Фонтенелем, Мопертюи и Ролленом.

Сюжет «Фридрих и Вольтер», или же, если угодно, «Вольтер и Фридрих» всегда заслуженно считался чрезвычайно интересным и рассмотрен в литературе многократно, хотя круг источников по этому вопросу достаточно ограничен и давно предан печати. Многолетняя дружба, демонстрируя попеременно различные стороны неординарных характеров этих выдающихся личностей, лишь в редкие моменты была ровной; в остальное же время она переживала, подобно любым другим человеческим отношениям, и медовые времена, и моменты крайней недоброжелательности. Некоторая пренебрежительность к Фридриху, которая зачастую сквозит в исследованиях взаимоотношений этих двух великих, проистекает из «Мемуаров» Вольтера, которые были написаны им с пролитием немалого количества желчи в пору большого охлаждения дружбы с королем; впрочем, Вольтер их после предал огню, но, увы, с них уже был сделан список.

«Принц, мало королей, которые поучаются у муз, мало королей, просвещающих руководимые ими народы. Только двое-трое из них – чудеса природы – заслужили славу философов, все остальные — как вы знаете — это короли самого пошлого толка, рабы наслаждений, гордые угнетатели законов, обуза природы, бичи земли, которые или спят на троне, или же мечут громы»,— писал Вольтер в 1736 году в своей эпистоле «Наследному принцу прусскому о пользе знаний для государя». Совершенно ясно, какое место в системе

природы было уготовано Вольтером будущему королю Фридриху; и это лишь малая часть бушующего потока лести, излившегося на наследного принца, который, в свою очередь, также находил достойные ответы. «Он называл меня божественным человеком; я называл его Соломоном. Эпитеты нам ничего не стоили»,— писал Вольтер в «Мемуарах».

Этой дружбе Фридрих был обязан, прежде всего, как писатель, имеющий скромный талант, но приобретший в лице Вольтера выдающегося учителя и умелого редактора, вклад которого в некоторые произведения более правдиво назвать соавторством. Именно с помощью этого великого пера был написан первый капитальный литературный труд будущего короля, сделавший его королем-писателем; речь идет о книге «Анти-Макиавелли или испытание Государя», направленное против произведения Никколо Макиавелли. Это произведение, написанное принцем накануне восшествия на прусский престол, поразило даже видавших виды читателей благородством идей, чистотой стремлений и подлинным гуманизмом.

Когда Фридрих 31 мая 1740 года взошел на престол, книга уже находилась в типографии (подробности можно усмотреть в соответствующем разделе нашей работы). Фридрих, конечно, был крайне недоволен, поскольку в бытность наследником он имел право на вольнодумство и философствование, но, получив в управление страну, он решил не рисковать, а идти по проторенному отцом пути.

Вообще, король имел в крови способность говорить и писать одно, а делать — совершенно обратное, а также добиваться своей цели, не разбирая средств. Быть может, его характер так изменило противоборство с отцом, но именно таким мы часто видим Фридриха-короля. И в истории с этой книгой было то же самое: Фридрих стал управлять страной, именно пользуясь наставлениями своего недавнего оппонента. Все юношеские устремления Фридриха очень быстро

угасают, и мечты о всеобщей свободе и справедливости уступают место твердой руке прусского государя.

Хотя король по восшествии на престол и отменил пытки, а также несколько облегчил налоговое бремя, он все равно пошел по пути отца. Конечно он открыто этого не заявлял, предпочитая именоваться «философом на троне», тем не менее, предпочел оставить при прежних должностях почти всех отцовских генералов и министров. А друзья кронпринца, которые рассчитывали на традиционные в таких случаях денежные и земельные награждения, ошиблись — король по своей бережливости не знал равных.

Вступив на трон, король перенял от отца управление рационально устроенным государством с одной из лучших армий в Европе, с полною казной и со стремлением стать европейской державой. И король в один миг все множество своих занятий — стихотворство, музицирование и даже государственные дела — перевел в разряд увлечений и необходимостей, подчинив себя мечте стать великим полководцем. Все, что раньше манило его взор, ушло на второй план по сравнению с этой мечтой.

Удивительно, но сравнение Фридриха Великого с богом войны Марсом, столь часто упоминаемое при жизни сего полководца, является очень уместным и даже правдивым. Это особенно очевидно, если вспомнить о качествах этого нелюбимого сына Юпитера. Он кровожаден, затевает повсюду раздоры и радуется, когда льется кровь. И, что опять же напоминает короля, Марсу не всегда сопутствовала победа.

Поскольку природа лишила Фридриха возможности иметь собственную семью, то семьей для него стала его армия, которая, по сути, была даже не прусской армией, а именно армией Фридриха; он так и называл солдат — дети. Но, как и ко всем близким людям, Фридрих был очень строг к солдатам: служба была тяжела, дисциплина очень сурова; но солдаты все-таки преклонялись перед своим военачальником.

И, имея в своем распоряжении отличную армию, Фридриху не терпелось совершить какой-нибудь триумфальный поход. Возможность представилась в том же 1740 году: 26 октября умирает император Священной Римской империи Карл VI Габсбург, на престол вступает его дочь Мария-Терезия. Поскольку этот престол мог наследовать только мужчина, то еще при жизни император издал Прагматическую санкцию, тогда же де-юре признанную многими монархами. Но обещания, данные отцу Марии-Терезии, оказались лишь росчерками пера, и императрица с самого начала царствования постоянно доказывала оружием свое право на престол.

Фридрих решил, что это замешательство является прекрасным поводом к войне, и целью его стала богатейшая часть империи – Силезия, к тому же Пруссия имела юридические основания претендовать на эти земли. 14 декабря 1740 года армия Фридриха в районе пограничного городка Кроммен вступила на землю Священной Римской империи. Войска продвигались быстро и почти беспрепятственно, и к концу января 1741 года вся Силезия, за исключением трех крепостей, была в руках Фридриха. Эффект неожиданности невероятно помог королю, потому что в возможность такой войны никто не верил, да и не было подозрений, что жажда славы и денег настолько быстро сумеет пленить молодого монарха. Но это произошло, и так Фридрих начал войну за Австрийское наследство.

Хотя в первой битве – при Мольвице 10 апреля 1741 года – Фридрих себя не проявил, но в сражении при Хотузице 17 мая 1742 года он отразил нападение австрийцев. Именно уверенные действия прусской армии побудили Марию-Терезию все-таки уступить Фридриху Силезию, дабы не допустить объединения французских и прусских сил.

Летом 1744 года Фридрих опять взялся за оружие: прусские войска вторглись в Саксонию, захватили Прагу и даже вступили в Южную Богемию. Однако оборонявшиеся силы

отказывались принять решительное сражение, отступая и маневрируя, что, в конечном итоге, привело к поражению прусской армии. Фридрих возвращался в Силезию, потеряв весь провиантский обоз и тяжелую артиллерию. Прага была оставлена, отступавшая армия едва не развалилась, поскольку солдаты дезертировали толпами. После этого случая Фридрих уже старался никогда больше не вторгаться столь глубоко на территорию неприятеля.

В следующем, 1745 году, король решил победоносным сражением стереть память о неуспехах прошлого года. Решающее сражение произошло 4 июля 1745 года при Гогенфридберге: победа была блестящей, и обуславливалась она, прежде всего, действиями венценосного главнокомандующего. И стратегия, и тщательная подготовка, и решительность – все было безукоризненно. И именно начиная с этой славной победы по-настоящему начала слагаться репутация Фридриха-полководца. Еще более удивительной и, в то же время, убедительной была победа Фридриха 30 сентября 1745 года при Сооре, когда он с 22 000 поборол австро-саксонскую армию в 30 000 человек. В результате военных действий прусской армии венский двор был вынужден окончательно уступить Фридриху Силезию, что было позднее подтверждено условиями Аахенского мира 1748 года.

Изменив в Силезии в 1741 году порядок управления, Фридрих стал получать оттуда значительные доходы, что собственно заложило экономическую базу для будущей Семилетней войны. Пруссия в это время переживает подъем во всех областях: развиваются мануфактуры, идет бурное дворцовое и городское строительство, возобновляется работа Берлинской академии наук, проводятся великолепные придворные балы и праздники. На подмостках нового Берлинского оперного театра выступают лучшие артисты. Тогда же Фридрих некоторое время благоволил к танцовщице, выступавшей в этом

театре,— итальянке Барбарини, и даже приглашал ее на традиционно мужские королевские ужины.

Одновременно король медленно ужесточал правила для своих сограждан — запретил выезжать за границу, за исключением совершающих торговые операции или лечение. И это, в свою очередь, тоже преследовало цель не допустить отток из страны денежных средств. Также именно в эти годы король совершенно перестает читать газеты, потому как агентурная шпионская система информировала его намного быстрее.

Как раз с событиями 1745 года, когда король окончательно узаконил свой захват Силезии, связано прибавление к его имени титула Великий. В этот период, как кажется, амбиции короля несколько успокоились, достигнув столь желанной славы полководца. Именно умиротворенностью короля объясняется то, что с 1745 года и по 1756 год Пруссия не ведет военных действий, а Фридрих занимается исключительно внутренними делами королевства.

Во время этого мирного затишья мы коснемся сюжета «Фридрих и Вольтер».

Их переписка, начавшаяся в 1736 году, продолжалась и была сверх меры наполнена взаимными дифирамбами. И, несмотря на это, в представлении Вольтера в те годы, по крайней мере, до разрыва, рисовалось два изображения прусского короля: с одной стороны Вольтер, будучи увлекающейся натурой, наделял своего царственного корреспондента чертами идеального просвещенного монарха, оплота справедливости, короля-философа и друга философов. С другой стороны, Вольтер, особенно после коронации Фридриха, видел за этим мифологизированным Соломоном Севера обычного германского курфюрста, преследующего только свои корыстные интересы, которому не были чужды никакие из отрицательных качеств. Быть может, это прозаично, но король Фридрих Великий в действительности был обычным

человеком, и чем ближе приближаешься к нему, тем это очевиднее.

И здесь Вольтер был вполне достоин своего царственного друга! Оставленные им мемуары опрокидывают немало грязи на Фридриха, который, кстати, имел массу поводов включить порядочное число столь же желчных строк в свои воспоминания, но не сделал этого (хотя и был знаком с мемуарами Вольтера). Это все равно удивительно, поскольку не каждый смог бы промолчать.

Что касается Вольтера, то он был не меньше заинтересован в этой дружбе, причем столь же корыстно. И как результат – взаимное разочарование, которое сменило пылкую философскую дружбу неподдельной ненавистью.

Первая их встреча произошла в сентябре 1740 года в Клеве, затем Вольтер гостил у Фридриха в августе—октябре 1743 года в Берлине, но по сравнению с пребыванием Вольтера в Потсдаме в 1750-1753 годах, эти встречи лишь носили характер знакомства и некоторой разведки. Обстановку личных встреч не улучшало то обстоятельство, что Вольтер выполнял тайную задачу Французского кабинета, настойчиво пытавшегося узнать политические планы прусского короля. Вполне естественно, что Фридрих, обладавший одной из лучших разведывательных сетей в Европе, об этом был заблаговременно уведомлен. Он также решил несколько проучить философа, передав французам едкие эпиграммы Вольтера на версальский двор. Взаимная заинтересованность скрепляла их дружбу, хотя откровенности между ними изначально не получилось.

Шаткое положение Вольтера при версальском дворе послужило поводом к приглашению его ко двору Фридриха, которое официально было сделано королем 7 декабря 1744 года. Но этому активно воспротивилась покровительница писателя маркиза дю Шатле, да и сам Вольтер решил попробовать поправить свое положение при версальском дворе,

что ему отчасти удалось: в 1745 году он занял место придворного историографа, а в 1746 году был избран членом Французской академии. Но эти почетные звания, увы, не смогли повлиять на подчеркнуто холодное отношение к нему Людовика XV.

Одновременно Вольтер вел переговоры с Фридрихом, которые продолжались почти пять лет. Затянувшуюся ситуацию решила смерть в 1749 году маркизы дю Шатле. Поскольку писатель уже не лелеял надежд на счастливое пребывание при французском дворе, в начале 1750 года он решил, что момент настал. Людовик XV легко дал свое согласие, и Вольтер отправился в путь.

10 июля 1750 года Вольтер прибыл в Берлин. Он был ослеплен. «Наконец-то я в этой некогда дикой местности, которая ныне столь же украшена искусствами, сколь возвеличена славой. Сто пятьдесят победоносных тысяч солдат, никаких прокуроров, опера, комедия, философия, поэзия, герой-философ и поэт, величие и изящество, гренадеры и музы, трубы и скрипки, ужины Платона, общество и свобода. Кто бы этому поверил?» – писал Вольтер д'Аржанталю 24 июля из Потсдама. Король наградил Вольтера орденом, пожаловал звание камергера, дал двадцать тысяч франков в год содержания.

Мы позволим себе дать выдержку из мемуаров Вольтера по этому поводу: «Король прусский, которому я часто говорил, что никогда не расстанусь для него с госпожой дю Шатле, во что бы то ни стало, хотел привлечь меня к себе, когда избавился от своей соперницы. Он наслаждался в то время морем, приобретенным путем побед, и досуги его были заняты сочинением стихов или писанием истории своей страны и своих походов. Он был не на шутку убежден, что его стихи и его проза, в сущности, несравненно лучше моих, но считал, что я в качестве академика могу придать некоторый лоск его сочинениям, и старался заманить меня к себе самыми

лестными обещаниями. Возможно ли противиться королю – победителю, поэту, музыканту, вдобавок делающему вид, что меня любит! Мне и самому показалось, что я его люблю, и вот, наконец, я снова направил свой путь к Потсдаму в июне 1750 года. Я был принят великолепно. Меня поместили в покои, в которых прежде жил маршал Саксонский, в моем распоряжении были королевские повара, когда я хотел обедать у себя, и королевские кучера, когда мне хотелось кататься, – все это было малейшей из оказываемых мне милостей. Ужины были весьма приятны. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что за ними говорили много остроумного: король был остроумен и вызывал остроумие. Самое удивительное при этом то, что я никогда не чувствовал себя более свободным за столом. Я работал каждый день два часа с его величеством; я исправлял все его работы, никогда не забывая усердно хвалить то, что в них было хорошего, в то время как вычеркивал то, что никуда не годилось. Я все поправки объяснял ему письменно, и эти письма составили ему руководство к риторике и поэтике для его личного употребления. Он воспользовался моими замечаниями, но его гениальный ум помогал ему гораздо более чем мои уроки. Придворный этикет меня не касался... Фридрих, заметив, что у меня начинает кружиться голова, удвоил опьяняющие напитки, чтоб очаровать меня окончательно. Последним соблазном было письмо, присланное им из своей комнаты в мою. Любовница не может выражаться с большей нежностью. Он старался в этом письме рассеять опасения, внушаемые мне его саном и его характером. Там стояли, между прочим, следующие слова: "Как могу я сделаться причиной несчастья человека, которого уважаю, люблю, который пожертвовал для меня родиной и всем, что есть у человека самого дорогого. Я почитаю Вас как наставника в красноречии. Я люблю Вас как добродетельного друга. Какого рабства, какого несчастья, какой перемены можете Вы опасаться

в стране, где вас уважают так же, как у Вас на родине, и в гостях у друга, одаренного благодарным сердцем? Я относился с уважением к дружбе, связывавшей Вас с госпожой дю Шатле; но после нее я был Вашим старейшим другом. Я обещаю Вам, что Вы будете счастливы здесь, пока я жив", – вот письмо, которое немногие государи способны написать. Это был последний бокал, который меня опьянил окончательно. Словесные изъявления были еще более энергичны, чем письменные. У него была привычка странным образом выражать свою нежность к более молодым, чем я, фаворитам, и он, забывая на минуту, что я не был их возраста и что рука моя некрасива, взял ее, чтобы поцеловать. Я поцеловал тогда его руку и сделался его рабом».

Вполне естественно, особенно памятуя о нравах двух наших героев, что долго так продолжаться не могло. И Вольтер становился все более дерзким, и Фридрихово восхищение постепенно сходило на нет. Вольтеру было тесно за столом короля, и это было очевидно всем. Кроме прочих, образовалось несколько камней преткновения: Вольтер, которого подвела присущая ему жажда наживы, оказался замешанным в скандальное дело еврейского маклера Авраама Гиршеля, где он принимал участие в незаконных операциях с векселями саконского казначейства. Вольтер, со своей стороны, был уязвлен дошедшей до его слуха цитатой из слов короля о кожуре, «которую выбрасывают, когда апельсин съеден», хотя это был всего лишь ответ короля на сетования Вольтера о «стирке грязного белья», то есть об исправлении философом литературных творений Фридриха. 18 декабря 1752 года Вольтер писал к мадам Дени: «Я ясно вижу, что апельсин выжат; нужно подумать о том, как спасти кожуру».

Последней каплей явилась известная «полемика», центром которой со своими светлыми идеями стал президент Берлинской академии наук Пьер-Луи-Моро де Мопертюи. Она общеизвестна: Мопертюи обвинил математика Самуила

Кенига – вольтеровского приятеля – в том, что тот пристрастен в приверженности точки зрения Лейбница в частном вопросе теории движения, разработанном Мопертюи. Вольтер вступился и публично обвинил Мопертюи в самодурстве. Фридрих, в свою очередь, дабы поддержать авторитет президента собственной академии, напечатал анонимно обидную и для Кенига, и для Вольтера брошюру «Lettre d'un Académicien de Berlin à un Académicien de Paris» (Berlin, 1753.- 22 p.)

Поскольку Вольтер был не из тех, кто способен долго терпеть нападки, он подготовил ответ. Дело в том, что в 1752 году несколькими изданиями вышли «Письма» Мопертюи, в которых он предлагал современной науке множество «прогрессивных» идей: провертеть дыру к центру Земли; продлить жизнь человека, закупоривая поры тела; устроить город, где все говорили бы только на латыни; вскрывать черепа преступников и патагонских гигантов, чтобы изучить связь между душой и телом...

Вольтер, вспомнив Свифта и его ученых с Лапуты, жесточайшим образом высмеял Мопертюи в брошюре «Diatribe du Docteur Akakia, médecin du Pape, decret de l'Inquisition, et rapport des professeurs de Rome au sujet d'un pretendu président» (A Rome, 1753), которая была напечатана, конечно, не в Риме, а за границами Пруссии – в Лейдене. Мопертюи в этом сочинении выведен под именем господина Сен-Мало – деспота и самодура, умственные способности которого очень беспокоят врачей, но, несмотря на это, он выдает себя за президента некой академии.

Это сочинение Вольтера чрезвычайно уязвило Фридриха – и как короля, в стране которого незаконно появилась брошюра, порочащая честь его высших чиновников, и как покровителя Берлинской академии. Вольтер дал письменное обещание впредь не оскорблять королевских чиновников, но Фридрих не унимался: он распорядился публично сжечь разысканные и арестованные экземпляры этого памфлета, что

и было исполнено 24 декабря 1752 года на площади перед королевским дворцом, на глазах автора.

Вольтер испугался. Он перестал появляться за вечерним столом у короля, а 1 января 1753 года отправил все знаки монаршей милости – орден, камергерский ключ и рескрипт о денежном содержании – обратно к Фридриху. И хотя король не принял этого, отослав обратно, дружбе пришел конец. Сказавшись больным, Вольтер решил уехать на воды во французское местечко Пломбьер, на что получил от короля разрешение 26 марта 1753 года. Проехав через Лейпциг, Готу и Кассель, он прибыл во Франкфурт, где, казалось бы, уже разрешившаяся ситуация получила неожиданное продолжение.

Дело в том, что Вольтер, покидая Берлин, вместе с прочими книгами взял с собой поднесенные ему Фридрихом три тома «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» 1750 года издания, которые содержали массу, как бы мы сейчас выразились «запрещенных», стихов короля, где высмеивались многие европейские монархи; особенную опасность представлял собой первый том, где была помещена поэма «Палладион» (подробнее об этом издании см. в соответствующем разделе настоящей книги).

А все экземпляры первого тома, которые Фридрих дарил своим ближайшим друзьям, рано или поздно возвращались к нему – и Франческо Альгарроти, и Клод Этьенн Дарже, уезжая от двора Фридриха, возвратили ему экземпляры. Этого не сделал только Вольтер, по-видимому, желавший приберечь «Палладион» в качестве козыря при появлении в Версале. Этого Фридрих допустить не мог.

В вольном городе Франкфурте, куда Вольтер приехал 31 мая, он был задержан агентами прусского короля прямо в гостиничных комнатах, где у него были изъяты пожалованный королем орден и камергерский ключ. Главного же – первого тома сочинений короля – не оказалось, поскольку багаж еще не подоспел из Лейпцига, и Вольтер был посажен

вместе с приехавшей ему навстречу племянницей под домашний арест. После приезда багажа книга была выдана королевскому уполномоченному, а сам Вольтер был освобожден только 7 июля. Этот инцидент окончательно расставил все точки над i в отношениях короля и философа, и с тех пор они если и вели переписку, возобновленную Фридрихом, то былые восторги и надежды ушли безвозвратно.

Литературные занятия Фридриха нисколько не отрывали его от эффективного управления Прусским государством. Распорядок дня у него был строг: король поднимался в пять часов утра (зимой – в шесть) и после утреннего туалета принимался за дела – занимался чтением писем и диктовал своему секретарю ответы. Примерно в одиннадцать король выезжал на смотр своего гвардейского полка, а затем начинал прием докладов. После обеда он давал назначенные аудиенции и только после этого предавался литературному труду. После этого, незадолго до ужина, устраивались небольшие концерты, в которых почти всегда принимал участие и сам Фридрих, прекрасно владевший игрой на флейте, а также на других музыкальных инструментах. Затем следовал ужин, который обычно заканчивался оживленными беседами короля и его ближайших друзей (об этих вечерних встречах мы писали выше).

В течение одиннадцати мирных лет король не только демонстрировал размеренность и четкость расписания, но и добился несомненных успехов в устройстве и развитии своего государства. По воле и под смотрением Фридриха была произведена масштабная судебная реформа, одним из главных достижений которой было уравнение всех сословий королевства в правах перед судом, а также создание судов, которые были независимы от местных властей. Также был окончен новый свод законов, получивший название “Corpus

juris Fridericianum", что опять же выдает вкус Фридриха, пожелавшего здесь быть наследником Юстиниана.

Король внес значительный вклад и в экономику королевства: по его распоряжению были осушены одерские болота, в постоянно затопляемых приморских землях Остфрисландии были выстроены плотины, а между многими судоходными реками были прорыты каналы. Таким образом король добился очень многого: в результате осушения болот были получены новые пахотные земли, плотины позволили не тратить огромные средства на восстановление строений и земель после наводнений, а каналы упростили систему речной транспортировки грузов, благодаря чему прусские товары стали значительно дешевле. Король довольно часто выезжал из резиденций по своим провинциям и лично следил за работами. Также королевским распоряжением были основаны две крупные торговые компании – бенгальская и азиатская.

Кроме того, король активно занимался строительством: в 1740-х—начале 1750-х годов в Берлине и окрестностях появляется несколько значительных архитектурных творений, в числе которых стоит назвать кафедральный собор в Берлине, призванный по идее Фридриха быть пантеоном прусских монархов; Оперный театр в Берлине; королевский дворец в Потсдаме; и, конечно же, дворцовый комплекс Сан-Суси. И хотя интерьеры этих строений еще являют собой образцы рококо, их фасады, которые изящны и одновременно просты, пытаются донести до нас дух зарождающегося классицизма. Архитектором большинства этих грандиозных построек был близкий друг короля Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф, который был выучен на средства Фридриха, когда тот еще был кронпринцем, а в 1740 году назначен Фридрихом-королем на должность верховного интенданта прусских королевских дворцов и парков.

По примеру многих европейских монархов той эпохи король занялся составлением картинной галереи. Поскольку

Фридрих, как мы уже говорили выше, был экономен, то он не мог себе позволить подобно Екатерине Великой скупать целые коллекции, притом отдавая значительные суммы посредникам. Фридрих в 1755 году сам (!) инкогнито даже совершил поездку в Голландию, чтобы пополнить свою галерею полотнами достойных художников.

Так бы, очевидно, и возрастала роль Пруссии в европейском устройстве, если бы не желание императрицы окрепшей Священной Римской империи Марии-Терезии вернуть «похищенную» Фридрихом Силезию. Случай представился: масштабный конфликт Франции и Англии окончательно перечеркнул все перспективы мирной европейской жизни, в результате чего в 1756 году в Европе началась знаменитая Семилетняя война (1756-1763).

Прусское королевство участвовало в Семилетней войне, выступая в составе коалиции, включавшей также Великобританию, Ганновер и некоторые германские княжества – Гессен-Кассель, Брауншвейг, Шаумбург-Липпе и Саксен-Готу, зависимые от английских субсидий. С другой стороны – Австрия, Франция, Россия, Швеция, Саксония и большинство германских государств, входивших в состав Священной Римской империи и вступивших в войну по решению имперского сейма в Регенсбурге 6 (17) января 1757 года.

Фридрих II, находившийся в зените своей силы, вступил в войну с осознанием безусловного превосходства. Он ставил своей целью захватить Саксонию, а также поставить Польшу в вассальную зависимость от Пруссии; Австрия же хотела вернуть захваченную Фридрихом Силезию, Франция – захватить Ганновер, а Швеция, вступившая в войну позднее, рассчитывала присоединить к себе прусскую Померанию. Россия стремилась остановить прусское продвижение на Восток и одновременно расширить свои владения, но при этом Россия оговорила свое неучастие в войне против Великобритании.

Пруссия к 1756 году имела в казне 16 миллионов талеров; ее 150-тысячная армия была прекрасно подготовлена, кроме того, ее северогерманские союзники выставили еще 47 тысяч человек. Антипрусская коалиция располагала вдвое большими силами, но пока не была готова к войне, сформировавшись для боеспособных действий только к началу 1757 года. Воспользовавшись этим замешательством, Фридрих с 95-тысячной армией 17(28) августа 1756 года вторгся в Саксонию. Первоначально Фридрих, пользуясь несогласованностью сил противника, без особых трудностей добывал победы, но вскоре тучи над ним стали сгущаться: в 1757 году в войну вступили союзники Австрии. Несмотря на успехи прусских войск, силы союзников сильно превосходили силы Фридриха, так что это превосходство, наконец, стало все ощутимее. Самым сокрушительным ударом для прусской армии было Кунерсдорфское сражение 1 (12) августа 1759 года, после которого только по несговорчивости союзных сил не был занят Берлин, что дало возможность королю продолжить войну. Король потерял около 19 тысяч человек убитыми, а значительная часть его армии просто разбежалась. Фридрих, с присущей ему эмоциональностью, даже хотел отречься от престола и передать верховное командование, но сумел взять себя в руки. Тем более что, собрав оставшиеся части войск, он смог довести численность своей армии примерно до 70 тысяч человек.

В 1760 году Фридрих едва смог набрать армию в 100-120 тысяч человек против 220 тысяч в русских, австрийских и имперских войсках. Однако несогласованность в действиях союзников опять помогала королю маневрировать и избегать крупных сражений. Тем более что Фридрих, потеряв при Кунерсдорфе значительную часть армии, с тех пор избегал крупных сражений, даже при очевидной выгодности положения. Только вынужденными можно назвать сражения этого

года при Лигнице и затем при Торгау, когда прусские войска одержали победу.

В 1761 году Испания выступила на стороне Франции, а на сторону Великобритании встала Португалия. Положение Фридриха было очень сложным: он берег остатки своей армии, избегал сражений и терял одну за другой свои крепости – Глац, Швейдниц, Кольберг. Так бы, наверное, и пришлось Фридриху употребить постоянно носимый им при себе пузырек с сильнодействующим ядом, если бы не смерть 5 января 1762 года императрицы Елисаветы Петровны, после чего сторонник Фридриха император Петр III освободил все занятые прусские территории и подписал союзный договор с Пруссией (свергнувшая его Екатерина II расторгла договор, но войны не возобновила). Так выход России из войны, – по сути, переход на прусскую сторону, – фактически спас Пруссию.

Таким образом, захват Саксонии, ради которого Фридрих начал войну, был невозможен ни при каких обстоятельствах. И Фридрих уже пытался хотя бы добиться для прусских границ довоенного положения, для чего не требовалось бы пускать в ход армию. Закончилась война подписанием 4 (15) февраля 1763 года Губертусбургского мирного договора, по которому за Пруссией закреплялось владение Силезией и графством Глац.

Мы умышленно не описываем подробно события этой войны, поскольку им посвящена не одна сотня томов. Но несомненно, что насколько эта война была драматичной для Фридриха, настолько были велики лавры, доставшиеся ему. И уже никто не смел опровергнуть приставку «Великий».

Представляется, что король жалел о своем участии в этой войне. Хотя она принесла ему славу, она же практически уничтожила плоды всех его трудов – Пруссия после этих семи лет оказалась в ужасном экономическом положении и

более напоминала пустыню, нежели былую цветущую европейскую страну.

Конечно, это состояние королевства крайне досаждало Фридриху. Король пытался доказать всей Европе, что Пруссия не лежит в руинах, а ее хозяйство уже начинает вновь расцветать. Для его восстановления после заключения мира из армии были распущены все крестьяне, города начали отстраиваться заново. С особенно пострадавших от войны областей были сложены подати: с Силезии на полгода, а с Померании – на два. Казна взяла на себя значительную часть расходов на восстановление разрушенных мануфактур и цехов. Чтобы как-то сводить концы с концами, король ввел большие пошлины на ввоз из-за границы предметов роскоши, а также передал казне право производства и торговли табаком и кофе. Также значительные средства и силы уходили на восстановление и поддержание боеспособности прусской армии. А в качестве неоспоримого доказательства возрождения Пруссии Фридрих распорядился начать сооружение в Сан-Суси Большого дворца.

Что касается внешней политики, то, конечно, никакое предприятие короля не могло сравниться с Семилетней войной, да и сам король сильно обжегся на войне с несколькими союзниками. А поскольку Фридрих по-прежнему имел жгучее желание прирастить свое королевство дополнительными землями, он предпочитал иметь теперь дело с единственным врагом. Именно Фридрих Великий инспирировал т.н. первый раздел Польши, при котором Пруссия получила устье Вислы, а также польские земли, которые, наконец, помогли королю избавиться от чрезполосности земель на востоке.

Последней кампанией Фридриха Великого была война с Австрией за Баварское наследство. В 1778 году король вступил в Богемию из Силезии, а армия его брата принца Генриха из Лузации. Но австрийцы заставили пруссаков остановиться, заняв позиции за Изером и верхним течением Эльбы.

Силы обеих сторон были приблизительно равны, поэтому противники обоюдно не были готовы вступить в решительное сражение. Так и простояли обе армии около трех месяцев, после чего прусские войска отошли обратно за пограничные Богемские горы, а кампания эта была названа «картофельной войной», поскольку вся она складывалась вокруг полей этого впервые посаженного иноземного корнеплода.

Таким образом, эта последняя кампания Фридриха, уже состоявшегося и уже великого полководца, оказалась самой неудовлетворительной из всех его войн: неспособность учета рельефа местности, явные ошибки в организации тыла, а главное – отсутствие всякой инициативы. Фридрих, привыкший всегда делать первый шаг, топтался на месте. И быть может то, что генерального сражения дано не было, спасло его армию от поражения, поскольку здесь перед нами предстает уже угасающий Фридрих, лишенный былой энергичности и быстроты решений.

Но, не сумев победить на поле сражения, Фридрих победил в дипломатической битве, добившись для себя выгоднейших условий мира. Его дипломатические способности, хитрость, прозорливость, а также талант интригана сделали подписанный в мае 1779 года Тешенский мир по сути победным для Пруссии.

Что касается внутренних дел, то Фридрих продолжал деятельно управлять своим королевством. И хотя он не привык слушать чьи-либо советы, он и без этого прекрасно был осведомлен о жизни своих подданных, да и сам до последних дней объезжал Пруссию со ставшими легендарными «инспекционными поездками». Король постоянно получал отчеты об умерших и о родившихся, о строительствах и посевах. Он постоянно следил за тем, какое количество товара продано за границу, какая провинция в чем имеет нужду и в чем преуспевает, даже отдельные мануфактуры подавали отчеты ко двору. Возможно, это многих не устраивало, но популяр-

ности у короля это также не отнимало. Удивительно, но в Пруссии не прижилась тайная полиция, а цензура, по сути, запрещала лишь три деяния: хулу против Бога, против таинств церкви и против чести народа.

Расписание короля было все таким же убористым, и Фридрих постоянно был чем-то занят: по-прежнему много читал, продолжал писать, но уже чаще прозой, не отступал от своей привязанности к музыке. Многие друзья короля уже почили, другие оставили его, за исключением Джорджа Кейта и генерала Фуке. Поскольку король с королевой всегда жили врозь, то Фридрих под конец жизни остался практически один. И хотя в 1783 году торжественно была отпразднована его золотая свадьба, он едва мог терпеть свою королеву.

В последние годы король, который быстро уставал, часами просиживал, слушая своих чтецов (он всегда любил, когда ему читали вслух), занимался придворной библиотекой и все вновь и вновь возвращался к французским классикам. Его мучила бессонница, а также обострившиеся болезни.

Поскольку бессонница усиливалась, секретарь приходил к королю с докладом уже не в семь часов утра, а в четыре. 15 августа 1786 года королю стало значительно лучше, но это было последнее прозрение. Ночью 17 августа король ненадолго пришел в себя и навсегда закрыл глаза.

Фридрих еще при жизни построил в Сан-Суси усыпальницу, в которой завещал положить свое тело, но взошедший на трон его племянник Фридрих Вильгельм приказал похоронить короля в гарнизонной церкви в Потсдаме. Воля Фридриха была исполнена только в 1991 году, и тело его было перенесено в Сан-Суси.

Если кратко охарактеризовать личность Фридриха, то наиболее явственно он проявился как полководец, поскольку были очевидны и объективные изначальные условия, и результат. Путь Фридриха-полководца не был прост и изоби-

ловал превратностями судьбы; король провел пятнадцать крупных сражений, в двенадцати из которых одержал победу, и смог оправиться после трех поражений. Не имея над собой высшего авторитета, он полагался только на собственные силы и превосходную смелость, подкрепленную блестящей военной стратегией. И, конечно, его образ как полководца запечатлен, прежде всего, теми кампаниями, когда он боролся против подавляющего численного превосходства войск неприятеля. Его отвага поражала неприятеля – стоит вспомнить хотя бы попытку взятия в плен в Праге всей австрийской армии; и в результате и блестящие победы, и достойные поражения имели не только чисто военное, даже иногда не столько военное значение, сколько моральное. И это моральное преимущество Фридриха, внушенное им неприятельским полководцам, многократно помогало ему. Даже в очевидных благоприятных ситуациях они не решались нанести Фридриху удар, поскольку они не могли предсказать действий короля и ждали от него решительно всего!

Характеристика Фридриха-полководца обнажает и характер короля вообще. И хотя настоящее издание, которое более описывает его как писателя и рисует его нам иногда тщеславным, иногда капризным, иногда завистливым, не стоит забывать о твердом внутреннем стержне короля. Именно благодаря своему непреклонному характеру он сорок пять лет успешно правил прусским королевством, именно благодаря ему он стал великим полководцем, выдающимся писателем и одним из самых великих монархов Нового времени.

Сокращения

Oeuvres – Oeuvres de Frederic le Grand. [Publie par J.D.E. Preuss, Historiographe de Brandenbourg]. T. I – XXX. Berlin, 1846-1857.

Barbier – Barbier *A.-A.* Dictionnaire des ouvrages anonymes. 3 ed. T. I – IV. Paris, 1872-1879.

Denina 1790 – Denina C. G. M. La Prusse litteraire sous Frederic II T. II. Berlin, 1790.

Denina 1791 – Denina C. G. M. La Prusse litteraire sous Frederic II T. III. Berlin, 1791.

Droysen I – Droysen H. Beitrage zu einer Bibliographie der prosaischen Schriften Friedrichs des Grossen. Berlin, 1904.

Droysen II – Droysen H. Beitrage zu einer Bibliographie der prosaischen Schriften Friedrichs des Grossen. (Fortsetzung und Schluss). Berlin, 1905.

Droysen III – Droysen H. Friedrichs des Grossen Druckerei im Berliner Shlosse.// Hohenzollern-Jahrbuch. Jahr VIII. Berlin-Leipzig, 1904.

Krieger – Krieger B. Friedrich der Grosse und seine Bucher. Berlin — Leipzig, 1914.

Luccesini – Lucchesini G. Das Tagebuch des Marchese Lucchesini. Munchen, 1926

Preuss I – Preuss J.D.E. Friedrich der Grosse als Schriftsteller. Berlin, 1837.

Preuss II – Preuss J.D.E. Friedrich der Grosse als Schriftsteller. [Die Ergänzung]. Berlin, 1838.

Библиотека Вольтера – Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.-Л., 1961.

I
Сочинения

1.

[**Friedrich II**]. Oeuvres du philosophe de Sans Souci. T. I–III. S. l. [A Berlin]. Au donjon du chateau. Avec privilege d'Apollon. 1750. grand in 4-o.— 29,2x23. Тома в «придворных» переплетах красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано на плотной бумаге верже. На титульных листах гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Exemplaire sur grand papier, исключительного качества и безукоризненной сохранности. Происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого в Потсдамском дворце.

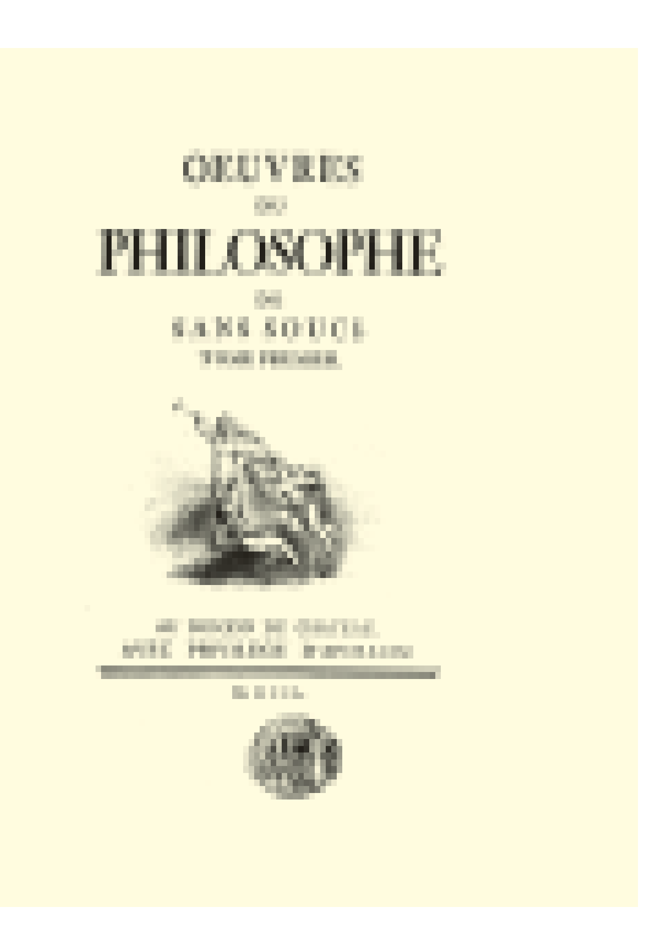
Tome I. [Le Palladion: poeme grave. Chant I–VI].— 224 с., 6 листов иллюстраций, 6 заставок, 6 инициалов и 6 концовок, выполненных в технике гравюры на меди (резец, офорт) работы Г. Ф. Шмидта. Все — avant la lettre. На титульном листе — гравированная виньета (67x90мм, офорт, резец, также без подписи). (Собр. МК РГБ, N107806-49.)

Tome II. [Odes. Epitres.] -246, [4] с., 2 заставки, 2 инициала и 22 концовки, выполненные в технике гравюры на меди (резец, офорт) работы Г. Ф. Шмидта. Все — avant la lettre. На титульном листе — гравированная виньета (67x90мм, офорт, резец, без подписи), такая же, как и на первом томе. (Собр. МК РГБ, N107809-49.)

Tome III. [Epitres familieres. Pieces diverses. Lettres en vers et prose. Pieces academiques.] -312, [6] с., 4 заставки, 4 инициала и 31 концовка, выполненные в технике гравюры на меди (резец, офорт) работы Г. Ф. Шмидта. Все – avant la lettre. На титульном листе – гравированная виньета (67x90мм, офорт, резец, без подписи), такая же, как и на предыдущих томах. (Собр. МК РГБ, N 93572-49.) В тексте «Dissertation sur les raisons d'etablir ou d'abreger les loix», расположенной на с. 263–312, на с. 264–299 имеется множество маргиналий, принадлежащих перу Фридриха Великого и Вольтера (см. приложение в конце книги).

В каждом томе на чистом листе перед титульным — карандашная владельческая запись кронпринца Фридриха Вильгельма Прусского (будущего германского императора Фридриха III; 1831-1888), начертанная 8 августа 1875 года, и свидетельствующая о том, что этот экземпляр происходит из библиотеки дворца в Потсдаме.

Это собрание является самым монументальным изданием сочинений короля, напечатанным при его жизни, которое

OEUVRES

PHILOSOPHE

SANS SOUCI

N 1. Титульный лист I тома.

включает в себя произведения, созданные с 1734 по 1750 год. Печаталось оно с ноября 1749 по август 1750 года, причем в самом ограниченном числе экземпляров, предназначавшихся только для самого автора, его ближайших родственников и друзей. Существование этого издания должно было оставаться в тайне, поскольку Фридрих довольно откровенно высказывался здесь о многих вещах, а шутки его были направлены против многих царствующих особ. Именно чрезвычайной осторожностью Фридриха объясняется и то, что и Дарже, и Альгаротти, и Мопертюи, да и сам Вольтер вынуждены были вернуть королю свои экземпляры. Первый том в настоящем издании чрезвычайно редок; это доказывается тем, что при подготовке знаменитого 30-томного собрания сочинений короля (Berlin, Chez Rodolphe Decker, 1846-1857), ни единого экземпляра найдено не было. Редактор этого издания Иоганн Прейсс писал тогда: «Мы не можем ничего сказать о первом томе этого издания, поскольку ни об одном экземпляре его нам неизвестно. В нем, вероятно, находились только две достаточно большие поэмы "Art de la guerre" и "Palladion"».[*]

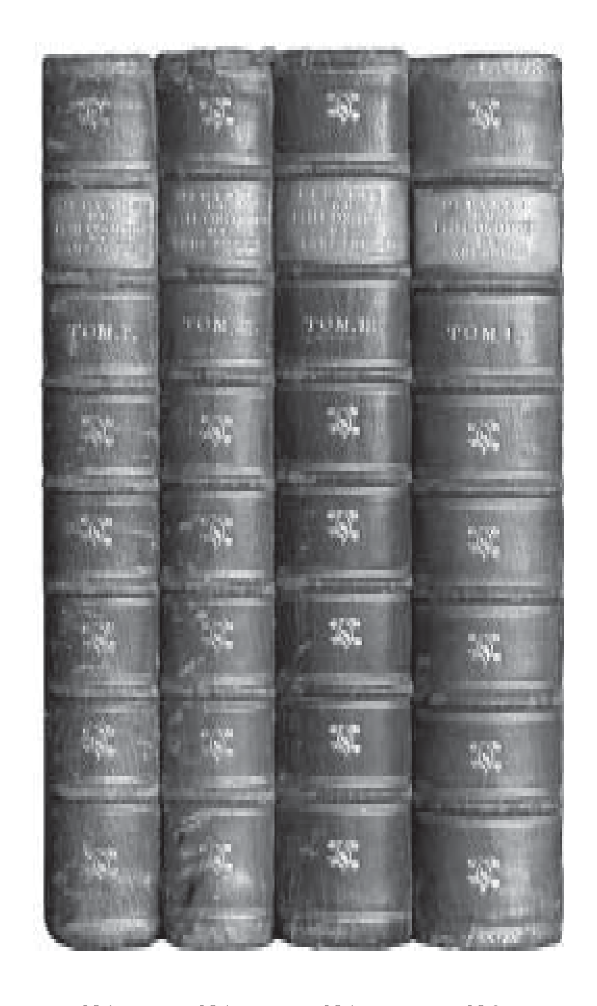
[*] Oeuvres X. P. IX

В действительности первый том включает в себя только поэму «Palladion». Второй том состоит из предисловия в стихах, своего рода посвящения друзьям, а также восьми од и шестнадцати эпистол. Третий том включает десять «Epitres familieres», девятнадцать «Pieces diverses», одиннадцать «Lettres en vers et prose», а также «Pieces academiques», числом три.

Хотелось бы немного сказать о псевдониме короля, который после выхода этого трехтомного собрания сочинений стал от него неотделим: в 1746 году король распорядился написать золотыми буквами на своем загородном дворце название «Сан-Суси» (Без забот). Прежде дворец назывался то «Vigne» (Виноградник), то «Lusthaus» (Загородный дом).[i] После этого король начинает помечать свои письма, написанные из Потсдама, названием этого дворца (письмо Вольтеру от 15 июля 1749 года.).[**] Примерно в это время королю

[**] Oeuvres XXII. P. 231

[i] Manger H. L. Baugeschichte von Potsdam, besonders unter der Regierung Konig Friedrichs des Zweiten. Bd. I. Berlin — Stettin, 1789. S. 36, 46.

N 1. N 1. N 1. N 2.

стало нравиться называть себя философом из Сан-Суси. 22 января 1750 года в письме к Альгаротти король пишет: «Госпожа Дюбоккаж оказала мне честь, добавив к моим титулам еще один. Распространено мнение, что у немецких принцев с этим туго. Мне понравился "философ из Сан-Суси и ваш друг"».[*] А 17 мая 1773 года Фридрих заканчивает письмо к Вольтеру следующими словами: «Философ из Сан-Суси приветствует патриарха из Ферне».[**]

[*]Oeuvres XXII. P. 83

[**]Oeuvres XXII. P. 281

Что касается указаний на титульных листах, что книга напечатана «в башне дворца» (Au donjon du chateau), то это не является выдумкой. Еще 10 октября 1739 года Фридрих писал из Рейнсберга Вольтеру: «Я вздумал построить башню для обсерватории. В нижнем этаже сделаю грот; во втором залу для физических инструментов; в третьем маленькую типографию. Башня должна примыкать к моей библиотеке помощию колоннады, над которой выведу площадку».[i]

Фридрих принялся за осуществление своего замысла с большим энтузиазмом: он решил первым делом напечатать прекрасное издание «Генриады» Вольтера: «Я приказал великолепнейшее сделать издание Генриады: все в нем будет достойно ея сочинителя».[ii] Принц узнавал о цене типографских станов, стремился выписать из Англии самые безупречные шрифты и типографские украшения. В качестве образца для «Генриады» он выбрал знаменитое двухтомное издание Горация, напечатанное Джоном Пайном в Лондоне (Quinti Horatii Flacci Opera. T. I-II. Londini, Aeneis tabulis incidit Iohannes Pine. 1733—1737. 8°); однако после его вступления на прусский престол в 1740 году идея устройства типографии угасла. Вернулся он к своей затее только в 1749 году, когда в башне его Берлинского замка — «донжоне замка» — было найдено место под типографию, из которой за непродолжительное время существования (до начала Семилетней войны) вышло всего несколько изданий, однако, каждое из которых пред-

[i] Фридрих—Вольтеру. Рейнсберг, 10 октября 1739. Переписка Фридриха Великого, короля Прусского с господином Вольтером, с 1736 по 1778 год. Ч. 1. Спб. 1816. С. 190.

[ii] 20 августа 1739 года из Берлина, к маркизе дю Шатле. //Фридрих II. Оставшияся творения... Т. VIII. Спб, 1791. С. 210.

PALLADION

N 1. Начало поэмы «Палладион».

ставляет собой лучшие образцы немецкого типографского искусства XVIII столетия.

Все тома «Oeuvres du philosophe du Sans Souci» богато иллюстрированы прекрасными гравюрами Шмидта и являются лучшим произведением этого выдающегося художника в книжной графике. Мы позволим себе посвятить ему несколько строк.

Георг Фридрих Шмидт (1712–1775) по праву считается одним из лучших европейских граверов XVIII столетия, а для Германии он однозначно есть первенствующий мастер резца. По уровню дарования к нему приближается только Даниэль Ходовецкий, однако, последний все-таки более рисовальщик и живописец, нежели непосредственно гравер.

Шмидт родился близ Берлина в семье ткача и, отказавшись наследовать фамильное ремесло, поступил в Берлинскую академию, где учился у Георга Пауля Буша. В 1736 году он отправился учиться в Париж, где благодаря рекомендациям живописцев Антуана Пэна и Никола Ланкре поступил в мастерскую знаменитого гравера Никола Лармессена. Работы Шмидта быстро привлекли внимание, особенно ему помогли похвалы портретиста Гиацинта Риго. За портрет художника Пьера Миньяра гравер в 1744 году был избран в Королевскую академию. В том же году Фридрих Великий пригласил Шмидта на должность придворного гравера и преподавателя Королевской академии в Берлине.

В Берлине Шмидт был уже мэтром, обретя славу придворного гравера и воспитывая учеников. Его работы, хотя и несут на себе следы французского влияния, раскрыли в это время блестящий талант Шмидта-портретиста. Свобода рисунка, пластика линий (столь несвойственные немецкой гравюре того времени) сразу же обращают на себя внимание. И хотя он был слабее как рисовальщик, что мы видим по воспроизведениям его собственных композиций, резец его был превосходен и искупал недочеты карандаша. В конце

LE PALLADION

Последняя страница корректурного издания I тома 1749 года (с фотографии 1904 года).

1740-х годов король доверил Шмидту награвировать иллюстрации для своих произведений, во многом благодаря чему «Oeuvres du philosophe de Sans-Souci», напечатанные в собственной королевской типографии, сделались и шедеврами немецкой иллюстрированной книги XVIII столетия.

В 1757 году Фридрих Великий всемилостивейше дозволил Шмидту отбыть в Петербург, где Императорская академия художеств заключила с ним контракт на пять лет, начиная с 25 сентября. И хотя он не очень много времени отдавал обучению, а более исполнял частные заказы на портреты, его влияние на русскую граверную школу оказалось значительным (уже после отъезда, осенью 1765 года Шмидт был избран членом Императорской академии художеств). В августе 1762 года Шмидт вернулся в Берлин, где впоследствии и умер.

Первый том «Oeuvres du philosophe de Sans Souci», о котором мы хотим рассказать подробнее, состоит из одного произведения Фридриха – поэмы «Палладион», сочиненной в качестве карнавальной шутки. «Палладион» написан королем под сильнейшим влиянием «Орлеанской девственницы» Вольтера, и подражание ей чувствуется с самого первого стиха: «Je ne suis ne pour chanter des heros (Я не рожден, чтоб воспевать героев)»; «Орлеанская девственница» же начинается словами «Je ne suis ne pour celebler les saints (Я не рожден, чтоб чествовать святых)». «Палладион» был целиком написан в зиму 1748-1749 года, в то счастливое время, когда король мог полностью посвятить себя литературным занятиям. Окончен «Палладион» был 30 января 1749 года. А 13 февраля Фридрих писал Вольтеру и обещал вскоре передать свое сочинение.*

*Oeuvres XXII. P. 205.

Некоторые немецкие исследователи пытались отстоять оригинальность королевского замысла по отношению к «Орлеанской девственнице», ссылаясь на тот факт, что поэма Вольтера отдана в печать лишь осенью 1755 года, однако эта

версия выглядит несостоятельной, поскольку различные части поэмы были написаны Вольтером к 1730 году и, начиная с 1742 года, поочередно пересылались венценосному другу для прочтения.

«Палладион», возможно из-за духа «Орлеанской девственницы», является одним из лучших произведений Фридриха. Аббат Денина писал, что «Если признать, что Вольтер в своей бурлескной поэме поэт больший, нежели в серьезных произведениях, следует согласиться и с тем, что Фридрих II как поэт ни в одном из своих произведений не достигает того, что есть в "Палладионе"».*

*Denina 1790. P. 80

Главное действующее лицо «Палладиона» – Клод Этьенн Дарже, секретарь маркиза Гюя-Луи-Анри де Валори (с 1739 года французского посла при берлинском дворе), который сопровождал короля в первой и второй войнах в Силезии. В первых числах сентября 1745 года Валори едва не был взят в плен в предместье Яромира командиром корпуса австрийской жандармерии подполковником Франкини. Дарже в этой ситуации обнаружил недюжинную смелость и преданность, представившись послом и тем самым спас Валори. Тогда же берлинские газеты (в номере от 11 сентября 1745 года) поведали об этом происшествии, а Вольтер, видимо, узнал об этом позднее – из письма самого короля от 15 июля 1749 года.** Указанное происшествие и составило сюжет поэмы.

**Oeuvres XXIII. P. 205

Интересно, что именно описанное происшествие счастливо повлияло на судьбу Дарже, которого Фридрих 18 января 1746 года назначил своим секретарем. Он стал тогда одним из ближайших друзей Фридриха, исполняя свою должность его секретаря до марта 1752 года, когда, сославшись на худое здоровье, уехал на родину (при этом Фридрих настоял на возвращении своих сочинений). После Дарже попросил отставку, которая была дана ему королем в письме от 26 июня 1753 года.***

***Oeuvres XX. P. 46

«Палладион» держался Фридрихом в особенной тайне, и, в отличие от двух других томов этого издания, первый

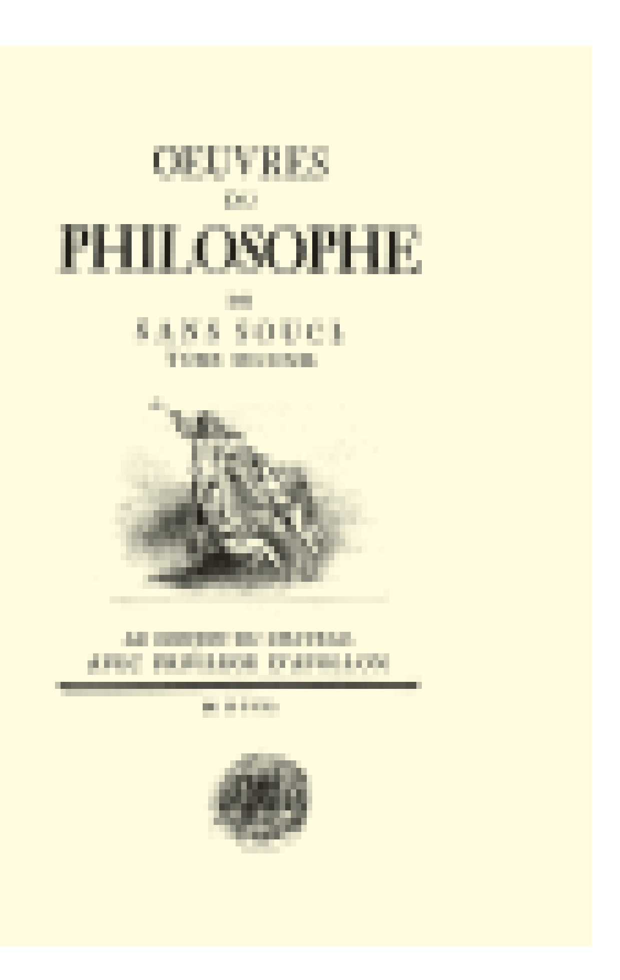
том при жизни короля так и не попал в чужие руки (даже любимая сестра короля — принцесса Амалия — получила в подарок только II и III тома).

Впервые после смерти короля «Палладион» увидел свет в базельском посмертном собрании сочинений Фридриха (Oeuvres posthumes. Basel, 1788. T. IV, p. 1–184); одновременно этот том базельского издания был перепечатан отдельно в Готе под заглавием «Le Palladion, poeme grave, suivi de quelques pieces fugitives» ([Gotha], C.-G. Ettinger, 1788, grand 8°). Причем напечатано оно тогда было не с печатного оригинала, а с рукописной копии, которую, по-видимому, издателям предоставил сын Дарже. С печатного текста 1750 года поэма издавалась, начиная с 1789 года, когда вышло три разных ее издания. Кроме того, в берлинских архивах в середине XIX столетия еще сохранялась беловая рукопись Фридриха на 135 страницах. Отметим, что редакция базельского издания отлична и менее безукоризненна, чем окончательный вариант в первом томе издания 1750 года, который, в свою очередь, тоже наполнен многочисленными ошибками (в основном типа «morderont» вместо «mordront»; «fraguements» вместо «fragments»; «de subtiles ressorts» вместо «de subtils ressorts»).

Как и все «Oeuvres du philosophe de Sans Souci», «Палладион» иллюстрирован превосходными гравюрами Шмидта. Известен один экземпляр пробных оттисков гравюр, отдельно от текста, который находился в собрании Георга Каспара Наглера (автора знаменитого словаря художников); как значительная ценность он был вместе с его собранием в 1834 году приобретен королевским кабинетом гравюр в Берлине. В наиболее полном каталоге работ Шмидта его иллюстрации к «Палладиону» описаны по отдельности (по экземпляру Наглера), а иллюстрации к трехтомнику не указаны вовсе, что является еще одним свидетельством его крайней редкости.[i]

В свою очередь, первый том с «Палладионом» был первоначально отпечатан в корректурном варианте: с указанием

[i]Wessely I. E. Georg Friedrich Schmidt. Verzeichniss seiner Stiche und Radierungen... Hamburg, 1887. S. 100-103, N278–299.

N 1. Титульный лист II тома.

*Воспр. см.: Droysen III. S. 85

1749 года на заглавном листе и без слов «конец первого тома» в конце. Эти слова были вписаны самим королем*. То есть король первоначально думал издать его не в качестве первого тома своих творений, а отдельным изданием, думается, в качестве спутника вольтеровой «Генриаде». Этот корректурный экземпляр сохранялся в Hohenzollernmuseum'е. Мы для сравнения воспроизводим последнюю страницу этого корректурного экземпляра (см. стр. 53). Здесь скажем, что и в корректуре, и в оригинальном издании 1750 года, имеются мелкие опечатки; наиболее заметные — в колонтитулах к третьей песне, где на страницах 87 и 99 в словах chant troisieme пропущена буква r.

Если опять же продолжить разговор о редкости первого тома 1750 года, то как он был недоступен издателям полного собрания сочинений короля в XIX столетии, так и при жизни самого автора он был недосягаем: маркиз Валори настолько возбудил любопытство версальского двора, что по желанию короля Людовика XV министр иностранных дел маркиз Луи Брилар Пюизье писал к Валори 7 марта 1750 года из Версаля: «Король все еще крайне желает получить поэму, о которой Вы нам говорили. Его Величество поражен тем впечатлением, которое может оказать это сочинение в областях самых серьезных. Он сохранит сочинение в безопасности. Вам предлагается приложить все усилия для его получения».[i] Но Фридрих отказал и французскому королю; он писал Валори 27 марта: «Господин, я получил Ваше письмо и приложенный отрывок. Вам известно, какие чувства связывают меня с королем, Вашим повелителем, и с какою готовностью я всегда пользуюсь любой возможностью, чтобы засвидетельствовать внимание и искренность моей любви. Знаете Вы и о том, что мне доставляет истинное удовольствие показывать то особое доброе расположение, что я испытываю к Вам. И все же я не могу позволить себе отослать ту безделку, о которой Вы просите.

[i] Valori, G.-L.-H. Mémoires des négociations du marquis de Valori, ambassadeur de France a la cour de Berlin, accompagnés d'un Recueil de lettres de Frédéric-le-Grand, des Princes ses frères, de Voltaire, et des plus illustres personnages du

Она не заслуживает того интереса, что Вы к ней проявляете. Только автор знает цену этой шалости, которая была для меня всего лишь заполнением досуга, веселым развлечением, своего рода вызовом, который я бросил самому себе. В поэме этой ощутимо веселье, в котором я пребывал, ее сочиняя. Я хотел писать гротеск, и некоторая снисходительность, без сомнения, позволила Вам уверовать в то, что мне это удалось. Но, к сожалению, об авторах несправедливо судят по их произведениям, и я боюсь, как бы сочинение это не вызвало слишком плохого мнения о моей фантазии. Я боюсь, как бы меня не обвинили в отсутствии здравого смысла, в чем во все времена укоряют поэтов. И Вы согласитесь со мной, что такие опасения не напрасны, когда, по воле судьбы, поэту доведется быть самим монархом. Я прекрасно понимаю, что простое предупреждение короля — Вашего повелителя, обязательно обеспечит мне защиту от этой опасности, а совершенное доверие, что питаю я к его дружбе и доброму характеру, полностью уверяют меня в нем. Но случай может похитить эту книгу из его рук — и чего только не выдумают тогда теологи, политики, те же пуристы! Король пишет поэму в шести песнях, осмеливается выдумывать небо, свободно критиковать землю; немец сочиняет на французском! Слишком многим придется жертвовать ради возможности посмеяться, и я не чувствую в себе решимости так открыто выступить против власти предрассудков. Я могу простить себе это сочинение только ради немногих мгновений, что я ему посвятил, и поскольку убежден, что искал развлечения исключительно для себя. Но Вы согласитесь, что люди будут слишком далеки от того, чтобы понять все мотивы моего оправдания».*

*Valori, G.-L.-H. Op. Cit. P. 309

Надо думать, Фридрих был польщен таким любопытством, но, вероятно, именно тогда он и решил удовлетворить нетерпение многих, желавших увидеть, наконец, первый том «Oeuvres». Король сделал ход, с последствиями которого до

XVIIIe siècle, précédés d'une Notice historique sur la vie de l'auteur T. II. Paris, 1820. P. 314.

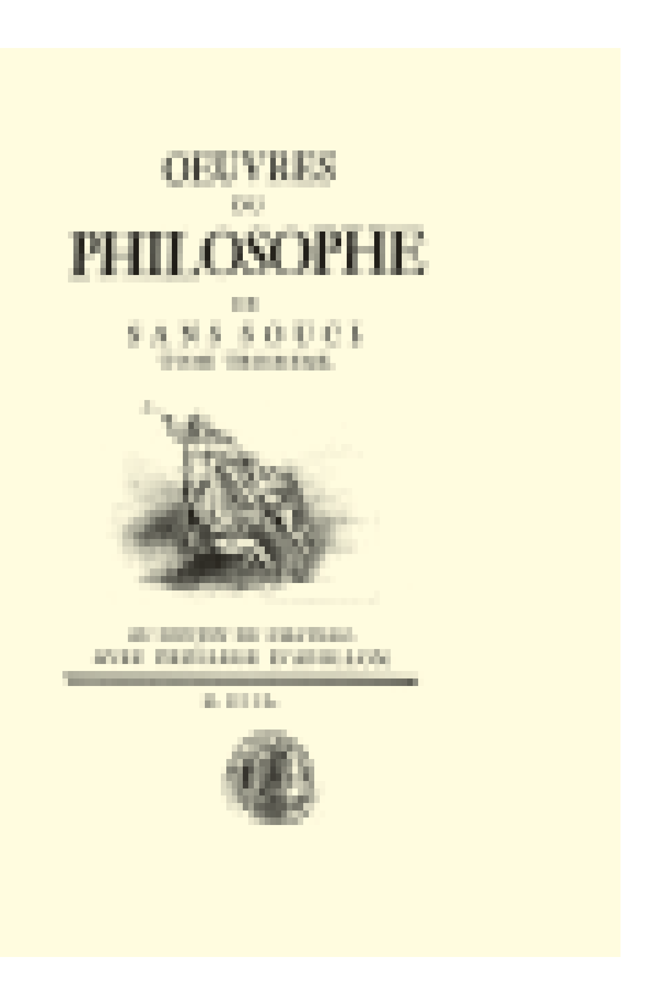
сих пор приходится иметь дело: в 1752 году он напечатал еще один первый том, но с совершенно иным содержанием, из-за чего в библиографиях творится огромная неразбериха (об этом издании речь пойдет ниже).

Выход в свет «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» счастливым образом совпал с приездом в королевскую резиденцию Вольтера — давнего королевского друга и корреспондента. Философ приехал 10 июля 1750 года, и именно ему выпало править творения Фридриха. Об этом много было сказано, потому еще раз приведем отрывок из мемуаров Вольтера: «Я работал каждый день два часа с его Величеством; я исправлял все его работы, никогда не забывая усердно хвалить то, что в них было хорошего, в то время как вычеркивал то, что никуда не годилось. Я все поправки объяснял ему письменно, и эти письма составили ему руководство к риторике и поэтике для его личного употребления. Он воспользовался моими замечаниями, но его гениальный ум помогал ему гораздо более чем мои уроки».

В числе прочих произведений Вольтер правил и тома «Oeuvres». В основном было известно о существовании только одного правленого экземпляра трехтомника. Первый том (не первый том в действительности, а корректурное издание 1749 года) с исправлениями короля, второй и третий тома – с исправлениями Фридриха и Вольтера. Этот комплект долгое время сохранялся в Сан-Суси. Вот как описывает его (говоря о третьем томе) французская путешественница Леония д'Оне: «Библиотека сообщается с кабинетом: она обширна, переполнена и оставлена нетронутою. На пюпитре я увидела большую открытую книгу. Это было французское произведение прусского героя под заглавием: «Epitres familieres, avec privilege d'Apollon». Этот том не имеет цены, потому что в нем находятся собственноручные заметки Вольтера ».[i]

Комплект с маргиналиями Фридриха Великого и Вольтера, о котором вспоминает путешественница, хранился в Сан-

[i] Д'Оне Л. Путешествие женщины на Шпицберген. Пер. с фр. Спб-М, 1869. С. 384.

N 1. Титульный лист III тома.

Суси и перешел затем в ведение созданного там в 1877 году Hohenzollernmuseum'a. Любопытно, что Вольтер правил третий том не по одному экземпляру. Основная правка была им внесена в экземпляр Hohenzollernmuseum'a, но расположенное в конце книги на страницах 263-312 сочинение «Dissertation sur les raisons d'etablir ou d'abreger les loix», он правил в другом экземпляре, который ныне находится в РГБ. Он и входит в состав описываемого комплекта. Правка выполнена чернилами, она находится на страницах 264–299 и сделана двумя людьми – Вольтером и Фридрихом, что легко определить по их почеркам. Мы воспроизводим эту правку в приложении к настоящему изданию. Что касается времени, когда Вольтер занимался исправлением третьего тома, это очевидно по письмам философа к Дарже — июль-начало августа 1750 года. Ранее о существовании этих маргиналий было известно только по воспроизведению 265 страницы, сделанному Густавом Богенгом в 1922 году в томе иллюстраций к своему труду «Великие библиофилы».[i]

[*] Droysen II. S. 6

В начале XX века исследователь Ганс Дройзен[*] в результате изнурительных поисков насчитал лишь три комплекта Oeuvres du philosophe de Sans Souci, из них один «сборный» в Hohenzollernmeseum'e (еще раз напомним, что первый том — корректура 1749 года), хотя и наиболее ценный ввиду испещренности маргиналиями великих, а также два полноценных экземпляра – в Королевской библиотеке в Берлине (его местонахождение неизвестно), а также в Королевской дворцовой библиотеке (именно он нами описывается и сохраняется в РГБ).

И это опять же неудивительно, поскольку король, когда второе издание первого тома уже печаталось в типографии, писал 28 декабря 1751 года маркизу Валори (в ответ на его бесконечные просьбы): «Я могу Вам выслать только это <издание 1752 года — П. Д.>, потому как Ваша вежливость обескуражила меня такой настойчивостью; последнего изда-

[i] Bogeng G.A.E. Die grossen Bibliophilen. Bd. 2. Leipzig, 1922. Abb. 187.

ния напечатано очень мало экземпляров, а старые столь несовершенны и столь неполны, что я предлагаю сжечь все экземпляры».[*] Может быть, именно из этих слов Прейсс сделал вывод о судьбе экземпляров первого тома: «некоторое время спустя он <Король> его полностью уничтожил».[**] Однако это оказалось неверным.

[*] Oeuvres XXVII. P. 351

[**] Oeuvres X. P. XI

В 1910-х годах Богдан Кригер нашел в королевских дворцах и перечислил в 1914 году в Gesamtkatalog'е найденные им экземпляры: во дворце в Потсдаме первого и второго томов с литерами **P** (Potsdam Stadtschloss) на крышках, а также тщательно сберегавшиеся 12 непереплетенных экземпляров первого тома (просто «в бумажке») и 6 переплетенных экземпляров второго; во дворце Сан-Суси он обнаружил второй и третий тома с литерами **V** (Vignes – Большой дворец в Сан-Суси) на крышках (эти два тома были найдены после смерти короля в камине, третий том – с правкой рукой короля), 3 экземпляра первого тома (два переплетенных и один «в бумажке»), а также 20 экземпляров второго тома «в бумажке», найденных после смерти Фридриха в деревянном заколоченном ящике.[***] Таким образом, всего получается 16 экземпляров первого тома (из них три в переплетах), 28 экземпляров второго (восемь в переплетах) и 1 экземпляр третьего тома. Ныне судьба этих многочисленных экземпляров неизвестна.

[***] Krieger. S. 129

Что касается непосредственно типографских работ над изданием, то мы имеем следующие сведения: печатанием в королевской типографии в Берлинском замке руководил придворный типограф Христиан Фридрих Хеннинг, который занимался устройством типографии – закупкой бумаги, литер, а также руководил всеми работами типографии. К 2 августа 1749 года было отпечатано корректурное издание «Палладиона», 8 апреля 1750 года поэма перепечатана и составила первый том «Oeuvres du philosophe de Sans Souci», затем печатались второй и третий тома, количество которых вместе составило сорок экземпляров.[****] 20 августа Хеннинг

[****] Droysen III. S. 87.

уже представил счет за печатание последнего третьего тома, объемом в сорок печатных листов.*

*Ibidem

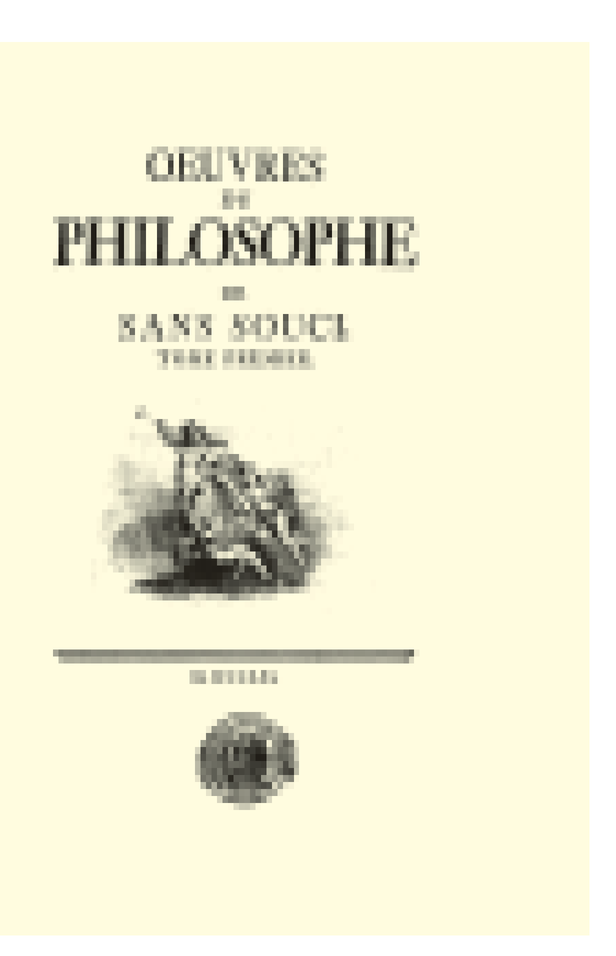
Переплетом королевских сочинений, как и вообще книг королевских придворных библиотек, занимался придворный переплетчик Крафт (Krafft).[i] 12 января 1750 года он подал счет за переплет экземпляров первого тома: 6 в красный сафьян и 17 в картонаж, оклеенный голубой бумагой (именно таковые найдены после смерти короля в Потсдамском дворце); а 19 февраля еще один счет: за 6 экземпляров второго тома в красном сафьяне, 2 — в картонаже, оклеенном голубой бумагой, а также за 1 экземпляр первого тома в красном сафьяне. То есть документально известно о переплетении 24 экземпляров первого тома и 8 второго.

Таким образом, по всей видимости, тираж «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» 1750 года издания составлял изначально около 30 экземпляров, причем большая часть их никогда не покидала королевских дворцов. Что же касается описываемого экземпляра в придворных переплетах,— он является единственным сохранившимся комплектом этого собрания сочинений.

2.

[**Friedrich II**]. Oeuvres du philosophe de Sans Sousi. T. 1. [Единственный.] [Odes. Epitres. L'Art de la Guerre: poёme]. S.l. [A Berlin]. 1752.— 416, [5], [1 пуст.] с. -grand in 4-o.— 29,3x23. С иллюстрациями: 8 заставок, 8 инициалов и 35 концовок, выполненных в технике гравюры на меди (резец, офорт) работы Г. Ф. Шмидта. На титульном листе – гравированная виньета, такая же, как и на собрании 1750 года. (67x90 мм, офорт, резец, без подписи). В «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано на плотной бумаге верже. На титульном листе гербовый штемпель фиолетовой краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Exemplaire sur

[i] Сведений об этом мастере разыскать не удалось. Немецкие исследователи переплета (даже такой значительный как Хельмут Хельвиг) также не называют ни его имени, ни биографических сведений, сообщая лишь фамилию и упоминая его работу при дворе. См.: Loubier H. Der Bucheinband von

OEUVRES

PHILOSOPHE

SANS SOUCI

N 2. Титульный лист.

grand papier, без помет и владельческих записей. (Собр. МК РГБ, N 107805-49.)

Это и есть переизданный Фридрихом первый том «Oeuvres du philosophe de Sans Sousi», который, по сути, является совершенно другим изданием, можно даже сказать, что первый том 1752 года является существенно дополненным изданием второго тома «Oeuvres» 1750 года.

В издание 1752 года вошли десять од (две из которых новые, не входившие в издание 1750 года), двадцать эпистол (четыре новых), а также поэма «Искусство войны». Что касается иллюстраций, выполненных Шмидтом, то «Odes & Epitres» иллюстрированы гравюрами без подписей, впервые примененными еще в издании 1750 года, а для «l'Art de la Guerre» были награвированы новые, им подписанные (в издании 1750 года иллюстрации были без подписей). Таким образом, из общего числа имеющихся в издании восьми заставок, восьми инициалов и тридцати пяти концовок, шесть концовок и шесть заставок заново награвированы и подписаны Г.Ф. Шмидтом (одна без подписи), а инициалы все взяты из издания 1750 года.

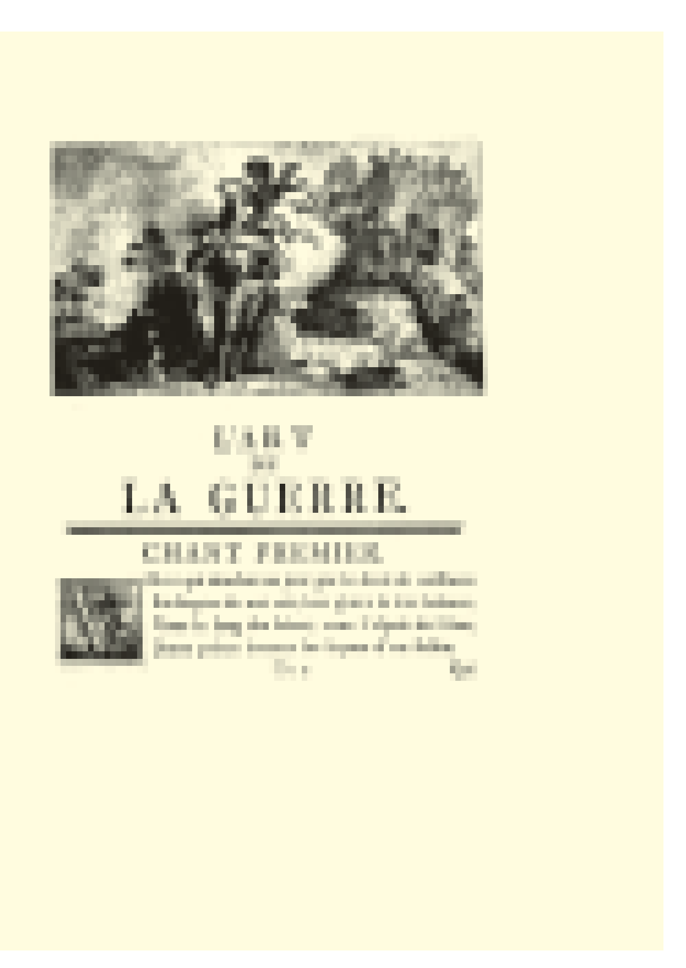
Некоторого комментария требует публикация поэмы Фридриха «Искусство войны». По причине того, что составитель монументального собрания сочинений короля Иоганн Прейсс не смог разыскать первый том 1750 года, он предположил, что «Искусство войны» было напечатано в нем.* Он же пишет, что существует первое печатное издание поэмы, вышедшее в свет в мае 1749 года.** Издания 1749 года в природе не существует, да и история издания поэмы несколько иная.

*Oeuvres X. P. 12

**Ibidem

Вольтер, приехав в Потсдам, исправлял в числе прочего и «Искусство войны». В марте 1751 года он правил пятую песнь, а в июле того же года шестую (последнюю). По результатам своего редакторского чтения Вольтер писал Фридриху: «Передаю Вашему Величеству эти шесть песен и оставляю ему

seinen Anfängen bis zum Ende des 18. Jahrhunderts. 2 Aufl. Leipzig, 1926. S. 256; Helwig H. Handbuch der Einbandkunde. Bd. 1. Hamburg, 1953. S. 123; Ibidem. Bd. 2. Hamburg, 1954. S. 76.

L'ART

LA GUERRE

CHANT PREMIER

N 2. Начало поэмы «Искусство войны».

полную свободу выбора для достижения победы. Произведение целиком достойно Вас, и если б в своем путешествии я увидел что-нибудь настолько же замечательное, мне не следовало бы сожалеть о родине».[*]

[*]Oeuvres XXII. P. 311

Печатный экземпляр, по которому Вольтер правил «Искусство войны», неизвестен. Тогда как беловая рукопись поэмы, в четвертую долю листа рукой королевского секретаря, с многочисленными и обширными критическими замечаниями Вольтера (подчас они занимают целую страницу), в середине XIX века хранилась у наследников графини Шарлотты Иценплиц-Фридландской.[**] Комментарий Вольтера столь велик, что перо философа не оставило ни одной чистой страницы, а много стихов вовсе оказались переписаны им поверх зачеркнутого королевского текста. Столь значительная правка была предпринята Вольтером по причине постоянных просьб короля получить драгоценные уроки стиля по тексту всех шести песен поэмы.[i]

[**]Oeuvres X. P. 12

Вольтер не посмел отказать: он хвалит удачные стихи, улучшает множество шероховатостей, вселяя гармонию в королевские вирши. Фридрих (как и бывало всегда) полностью принял советы Вольтера – он, согласно маргиналиям писателя, заменяет слова, удаляет целые фразы, заменяя их новыми; а стихи, написанные Вольтером как пример, включает в основной текст сочинения. В результате этого «коллективного труда» ныне поэма Фридриха является одним из лучших стихотворных сочинений короля.

Эти сведения очень интересны для истории написания поэмы, но мы говорили об издании. Дело в том, что при наличии печатного издания того или иного королевского произведения, Вольтер правил именно по печатному экземпляру сочинения. И наличие этой корректурной рукописи лишний раз подтверждает то, что к 1751 году печатного издания поэмы попросту не существовало. Таким образом, мы

[i] См. письма короля Вольтеру от 16 мая, 10 июня и 4 сентября 1749 года – Oeuvres XXII. P. 225, 227 et 243.

POESIES
Diverses

N 3. Титульный лист.

смеем утверждать, что поэма «Искусство войны» впервые была напечатана именно в единственном томе «Oeuvres du philosophe de Sans Sousi» 1752 года.

Что касается непосредственно печатания книги, то она была напечатана там же, что и три части «Oeuvres» – в Берлинском дворце, хотя на томе 1752 года и отсутствует запись «Au donjon du chateau. Avec privilege d'Apollon». Книга печаталась с 11 октября 1751 года и была окончена 19 февраля 1752 года. 6 марта 1752 года придворный типограф короля Христиан Фридрих Хеннинг подал королю счет за эту книгу с указанием времени печатания.* Король уже ждал экземпляры, когда писал своей сестре маркграфине Байрейтской 26 февраля 1752 года: «Как только переплетчик мне вручит мои безумные мысли, я буду иметь честь послать их Вам».**

*Droysen III. S. 88

**Oeuvres XXVII. P. 236

Тираж в счете, увы, не указан, но он также не был велик, хотя и больше, чем у трехтомного издания. Судя по всему, было отпечатано около пятидесяти экземпляров, по крайней мере, придворный переплетчик Крафт представил 7 апреля 1753 года счет за переплетение сорока четырех:

«1752 года 29 февраля. 10 экземпляров I тома из королевского дворца переплетены в сафьян. Да ящик, для них сделанный.

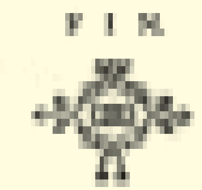
1752 года 12 марта. То же 4 экземпляра из королевского дворца переплетены, да 30 экземпляров сброшюрованы. Да ящик, для них сделанный».***

***Droysen III. 87

Наверное, король бы и не думал более заниматься публикацией своих сочинений, если бы не события 1760 года, которых мы коснемся ниже.

Следующим после «Oeuvres du philosope de Sans-Souci» собранием сочинений короля стал сборник «Разных стихотворений», печатавшийся многократно в разных вариантах.

F I N.

N 3. Последняя страница.

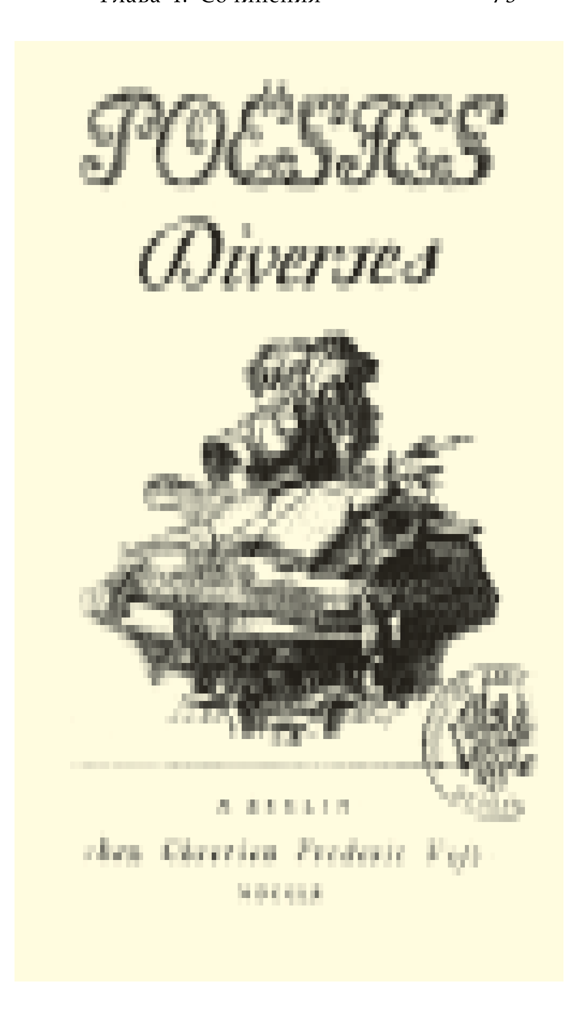
Фридрих постарался в короткие сроки напечатать значительное число «Poesies diverses», чтобы заставить забыть некогда выходившие «Oeuvres». И это желание короля имело под собой подоплеку.

Дело в шедшей тогда в Европе Семилетней войне 1756-1763 годов, в которой Пруссия играла не последнюю роль (об этом мы подробнее писали в предисловии). И кроме явного интереса стран-союзниц, при начале Семилетней войны масло в огонь подливали постоянные и крайне обидные остроты и колкости, отпускаемые Фридрихом в адрес Марии-Терезии и Елисаветы Петровны. И может быть, Фридрих, если бы мог предвидеть свое плачевное в этой войне положение, поостерегся бы писать их и предавать печати.

В 1760 году король выбивался из сил; сломленный военными неудачами, он пытался набрать армию. В этом деле огромную роль играло участие Англии, поскольку король Георг II субсидировал средствами английской короны сухопутные операции Фридриха на континенте.

Именно в этот тяжелейший момент в Европе одновременно выходит несколько контрафактных перепечаток королевских творений под заглавием «Oeuvres du philosope de Sans-Souci», которые включают в себя текст второго издания первого тома «Oeuvres» (1752 года издания) и иногда «Mémoires pour servir à l'histoire de la Maison de Brandebourg». Они появляются в различных городах Европы, привлекая к себе значительное внимание; причем называются они примерно одинаково, а печатаются зачастую с обозначением 1750 года. Их простым отличительным признаком следует считать присутствие в их содержании поэмы «Искусство войны». Первым по времени таким изданием, вышедшим в январе 1760 года, Иоганн Прейсс* считает том в 12 долю, где местом издания означен Потсдам (Oeuvres du Philosophe de Sans-Souci. A Potzdam 1760), который в действительности был отпечатан в Париже.

*Oeuvres X. P. 10

POESIES
Diverses

A BERLIN

N 4. Титульный лист.

Таким образом, в январе 1760 года в Париже оказались напечатанными произведения Фридриха, причем с сохранением всех сатирических мест, которые многих царствующих особ заставили поморщиться, а уже в марте 1760 года папа Климент XIII наложил на это издание запрет. Однако самым щекотливым для Фридриха было то, что в издании были сохранены фрагменты, направленные против английского короля Георга II, который оставался самым важным союзником почти поверженного Фридриха.

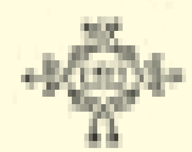
Фридрих испугался, распорядившись вместо парижской перепечатки приготовить в кратчайшие сроки новое издание, а прежнее объявил подделкой. Для большего убеждения читателя король сочинил опровержение, поместив его в начале как «Оповещение книгопродавца». Силами королевских печатников в 1760 году вышло несколько различных изданий с одинаковым заглавием «Poesies diverses». Сам же король тогда о стихосложении не думал вовсе; интересны строки из письма его к маркизу д'Аржансу, написанного из Мейсена 1 апреля 1760 года: «А у меня поход отнял совсем к стихам охоту; она пропала, и я не могу написать ни одной строки, доколе обстоятельства наши не будут благоприятнее нынешних».[i]

Все хлопоты по подготовке этого издания легли на Луи Исаака де Бозобра (1730–1783) — философа и историка, сына известного протестанта. Будучи приближенным ко двору Фридриха Великого, Бозобр состоял в должности советника короля по французским делам и был избран в 1753 году членом Берлинской академии наук. Также в подготовке издания принимал участие и друг короля маркиз д'Аржанс.

Стоит сказать, что восьмидесятидвухлетний король Георг II, к счастью для Фридриха, тогда уже не обращал внимания на подобные смешки, поскольку был болен, и 25 октября 1760 года скончался, уступив престол своему внуку Георгу III. Остается догадываться, повлиял ли Фридрих-сатирик на

[i] Фридрих II. Оставшияся творения... Т. VII. Спб, 1789. С. 10–11.

F I N.

ERRATA.

N 4. Последняя страница.

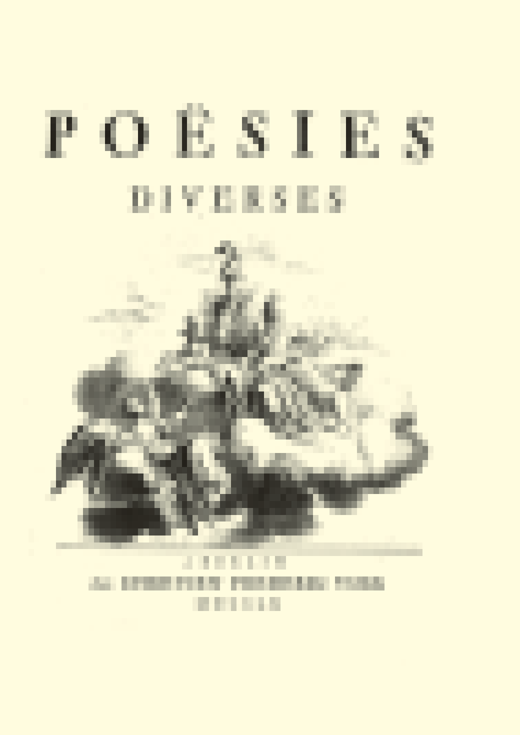
решение взошедшего на престол английского короля, но Георг III вскоре прекратил субсидировать сухопутные военные действия прусского короля.

Первым было издание в восьмую долю листа, напечатанное в Берлине Христианом Фридрихом Фоссом, вышедшее в свет 9 апреля 1760 года. Оно существует (что можно выяснить, сравнив их) в трех различных вариантах, что свидетельствует о явной спешке при их подготовке и печатании:

3.

[**Friedrich II**]. Poësies diverses. [Odes. Epitres. Stances. L'Art de la Guerre.] Berlin. Chez Chretien Frederic Voss. 1760.— [4], 1-256, 297-346c. <=[4], [306] c.>(ошибка в пагинации). Без «errata» на с. 346.- In 8-о,— 17,7x10,5. На титульном листе – гравированная виньета (офорт, внизу подпись: «I.W.Meil invt: et. fe:»). Текст на титульном листе отпечатан красным цветом, виньета – черным. В «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано на особой бумаге (толщина блока 2,5 см). Виньета на титульном листе в данном издании почти идентична с виньетами на двух других изданиях этого же года в этом формате. Единственный известный экземпляр данного варианта, превосходной сохранности, происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого. (Собр. МК РГБ, N90222–49.)

Это единственный известный экземпляр первого варианта издания, который, по-видимому, был отпечатан специально для короля. На нем еще отсутствуют две строки **errata** на последней странице. Виньетка на титульном листе гравирована с собственной композиции Иоганном Вильгельмом Мейлем (1733-1805), директором Берлинской академии.

N 5. Титульный лист.

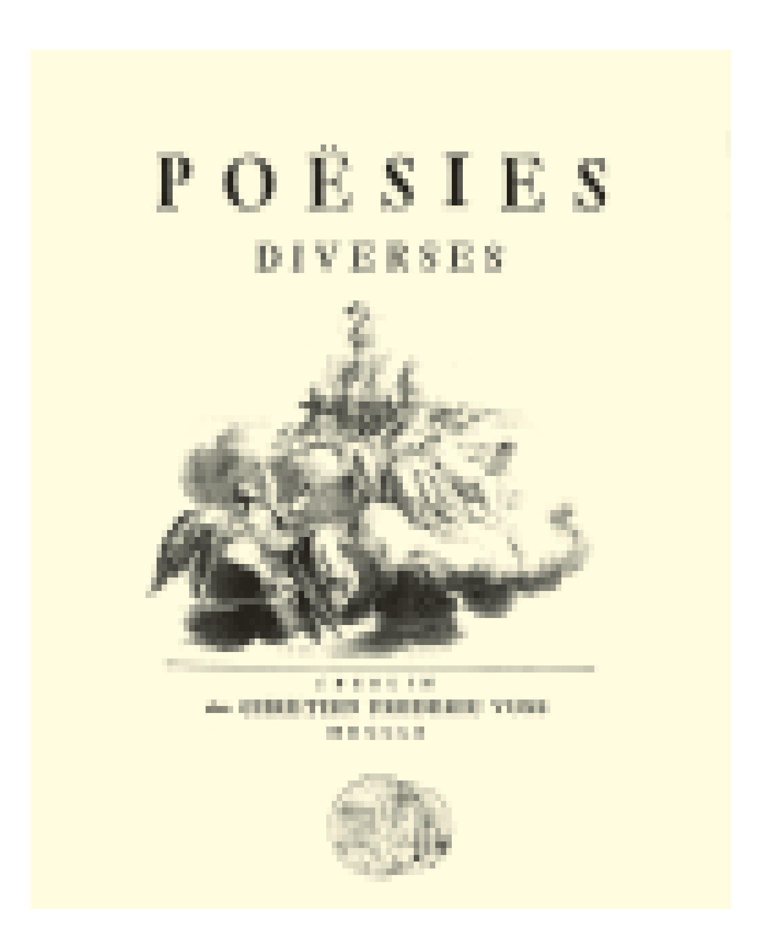
4.

[**Friedrich II**]. Poёsies diverses. [Odes. Epitres. Stances. L’Art de la Guerre.] Berlin. Chez Chretien Frederic Voss. 1760.— [4], 1-256, 297-346с. <=[4], [306]с.>(ошибка в пагинации).— In 8-o,— 16,2x9,5. На титульном листе – гравированная виньета, выполненная И. В. Мейлем (офорт, внизу подпись: «I.W.Meil invt: et. fe:»). Текст на титульном листе отпечатан красным цветом, виньета – черным. На последней странице внизу напечатано: «ERRATA / pag. 297. lises p. 257 & ainsi des suivantes». Отпечатано на обычной бумаге (толщина блока 1,5 см). Виньета на титульном листе полностью идентична с предыдущим изданием. В золоченом картонаже второй половины XIX века. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Экземпляр обрезан более обычного. (Собр. ОХ РГБ, N и 15206 — 72).

Это второй вариант издания, в таком виде оно встречается довольно часто. Как мы и сказали при описании, экземпляр переплетен позднее в золоченый картонаж и при этом еще более подрезан, почему и размер его несколько меньше. Приведением королевской библиотеки в порядок усиленно занимался король Фридрих Вильгельм IV (1795-1861), именно с его участием, по-видимому, связано то, что многие ветхие переплеты были заменены новыми, а большая часть книг в обертках была переплетена.

4a.

[**Friedrich II**]. Poёsies diverses. [Odes. Epitres. Stances. L’Art de la Guerre.] Berlin. Chez Chretien Frederic Voss. 1760.— [4], 306с.— In 8-o,— 17,7x10,5. На титульном листе – гравированная виньета, выполненная И. В. Мейлем (офорт, внизу подпись: «I.W.Meil invt: et. fe:»). Текст на титульном листе отпечатан красным цветом, виньета – черным. В переплете красного сафьяна (не «придворном») с золототиснеными рамками

POËSIES

DIVERSES

N 6. Титульный лист.

на крышках, золототисненой дублюрой и золотым обрезом. Отпечатано на обычной бумаге (толщина блока 1,3см). Виньета на титульном листе в данном издании почти идентична с виньетами на двух других изданиях этого же года в этом формате. На обороте верхней крышки имеется печатный ярлык с текстом: «Bibliotheque de M-r Leon Thimister». Отличный экземпляр. (Собр. МК РГБ, N18839-63.)

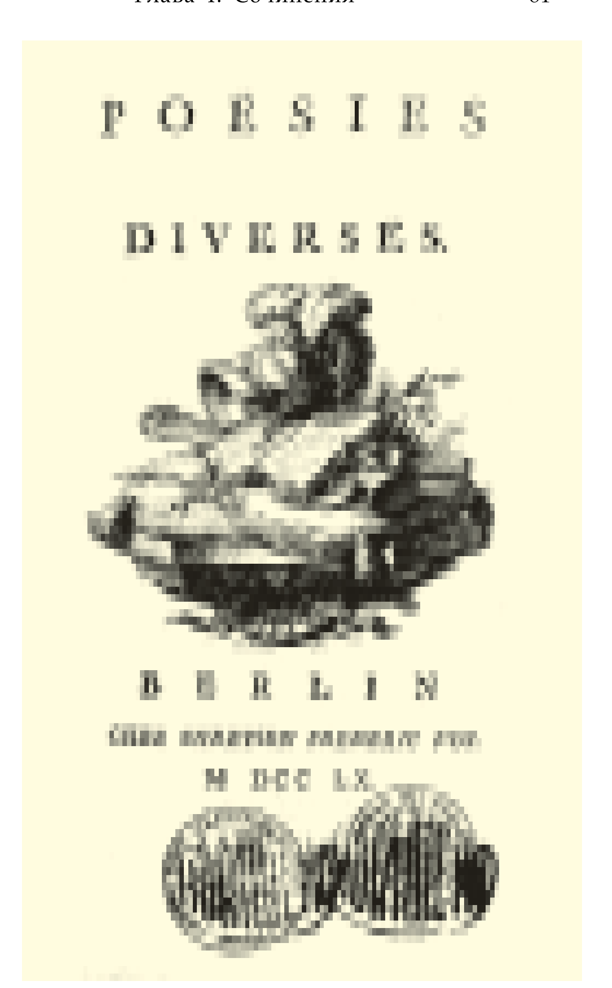
Это третий вариант. Хотя он и не происходит из королевской библиотеки, мы дополнительно даем его описание, поскольку это важно для рассмотрения всех вариантов вместе. Он немного отличен: гравером заново проработана заставка на титульном листе, к тому времени изрядно изношенная; также сделаны изменения в наборе — наконец исправлены погрешности в пагинации, другим шрифтом набраны кустоды. Заменены частично декоративные заставки, линейки и концовки. Виньеты также другие, хотя и очень схожие.

Этот вариант наиболее частый из всех трех. Он носит характер исправленного издания. Нам не ясно, почему вместе с внесением исправлений были заменены декоративные элементы, поскольку книга полностью заново не набиралась. И отпечатан он был явно значительно позднее апреля 1760 года.

Несколько месяцев спустя тот же Христиан Фридрих Фосс напечатал еще одно, более роскошное издание, подготовка которого заняла больше времени, чем предыдущего. Печаталось оно уже в ограниченном числе экземпляров и было более дорогим, иллюстрации были награвированы Шмидтом.

5-6.

[**Friedrich II**]. Poësies diverses. [Odes. Epitres. L'Art de la Guerre.] A Berlin. Chez Chretien Frederic Voss. 1760.— [10], 444 c.— In 4-o (grand & petit).— С илл., 1 лист гравированного

POESIES

DIVERSES.

BERLIN

M DCC LX.

N 7. Титульный лист.

фронтисписа резца И. В. Мейля (внизу слева подпись: «I.W. Meil inve: del: et sculpist»); на титульном листе – гравированная им же виньета (11,3x13,2 – офорт, резец, с подписью); 8 заставок, 39 инициалов и 25 концовок, выполненных в технике гравюры на меди (резец, офорт). Из них заставки на с. 351, 367, 383, 397, 413, 427 и концовки на с. 366, 382, 396, 412 и 426 подписаны Г.Ф. Шмидтом, остальные без подписей. Подписные иллюстрации Г.Ф.Шмидта, как и в I томе «Oeuvres» 1752 года, иллюстрируют «l'Art de la guerre».

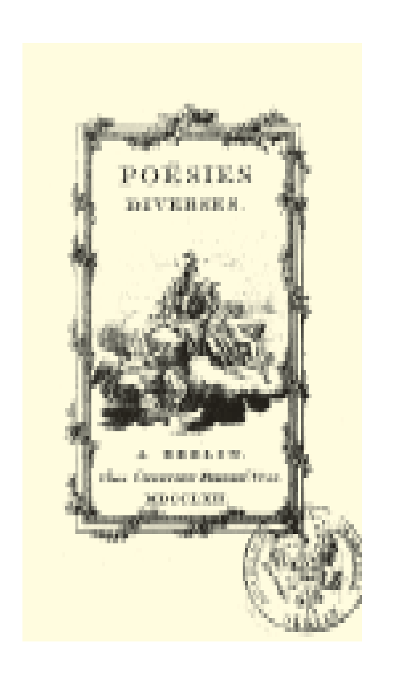
Издание, хотя и в одинаковом книжном формате (в четвертую долю), было отпечатано в двух вариантах – grand papier & petit papier, отличающихся по размеру и по бумаге, причем экземпляров sur grand papier, по-видимому, было отпечатано не более ста.

Sur grand papier:

— In grand 4-o.— 28,4x22,5, толщина блока 4,5 см. Экземпляр в «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках, золототисненой дублюрой и золотым обрезом. Отпечатано на плотной тряпичной бумаге верже. Превосходный экземпляр без помет и владельческих знаков. (Собр. МК РГБ, N 90559-49.)

Sur petit papier:

— In 4-o. -23,9x19,7, толщина блока 2,5 см. Экземпляр в светло-коричневом переплете veau (в аналогичные также частично были переплетены книги из придворной библиотеки Фридриха II), с золотым тиснением на крышках и корешке. Обрез крашеный, красный. Отпечатано на обычной тряпичной бумаге верже. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Экземпляр без помет, отличной сохранности. (Собр. МК РГБ, N 91131-49.)

POËSIES

DIVERSES.

A BERLIN.

N 8. Титульный лист 1 части.

Эти два издания Poesies diverses 1760 года, которые насчитывают пять разновидностей, произвели настоящую сенсацию в Европе. Дополнительный эффект книгам придавало то, что они выходили из-под пера почти поверженного монарха.

Сатирические места были либо изменены, либо вовсе исключены. А для предупреждения неприятных толков король добавил сюда «Ode a la Calomnie», а также «Stances, paraphrase de l'Ecclesiaste». Так что сборник теперь насчитывал одиннадцать од, «Стансы, пересказ Екклесиаста», двадцать эпистол и поэму «Искусство войны». Иллюстрации были выполнены Г.Ф. Шмидтом, сделав эту книгу одним из лучших иллюстрированных изданий Германии середины XVIII века.[i]

Хотя слава Фридриха с появлением «Poesies diverses» возросла еще более, король не был доволен этим изданием. Больше того: король был раздосадован, что ему пришлось изъять все то, что он называл своими «законными мыслями». В письме маркизу д'Аржансу от 19 февраля 1760 года король при описании Poesies diverses называет их «batardes», отказывая им в праве называться философскими.[*]

[*]Oeuvres XIX. P. 143

В том же году кроме этих «программных» изданий вышло еще несколько переизданий:

7.

[**Friedrich II**]. Poësies diverses. [Odes. Epitres. Stances. L'Art de la Guerre.] Berlin. Chez Chretien Frederic Vos <sic!>. 1760.— 322, [2]с., с илл.— In 8-o,- 17,4x10,1. На титульном листе – гравированная С. Фокке виньета (6,9x7,4 – офорт, внизу подпись: «S. Fokke fec.»); 5 заставок и 6 концовок, гравированных офортом, без подписей. На титульном листе слова "diverses", "Berlin" и дата отпечатаны красным цветом. В переплете красного сафьяна (не «придворном») с золототиснеными рамками на крышках, золототисненой дублюрой и золотым об-

[i]Wessely I. E. Georg Friedrich Schmidt. Verzeichniss seiner Stiche und Radirungen... Hamburg, 1887. S. 96-99, N248-277.

N 8. Переплеты.

резом. Отпечатано на плотной тряпичной бумаге верже (толщина блока 2,4 см). На титульном листе 2 гербовых штемпеля: первый – черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin», второй — синей краской с текстом: «Bibliothek des kronprinzen». На втором чистом листе перед титульным – владельческая запись коричневыми чернилами: «Friedrich Wilhelm 1855» – автограф прусского короля Фридриха Вильгельма IV (1795-1861). Превосходный экземпляр. (Собр. МК РГБ, N90223-49.)

Нам неизвестна судьба этого издания, но можно лишь утверждать о большой редкости его, поскольку второго экземпляра нам видеть не приходилось. Оно очень примечательно с художественной точки зрения, являя собой превосходный образец рококо в книжном искусстве Германии середины XVIII века. Художником, который оформлял это издание, был Симон Фокке (1712-1786) – гравер, офортист и рисовальщик, один из лучших художников клевской школы, известен легкостью руки и изяществом резца. Кроме того, этот экземпляр из числа подносных, отпечатанный на особой бумаге.

8.

[**Friedrich II**]. Poёsies diverses. P. [1]–2. [Odes. Stances. Epitres. L'Art de la Guerre.] A Berlin. Chez Chretien Frederic Voss. 1762. Две части с единой пагинацией.— in 24-o. -13,1x7,2. В двух «придворных» переплетах красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано

на плотной тряпичной бумаге верже. Экземпляр происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого из Потсдамского дворца. На титульном листе первой части и на авантитуле второй – гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». На верхних крышках переплетов вытиснена литера «P» [Potsdam Schloss]. Превосходный экземпляр.

[I] Partie. [Odes. Stances. Epitres I–X.]–[2] с. грав. титульного листа, X, [2], 303, [304- пуст.] с. Титульный лист без подписи гравера. Экземпляр полный (издан без авантитула). (Собр. МК РГБ, N91030-49.)

2 Partie. [Epitres XI–XX. L'Art de la guerre.]–[305-306] с. авантитула, 307-632 с. Экземпляр полный (издан без титульного листа, с авантитулом). (Собр. МК РГБ, N 91031-49.)

Эта книга является одним из самых редких изданий стихотворных произведений Фридриха Великого. Напечатана она была по распоряжению короля в его любимом карманном формате, причем этот двухтомник – самое маленькое из всех его прижизненных изданий – в двадцать четвертую долю листа. Нам не ясно почему, но придворный печатник Фосс сделал чрезвычайно маленький тираж этого двухтомника, по-видимому, не более восьми-двенадцати экземпляров. Второй известный экземпляр находится в собрании Британской библиотеки.* Наш же экземпляр отпечатан на особой бумаге.

*Шифр 11527.dd.27.

II
Анти-Макиавелли

«Анти-Макиавелли» является самым знаменитым произведением Фридриха Великого, напечатанным при его жизни. Судьба этой книги и история ее издания являются прекрасной иллюстрацией личности автора и показывают изменения, происходившие в то время, когда кронпринц Фридрих стал королем Фридрихом II. И если Фридрих как военачальник никогда не сдавался, то как писатель он часто из-за своей неуверенности перерабатывал интересное полемическое произведение в сдержанное рассуждение. Правда, очень часто эти попытки короля сгладить углы ни к чему не приводили. Так произошло и с «Анти-Макиавелли».

Эта книга, как и следует из заглавия, сочинена в порыве развенчать знаменитое сочинение Никколо Макиавелли (1469–1527) «Государь» и представляет собой его критический разбор. «Государь» Макиавелли является небольшим, но предельно сжатым, ясным и острым произведением, характерным для прозы эпохи Ренессанса. Мнение о нем всегда делилось на две противоположности – одни считали его идеологией тирании, другие восторгались им; и за прошедшие почти пятьсот лет эти страсти не утихли.

В 1559 году «Государь» по инициативе английского кардинала Реджинальда Поула был включен Католической церковью в Индекс запрещенных книг (Index librorum prohibitorum), а одним из первых, кто начал открытую борьбу с этим трактатом и с учением Макиавелли вообще, был французский протестантский юрист Иннокентий Жантийе (1532–1588), опубликовавший в 1576 году в Женеве 650-страничный трактат, названный современниками «Анти-Макиавелли» ([Gentillet I.] Discours sur les moyens de bien gouverner et maintenir en bonne paix un royaume ou autre principauté... contre Nicolas Machiavel... S.l. [Geneve], 1576. 8-о), который выдержал множество изданий и был переведен на латынь и другие языки.

По поводу «Государя» образовалось огромное количество противоречивых мнений: одни считают это произведение сатирой, другие – предостережением, третьи – зерцалом для правителей, четвертые – антихристианским памфлетом.[i]

Фридрих Великий, еще будучи кронпринцем, также заинтересовался «Государем», поскольку каждый просвещенный потенциальный кандидат на корону имел желание познакомиться с этим «программным» для него произведением. Нам неизвестно, когда он прочитал «Государя», но при чтении у кронпринца уже образовалось отрицательное отношение, заметное в его письме к Вольтеру от 31 марта 1738 года, в котором он благодарил за присылку рукописи «Века Людовика XIV», привезенную из Сирея Кейзерлинком: «Ваша

[i] Краткий обзор мнений дан в лаконичной статье Исаака Берлина «Оригинальность Макиавелли» - Berlin I. The Proper Study of Mankind. An Anthology of Essays. London, 1997. P. 243-268. О более ранних спорах предшественников

История века Людовика XIV меня очаровала. Я желал бы только, чтоб Вы не причисляли Макиавелли, человека непорядочного, к другим великим его эпохи».* А в ответ на согласие Вольтера кронпринц писал: «Вот и вычеркнут Макиавелли из списка великих, а перо Ваше сожалеет, что запятнало себя этим именем».**

Может быть, пренебрежительное отношение и оставалось бы в кронпринце без каких-либо последствий, но весной 1739 года он приступил к чему-то более весомому, чем просто излитие желчи: «Я обдумываю работу о «Государе» Макиавелли».*** Всю весну кронпринц писал «Опровержение Макиавелли» (таково было первоначальное заглавие) и 16 мая, когда уже было написано достаточно, в письме Вольтеру выразил надежду, что через три месяца сможет послать ему рукопись.**** В октябре 1739 года «Анти-Макиавелли» в первоначальном варианте был закончен, а 6 ноября кронпринц послал пять глав для правки. Уже тогда Фридрих не хотел помещать свое имя на этой книге, поскольку боялся, что это сможет ему навредить.***** 4 декабря Фридрих отправил Вольтеру еще двенадцать глав. Так работа спорилась до весны 1740 года, когда 26 апреля Фридрих, посылая одну из последних глав, писал: «Мою работу я уступаю Вам, убежденный, что в Ваших руках она станет лучше; здесь требуется горнило Вашего ума, чтобы отделить золото от примеси».******

Вообще труд Вольтера, как, впрочем, и всегда при исправлении творений Фридриха, был тяжкий: он сглаживал шероховатости, убирал длинноты и постоянные повторы, а также правил французский язык, который в то время у короля был отнюдь не блестящим. Что касается издания рукописи, то кронпринц Фридрих сам выбрал место печатания – 19 мая 1740 года он писал к Ф. Альгаротти: «Я принял решение напечатать «Анти-Макиавелли» в Голландии».******* И, по-видимому, тогда же, в середине мая 1740 года, рукопись «Анти-Макиавелли» была передана Вольтером известно-

*Oeuvres XXI. P. 206

**17 июня 1738. Oeuvres XXI. P. 231

***Вольтеру, 22 марта 1739. Oeuvres XXI. P. 311

****Oeuvres XXI. P. 323

*****6 ноября 1739. Oeuvres XXI. P. 374

******Oeuvres XXI. P. 414

*******Oeuvres XXII. P. 14

Фридриха Великого см. в прекрасной книге Пасквале Виллари «Никколо Макиавелли и его время» - Villari P. The Life and Times of Niccolo Machiavelli. London, 1898, и тех работах, которые в ней цитируются.

му (и сноровистому, как мы увидим) гаагскому издателю Иоганну Ван Дюрену.

При подготовке «Анти-Макиавелли» король пользовался амстердамским изданием «Государя» 1696 года на французском языке (Le Prince de Machiavel. Traduction nouvelle. A Amsterdam chez Henry Desbordes, 1696) в переводе де ла Уссей. Этот экземпляр хранился в XIX столетии в Берлине в собрании Бенони Фридлендера, а затем у его сына Готтлиба Фридлендера. Описание этого экземпляра, а также воспроизведение имеющихся на нем немногочисленных маргиналий Фридриха приводит Иоганн Прейсс.*

*Preuss I. S. 182–183

Если же резюмировать взгляды короля на «Государя», то уместно будет привести строки из предисловия короля, которые мы цитируем по русскому изданию 1779 года: « Махиавель, не взирая на то, что он вредному поучал нравоучению <...> однако же при всем том пребыл он даже до наших времен учителем правления науки. Сего ради предпринял я защитить человечество от такового супостата, который оное упразднить стремится; я, противополагая рассудок и правосудие обману и порокам, вознамерился сочинение Махиавеля от главы до главы своими рассуждениями опровергнуть так, чтоб противоположенных яд безпосредственно последовал за заразою. Я завсегда почитал Махиавелеву книгу о образе государственного правления за одну из числа самых опаснейших и до сего времени вышедших на свет сочинений».**

**Фридрих II. Анти-Махиавель Спб, 1779. С. XVIII–XIX

Гаагский издатель Ван Дюрен, радуясь возможности напечатать это сочинение, сразу по получении отдал рукопись наборщикам, но 31 мая случилось непредвиденное: в Потсдаме в своей резиденции скончался прусский король Фридрих Вильгельм I. Наследовал ему кронпринц Фридрих, получивший имя Фридриха II. Двадцативосьмилетний король вдруг сильно испугался написанного им сочинения и решил отозвать его из печати. Вольтер попробовал вернуть рукопись,

но тщетно: Ван Дюрен отказался, сказав, что она является его собственностью. Такого ответа не ожидал ни Вольтер, ни тем более Фридрих.

Земля уходила у Вольтера из-под ног: он порекомендовал издателя, который обманул и его, и короля. Одновременно Вольтер понимал те ограничения, которые накладывает на монарха политика, и всеми силами пытался исправить ситуацию; единственным выходом было поехать самому из Сирея, где он тогда жил, в Гаагу к Ван Дюрену.

20 июня 1740 года Вольтер писал из Гааги королю: «Первое мое дело, по приезде <в Гаагу — П. Д.>, было сыскать отважнейшаго и грубейшаго из книжников, которому поручено печатать Анти-Махиавеля. Напоминаю Вашему Величеству, что в рукописи не нашли бы вы одного слова, обидного для Держав Европейских. Но вы сами хотели вытребовать оригинал назад: мог ли я поступись против воли Вашей? – Отыскиваю наряднаго плута Жан—Вандюрена; упрашиваю, уговариваю его разными способами возвратить рукопись. Бездельник отвечал одно: «По праву хозяина, ни за какие деньги не выдам ее без того, чтобы не напечатать!!» <...> Смешная сторона Голландия! Поверите ли, Всемилостевейший Государь, что Вандюрен имеет законное, исключительное право продавать Вашего Анти-Махиавеля, и наложить запрещение на другие лавки и типографии потому, что он *первый* объявил в Газетах о печатаемой книге!»[i]

Но силой длительных уговоров Вольтер сумел-таки добиться от издателя некоторых уступок: он еще раз получил обещание, что книга выйдет в свет без имени автора, а также получил возможность внести в рукопись некоторые необходимые поправки. Издатель обещал внести эти исправления лишь по возможности, ссылаясь на то, что большая часть книги уже набрана. Именно этим было вызвано то, что Вольтер начал параллельно с печатанием первого издания готовить исправленный вариант.

[i] Переписка Фридерика Великого, короля прусскаго, с господином Вольтером. Перевод с французскаго. Т. 2. М. 1807. С. 20-23.

Фридрих предоставил Вольтеру полную свободу: «Целиком полагаюсь на моего уважаемого редактора»[*], «Вычеркивайте, исправляйте, меняйте все, что пожелаете. Полагаюсь на Ваше здравое суждение».[**] «Негодяй Вандюрен, думаю, поделал Вам хлопот и безпокойства более, нежели Генрих IV. <...> Марайте, переправляйте все, что ни попадется: совершенно полагаюсь на Ваше благоразумие».[i]

[*] 5 августа 1740. Oeuvres XXII. P. 22

[**] 8 августа 1740. Oeuvres XXII. P. 24

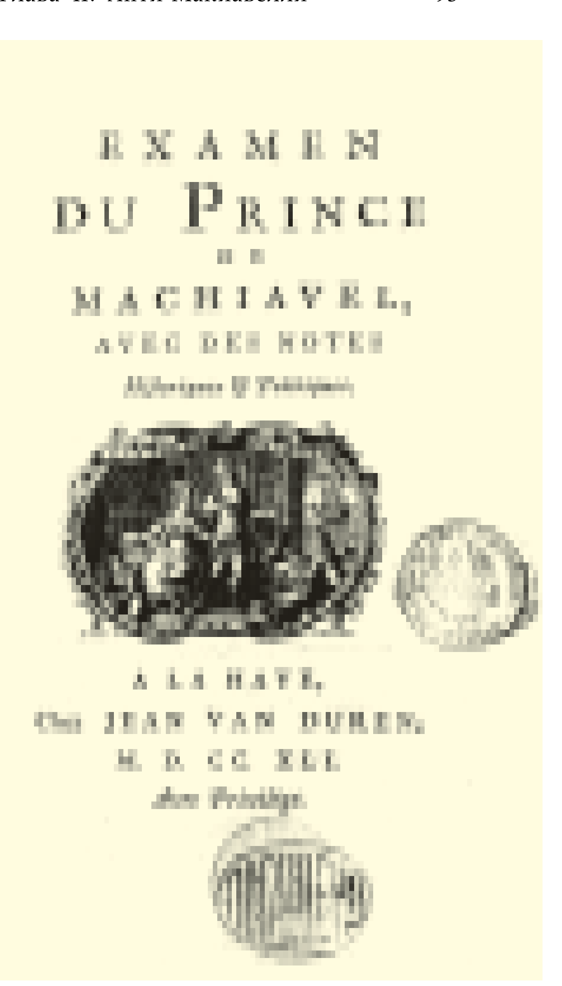
Ван Дюрен, хотя имени автора на титульном листе и не поставил, но все-таки издал книгу в первоначальном виде. Это издание появилось на свет в конце сентября 1740 года, с датой 1741 на титульном листе.

9.

[**Friedrich II**]. Examen du Prince de Machiavel, avec des notes Historiques & Politiques. [На авантитуле: L'Antimachiavel ou examen du Prince de Machiavel]. A la Haye, Chez Jean van Duren, 1741. Avec privilege. -XXXII, 364 c. -grand in 8-o, — 20,7x13,5. На титульном листе гравированная виньета (гравюра I.<Jan> Besoet с оригинала D. Coster). На страницах 343-347 — реклама изданий van Duren'a. В светло-коричневом переплете veau с золотым тиснением на крышках и корешке. Обрез крашеный, синий. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Собр. МК РГБ N92164-49).

Виньета выполнена амстердамским гравером Яном ван Безое (1720-1769) с оригинала гаагского рисовальщика Давида Костера (1686-1752). Также в этой книге был напечатан полный текст «Государя», в переводе Абрахама-Никола Амело де ла Уссей (1634?–1706), перепечатанный с амстердамского издания Хендрика Ветштайна 1683 года (Le Prince, de Nicolas Machiavel,... traduit et commenté par A. N. Amelot, sieur de La Houssaie. Amsterdam, 1683).

[i] Переписка Фридерика Великого, короля прусскаго, с господином Вольтером. Перевод с французскаго. Т. 2. М. 1807. С. 24–25.

EXAMEN
DU PRINCE
DE
MACHIAVEL,
AVEC DES NOTES
Historiques & Politiques.

A LA HAYE,
Chez JEAN VAN DUREN,
M. D. CC. XLI.
Avec Privilège.

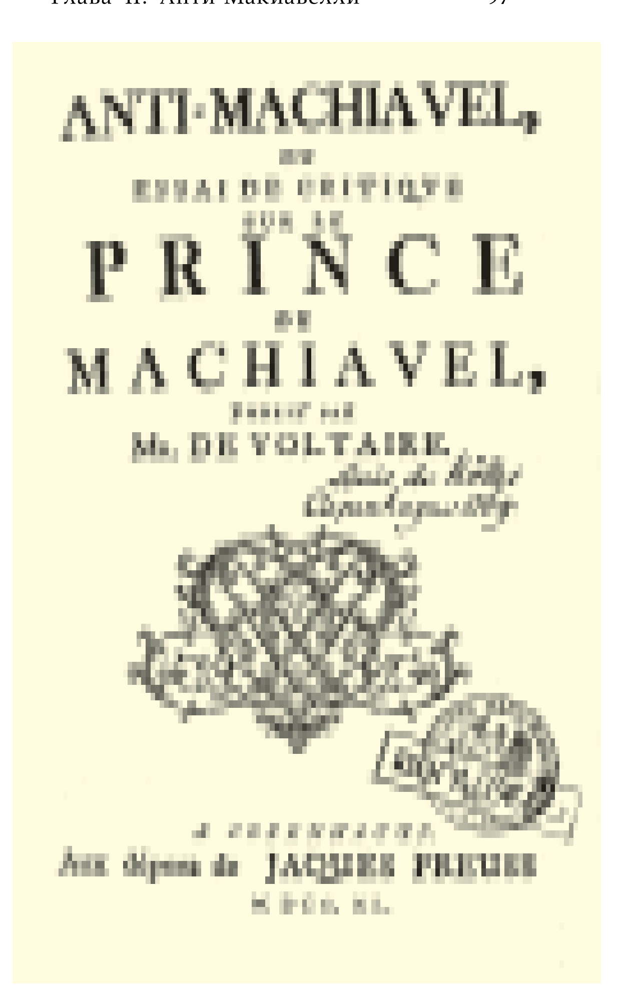
N 9. Титульный лист.

Это гаагское издание «Анти-Макиавелли» уже в начале 1741 года было перепечатано в Лондоне (A Londres, chez Guillaume Meyer, libraire dans le Strand, 1741) с некоторыми изменениями, главные из которых суть: в лондонском издании нет посвящения переводчика Амело де ла Уссея великому герцогу Тосканскому (L'Epitre dedicatoire d'Amelot de La Houssaye au grand-duc de Toscane); также изъяты посвящение Никколо Макиавелли, адресованное Лоренцо Медичи (Dedicase de Nicolas Machiavel au tres-illustre Laurent de Medicis), и указатель глав (Table des chapitres). То есть, кроме нескольких небольших различий, и то лишь в приложениях, лондонское издание повторяет гаагское.

В свою очередь, Вольтер, в попытке нейтрализовать впечатление читателей от смелости языка и мыслей этого произведения, поторопился и издал другое издание, сильно исправленное и сглаженное. Один экземпляр он отправил из Гааги к Фридриху 17 октября 1740 года: «Наконец новое издание «Анти-Махиавеля» готово. Не отпираюсь от своего мнения, что непременно надлежало смягчить черты...»[i]

Это исправленное издание было напечатано гаагским издателем Пьером Попи и вышло в конце октября 1740 года: Anti-Machiavel, ou Essai de critique sur «le Prince» de Machiavel, publié par M. de Voltaire. À La Haye : aux dépens de l'éditeur [impr. par Pierre Paupie], 1740. In-8°,— XVI, 194 p. Предисловие издателя, располагающееся на страницах римской пагинации, было написано Вольтером и подписано «F. de Voltaire, à La Haye, 12 octobre 1740». Встречаются три варианта этого издания, отличающиеся лишь титульным листом: в первом случае там нет имени издателя (этот вариант описан нами), во втором оно поставлено (À La Haye: chez Pierre Paupie, 1740), а в третьем варианте на титульном листе стоит уже Брюссель (À Bruxelles: chez R. François Foppens, 1740). Издания этого в РГБ ни в одном из вариантов не имеется, но есть вышедшая сразу вслед за ним в Копенгагене перепечатка:

[i] Переписка Фридерика Великого, короля прусскаго, с господином Вольтером. Перевод с французскаго. Т. 2. М. 1807. С. 35.

ANTI-MACHIAVEL,
OU
ESSAI DE CRITIQUE
SUR LE
PRINCE
DE
MACHIAVEL,
PUBLIÉ PAR
Mr. DE VOLTAIRE.

A [illegible]
Aux dépens de JACQUES [illegible]
M DCC XL.

N 10. Титульный лист.

10.

[**Friedrich II**]. Anti-Machiavel, ou essai de critique sur le Prince de Machiavel, Publie' par Mr. de Voltaire. A Copenhague. Aux dépens de Jaques Preuss. 1740.— in 8-o.— XV, [1], 214, [2] с. На титульном листе гравированная виньета с вензелем типографа (без подписи, 7,8x5,9). На с. III–V — Preface de l'editeur, подписанное: «A la Haye, ce 12. Octobre 1740. F. de Voltaire». На титульном листе текст напечатан черным и красным цветами, виньета – черным. В переплете veau с золотым тиснением на корешке и рамками на крышках. На титульном листе: владельческая запись коричневыми чернилами: «Louis de Koller Copenhague 1769» и гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Экземпляр ОХ РГБ (шифр Ин 70-14/118).

Вольтер в предисловии пытался оспорить подлинность напечатанного Ван Дюреном издания, однако доверия публики ему снискать не удалось. Кроме того, сам король оказался очень недоволен редакцией своего друга. Фридрих даже хотел публично через газеты отречься от этих двух подготовленных Вольтером изданий и представить публике свое самое точное издание. Однако ничего не последовало – ни объявлений, ни исправленного издания.

В конце следующего 1741 года в Амстердаме вышло измененное издание «Анти-Макиавелли»: за основу взята редакция Вольтера, но добавлены наиболее любопытные пассажи из лондонского издания (перепечатка с издания Ван Дюрена, в тексте книги они выделены курсивом). Существование этого компилятивного варианта довольно красноречиво говорит о том, что никто не сомневался в аутентичности оригинального издания.

ANTI-MACHIAVEL,

OU

ESSAI DE CRITIQUE

SUR LE

PRINCE

DE

MACHIAVEL,

PUBLIÉ PAR

Mr. DE VOLTAIRE.

A AMSTERDAM,

Chez JAQUES LA CAZE.

N 11. Титульный лист.

11.

[**Friedrich II**]. Anti-Machiavel, ou essai de critique sur le Prince de Machiavel, Publie' par Mr. de Voltaire. Nouvelle Edition, où l'on a ajouté les variantes de celle de Londres. [Part I–III]. A Amsterdam, Chez Jaques <!> la Caze. 1741.— in 8-o. (19, 8 x 12).— XXXII, 82, 112, 67, [3] c. На титульном листе наборная виньета. В тексте наборные заставки, концовки, инициалы. Содержание: Avertissement du Libraire.— Preface de l'editeur. (Подписано в конце: A la Haye, ce 12. Octobre 1740. F. de Voltaire).— Avant-propos de l'auteur de l'essai de critique sur le Prince de Machiavel.— Preface du prince de Machiavel par Amelot de la Houssaye.— [Dedicase a Monseigneur la Gran duc de Toscane par A. de la Houssaye].— [Epitre]. Nicolas Machiavel, Citoien & Secretaire de Florence...— Avis de l'editeur. Экземпляр в красном полукожаном переплете середины XIX века с золотым тиснением на корешке (переплеты такого типа, по-видимому, делались по повелению короля Фридриха Вильгельма IV (1795-1861)). Цветной обрез под мрамор. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Экз. ОХ РГБ, N и 36371 — 71.)

Книготорговец Ван Дюрен, в короткий срок распродавший первое издание, решил заработать на «Анти-Макиавелли» еще раз: он напечатал в 1741 году двухтомник, где поместил не только первоначальный вариант, но и исправленный Вольтером. Типограф напечатал значительный тираж, поскольку спрос на книгу, подогреваемый слухами, был очень велик. На титульном листе указано «третье издание», однако никакого второго издания не было*, просто издатель учел в качестве первого свое издание, а в качестве второго – напечатанное Пьером Попи издание Вольтера.

*как ошибочно полагал И. Прейсс, Oeuvres VIII. P. XIV

Это издание «Анти-Макиавелли» стало эталонным, и именно оно было включено в собрание посмертных произведений

EXAMEN
DU PRINCE
DE
MACHIAVEL,
[illegible]
TROISIEME EDITION
[illegible]
[illegible]
TOME PREMIER.

A LA HAYE,
Chez JEAN VAN DUREN
M. DCC. XLI.
[illegible]

N 12. Титульный лист.

короля (Oeuvres de Frederic, roi de Prusse, publiees du vivant de l'auteur. T. II. Berlin, 1789), а затем и в 30-томное собрание сочинений.* В РГБ имеется только первый том указанного издания.

*Oeuvres VIII

12.

[**Friedrich II**]. Examen du Prince de Machiavel, Avec des Notes Historiques & Politiques. Troisieme edition. Enriche de plusieurs Piéces nouvelles & originales, la plûpart fournies par M. F. de Voltaire. Tome I. [Из двух]. A la Haye, Chez Jean van Duren. 1741. Avec privilege de Sa Majesté Imperiale. -in 8-°. Отпечатано на тряпичной бумаге верже.

Tome I. — (19,6x11,8 см) -[4], LX, 248 с. На титульном листе гравированная виньета с текстом «Utroque Fevente» (гравюра I. Besoet с оригинала D. Coster, повторяет издание 1740 года). (Содержание: Memoire sur la vie et les ouvrages de Machiavel.— Extrait des nouvelles privilegieés de Berlin.— Préface de l'editeur. <подписано: A Bruxelles ce 24. Juin 1740. V....> — Avant-propos.— Epitre de Machiavel.— Epitre dedicatore d'Amelot De la Houssaye, au Grand - Duc de Toscane.— Preface du Prince de Machiavel par Amelot de la Houssaye.— Table des chapitres.— Avis préliminaire pour cette nouvelle edition de l'Anti—Machiavel.) В прекрасном цельнокожаном красном сафьяновом переплете с золототисненым кружевом, вензелями французского короля Людовика XV (L под королевской короной) на крышках и суперэкслибрисом «P» [Potsdam Schloss] на верхней крышке переплета; золотой обрез. Экземпляр происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого в Потсдамском дворце. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Собр. МК РГБ, N93488-43; инв. XVIII – 11745.)

Судя по золотому тиснению на переплете, он голландской работы, а вензели французского короля носят характер декоративного элемента; литера Потсдамского дворца вытиснена немного позднее, уже переплетчиком Фридриха Великого.

N 12. Переплет.

Интересно, что Яков Иванович Хорошкевич – переводчик Коллегии Иностранных Дел, переводивший «Анти-Макиавелли» на русский язык, кроме резюме произведения дает и свою гипотезу существованию разночтений в различных французских изданиях: «Сочинитель Анти-Махиавеля, желая прилепиться к истине и добродетели, никак и никогда о том не помышлял, чтоб быть для других путеводителем к истине; но единственное его при сем предприятие собственно относилось к тому, дабы приучить себя к правосудию и добродетели, однако сии правила, кои он предписал себе самому, достойны быть правилами для всех Государей, человеколюбиво своими государствами управлять желающих. Он, противоборствуя Махиавелю, некогда на земле дышущему геенною, как и сам писатель о сем упоминает, и своим сочинением толико развратившему управляющих человеческим жребием, что повсюду с воздыханием взирали на правления, пагубному его почтению сообразуемые, восприял из единого своего к смертным любления, упразднить сию толико бесчеловечную правления науку, и несравненными своими оныя опровержением довел до того, что ныне владычествует повсюду милосердие и человечество, не редко развратным Махиавеля поучением вконец истребляемыя. Изящность сего сочинения столь распространилась, что все неограниченною жадностию старались прежде напечатания, списывать для себя за великия деньги рукопись онаго, от чего последовало наконец, что сей же Анти-Махиавель в некоторых местах есть разнообразен».*

*Фридрих II. Анти-Махиавель Спб, 1779. С. XIII-XVII

«Анти-Макиавелли» с того времени выдержал множество изданий, был переведен на латынь, многие европейские языки. На русском книга вышла в 1779 году и была посвящена переводчиком императрице Екатерине II.

Из прусских королевских библиотек в РГБ поступил только один перевод — на латинский язык. Он напечатан в Ам-

ANTI-MACHIAVELLUS,

SIVE

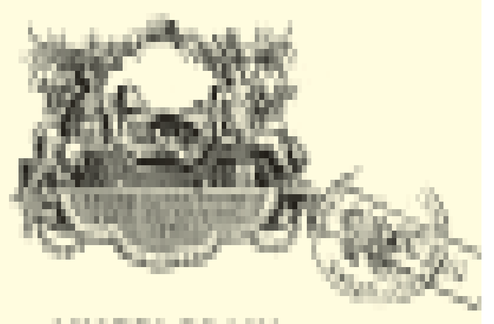
[illegible]

AD

PRINCIPEM

MACHIAVELLI,

[illegible]

AMSTELAEDAMI,

[illegible]

N 13. Титульный лист.

стердаме в типографии Марии Янсон ван Весберг и выполнен немецким теологом и знатоком латыни Иоганном Фридрихом Берендтом (ум.1757). Он известен еще несколькими своими произведениями, но перевод «Анти-Макиавелли» является самой значительной его работой.

13.

[**Friedrich II**]. Anti - Machiavellus, sive specimen disqusitionum ad principem Machiavelli, Latine conversus, additisque diversarum Editionum discrepantibus locis in lucem editus. Amstelaedami, Apud Iansonio-Waesbergios, 1743.— 8o(18,4x11,7).— [18], 138 с. На титульном листе – гравированная на меди виньета с текстом «Vulgo caeca vocor. video sedacutius. Ipso» (5,4x6,9; без подписи). На титульном листе текст напечатан черным и красным цветами. (Содержание: Dedicatio <подписано переводчиком: Johannes Fridericus Behrendt>.— Proemium auctoris.— Specimen disqusitionum ad principem Machiavelli.) На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В полукожаном переплете того времени, очень неважном, голландской работы. Обрез с синим и красным крапом. (Экз. ОХ РГБ, N и 2299 - 51 <Химки>.)

III
Исторические Сочинения

Исторические работы короля Фридриха Великого, которым посвящен настоящий раздел, также являются значительной частью его литературного наследия. Большинство его исторических сочинений, в том числе знаменитые мемуары, писалась «в стол», то есть не для печати, и предназначалась для его племянника и наследника престола – кронпринца Фридриха Вильгельма. Этим объясняется то обстоятельство, что большинство исторических творений короля было напечатано уже после его смерти. Единственный исторический труд, который король изначально желал распространить как можно шире,— это история Бранденбурга.

Фридрих не без основания считал себя летописцем собственного отечества. До настоящего времени его исторические сочинения являются важнейшим источником по истории Пруссии и сердца ее — земли Бранденбург со столицей в Берлине. Фридрих Великий происходил из рода Гогенцоллернов, которые владели Бранденбургом с 1411 года. С 1415 года они величались курфюрстами, а, объединившись в 1618 году с герцогством Пруссия, в 1701 году образовали Прусское королевство и стали королевской династией.

Мнение Фридриха Великого о своих творениях интересно почерпнуть из них самих: например, в предуведомлении к «Истории моего времени» король пишет:

«Большая часть исторических наших книг сплетены изо лжи, смешанной с некоторыми истинами. Между бесчисленными множествами преданных нам деяний те токмо за истинные принять мы можем, кои составляют эпохи возвышения или падения царств. <...> Но если мы любопытством побуждаемые вникнем в подробные сих отдаленных приключений обстоятельства, то низвергнемся в лавиринф исполненный мрака и противоречий, где нет и нити, по которой бы из него выти было возможно. Любовь к чудесам, предубеждение дееписателей, слепая ревность к их отечеству, вражда к противоборствовавшим им народам; все сии различные пером их водившие страсти, и толь великое отдаление времени, в которое они о сих произшествиях писали, деяния так переменили и обезобразили, что ныне даже острейшее око не может открыть покрывающей их завесы».[i]

Хронологически первой исторической работой короля была «История моего времени», которая была написана в 1742 году и посылалась фрагментами для прочтения Вольтеру, однако король так и не доверил ему полного текста мемуаров.[ii] «История моего времени» в этом варианте известна только по переписке короля, текст же ее (за исключением нескольких фрагментов) не сохранился.

[i] Фридрих II. Оставшияся творения Т. I. Спб, 1789. С. 3-4.

[ii] См. письма короля к Вольтеру от 18 ноября 1742, 6 апреля, 21 мая и 8 сентября 1643 гг.— Oeuvres XXII. P. 134, 142, 143 et 163.

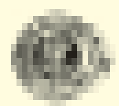
MEMOIRES

A L'HISTOIRE

DE LA MAISON

BRANDEBOURG.

N 14. Титульный лист.

Скорее всего, сам король уничтожил рукопись, поскольку в ноябре 1746 года Фридрих закончил вторую редакцию этих воспоминаний, в которой они прекрасно известны. Хотя эти мемуары многократно печатались еще в XVIII веке, после смерти короля, первое полное их издание, составленное доктором Максом Познером по рукописям государственного архива в Берлине, было напечатано только в 1879 году.[i]

На этом король не успокоился, и летом 1775 года он принялся за исправление и этой редакции мемуаров, закончив свою правку к 20 июля. После этого оригинал рукописи был через государственного министра Эвальда Фридриха фон Герцберга отправлен в сентябре 1775 года в секретное отделение королевского архива.

Также, кроме сочинений, печатавшихся при жизни автора, королем написаны еще несколько трудов. Наиболее важный из них — «История Семилетней войны», сочиненная в 1763-1764 годах. При ее написании король пользовался также своими многочисленными записями, которые он вел по ходу военных действий. История была закончена уже к концу сентября 1763 года, но с рукописью произошла следующая неприятность:

«Король написал своею рукою историю Семилетней войны. Рукопись сия лежала на столе, над которым висело паникадило. Неосторожностию пажа упала из онаго искра, и всю оную рукопись превратила в пепел. Чрезвычайно испугавшийся паж пал королю в ноги, донося ему о произшедшем. Король сказал весьма милостиво: «И так надобно мне в другой раз написать сию историю»».[ii] Таким образом, «История Семилетней войны» была сожжена в ноябре 1763 года и затем написана заново.

Затем король написал следующее хронологически за «Семилетней войной» сочинение «О политике с 1763 по 1774 годы», которое закончил в Потсдаме 18 февраля 1775 года.

[i] Frédéric II. Histoire de mon temps. Redaction von 1746. Herausgegeben von M. Posner. Berlin, 1879 / Publicationen aus den konigliche preussischen Staatsarchiven. Bd. 4. 1878. S. 145–499. Подробнее о работе короля над этим сочинением см. его же: Posner M. Miscellaneen zur Geschichte Konig Friedrichs

N 5. N 14.

Оно состоит из трех частей, каждая из которых посвящена политическому состоянию, финансам и военному делу.

Тот же период, с окончания войны, но уже до 1778 года описывают «Воспоминания со времени Губертусбургского мира до Тешенского мира» – последний исторический опус короля. Эти воспоминания состоят как из переработанных глав предыдущего сочинения, так и из написанных заново. Последняя глава была закончена в Потсдаме 20 июня 1779 года.

Все перечисленные сочинения вошли в «Oeuvres posthumes» и много раз перепечатывались в различных редакциях.

Нас же интересует написанная королем «История Бранденбурга» – единственное историческое сочинение короля, многократно печатавшееся при его жизни. Писалась она королем по частям, на протяжении 1742-1751 годов, и, подобно многим другим сочинениям Фридриха, многократно исправлялась и дополнялась. (Иоганн Прейсс при подготовке собрания сочинений короля насчитал не менее пяти различных редакций.)

По ходу написания «Истории» король стал встречаться с различными трудностями в историографии своего отечества, для чего он поручил своему чтецу Иоганну-Готфриду Кюстеру составить хронологию бранденбургской истории, которая была закончена к весне 1747 года и оказалась важнейшим источником и фундаментом для королевского труда. Тогда же Фридрих распорядился сделать ее перевод на немецкий, который был выполнен его давним другом бароном Якобом Фридрихом фон Бильфельдом (1711–1770).

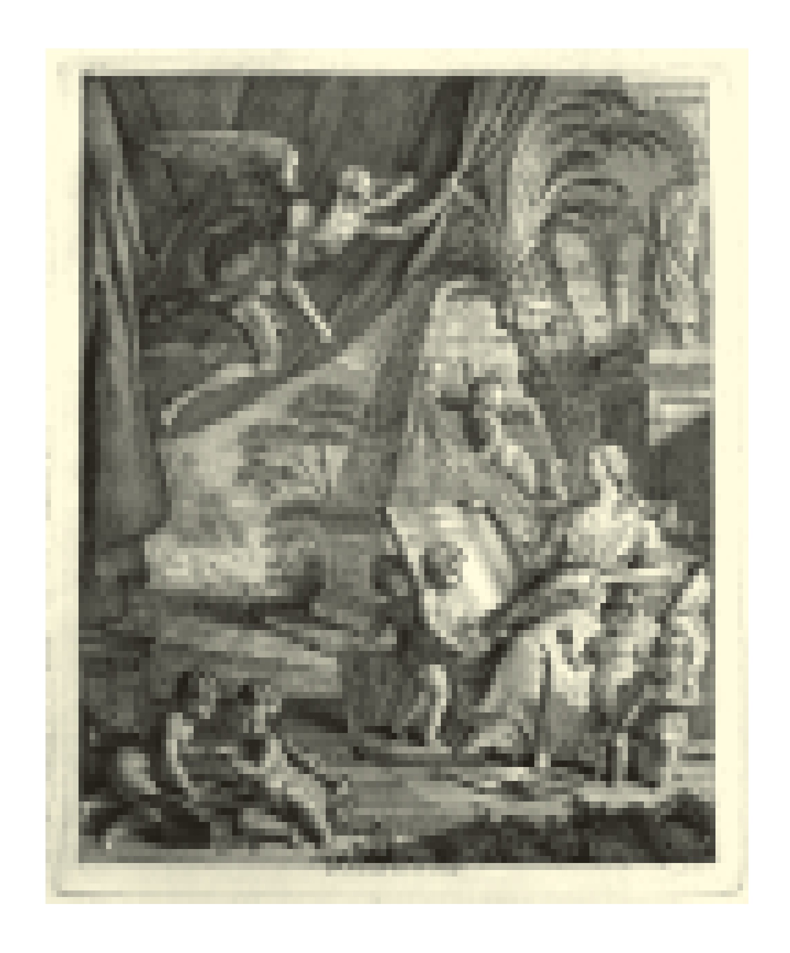
В своем полном окончательном варианте, напечатанном в 1751 году, «История Браденбурга» состоит из четырех основных частей:

I. История Бранденбурга от начала до смерти курфюрста Георга-Вильгельма (1640);

II. История Фридриха Вильгельма – Великого курфюрста (1620-1688);

des Grossen. Herausgegeben auf Veranlassung und mit Unterstutzung der Koniglich Preussischen Archiv-Verwaltung. Berlin , 1878. S. 215–220, 313–315.

[ii] Достопамятныя сказания и деяния, изъявляющия свойство Фридриха II, короля прусскаго Ч. VII. Спб, 1788. С. 53.

N 14. Фронтиспис.

III. История короля Фридриха I (1657–1713);
IV. История короля Фридриха Вильгельма I (1688–1740).

В 1742 году была написана вчерне вторая часть. Позднее, в ноябре 1746 года, король закончил написание новой редакции второй части и третью часть, а также написал предисловие к ним.[i] В 1747 году королем была написана первая часть, которая к началу июня этого года приобрела окончательный вид.[*] Также в январе 1748 года король редактировал вторую часть, а в феврале – первую и предисловие. В мае 1748 года король опять исправил третью часть, позднее была написана и четвертая. Окончательный вариант был закончен королем к концу лета 1750 года, тогда же было написано посвящение принцу Прусскому — брату короля, а также введение. Что же касается публикаций «Истории», то перые три части сначала читались на собраниях Берлинской академии наук, а затем печатались в ее «Записках»:

[*] Ibidem. P. 331

Первая часть была прочитана тайным советником Дарже в общем собрании Берлинской академии наук в четверг, 1 июня 1747 года, в присутствии августейшей фамилии, после чего президент академии Пьер Луи Моро де Мопертюи дал восторженный отзыв. Напечатана эта часть была в 1748 году в «Записках» Берлинской академии за 1746 год (Sic!), поскольку король, видимо, отказывался ждать запаздывающие годовые томы (Histoire de l'Academie Royale des sciences et belles lettres. Annee 1746. A Berlin, 1748. P. 337–377). Эта редакция является довольно краткой, и И. Преисс называет ее «la redaction primitive».[**]

[**] Oeuvres I. P. XXXV

27 февраля 1748 года король послал только что вышедший том с первой частью своей сестре маркграфине Фридерике Байрейтской[***], причем король сообщает, что оставшиеся части будут печататься в дальнейших томах «Записок» академии.

[****] Oeuvres XXVII (I). P. 196

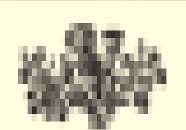
[i] La Beaumelle L. A. de. Vie de Maupertuis. Ouvrage posthume suivi de lettres inédites de Frédéric le Grand et de Maupertuis, avec des notes et un appendice. Paris, 1856. P. 289, 290.

MEMOIRS

OF THE HOUSE OF

BRANDENBURG.

AND READ

LONDON:

N 15. Титульный лист.

Вторая часть была прочитана тем же Дарже в общем собрании Берлинской академии наук, состоявшемся 25 января 1748 года, на котором также присутствовали братья короля и сестра принцесса Амалия. Президент академии по традиции выступил с похвалою. Напечатано жизнеописание Великого курфюрста было в тех же «Записках» за 1747 год (Histoire de l'Academie Royale des sciences et belles lettres. Annee 1747. A Berlin, 1749. P. 387-428).

Третья часть была прочитана также Дарже на общем собрании 30 мая 1748 года и напечатана в «Записках» за 1748 год (Histoire de l'Academie Royale des sciences et belles lettres. Annee 1748. A Berlin, 1750. P. 367 etc.)

По мере выхода отдельных частей Фридрих думал над полным изданием своего произведения. «Сейчас я вношу исправления в Историю Бранденбурга для нового издания, которое уже готовится <...> Я внес много исправлений в эту Историю, полностью переменив жизнеописание Георга-Вильгельма, а в настоящее время я занимаюсь Великим курфюрстом», – писал король в мае 1750 года к Мопертюи, который помогал Фридриху некоторыми советами и вносил исправления.[*]

[*] Droysen II. S. 7.

Упоминаемое издание было напечатано Фридрихом Великим в великолепном и безукоризненном полиграфическом исполнении и наряду с Oeuvres du Philosophe de Sans-Souci является жемчужиной немецкого книгопечатания века Просвещения.

14.

[**Friedrich II**]. Memoires pour servir a l'histoire de la maison de Brandenbourg. S.l. [Berlin]. Au donjon du chateau. 1751.— XX, 498, [3], [1 пуст.] с.- grand in-4o.— 29,2x23см. С иллюстрациями: 1 лист гравированного фронтисписа (аллегорическая композиция, в центре коей муза, пишущая книгу «Histoire de

SUITE

DES

MÉMOIRES

POUR SERVIR

A L'HISTOIRE

DE

BRANDEBOURG

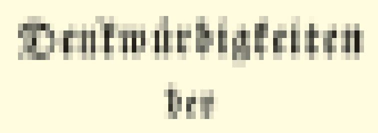
IMPRIMÉ

Pour la Satisfaction du Public

N 16. Титульный лист.

Brandenbourg») – гравюра на меди Г.Ф. Шмидта, внизу подпись: «G. F. Schmidt inv: et sculp:». На титульном листе – гравированная виньета (67х87мм, офорт, резец, без подписи); 1 заставка, 14 инициалов, 13 портретов и 15 концовок, выполненные в технике гравюры на меди (резец, офорт). Все (кроме инициалов, двух концовок на с. 46 и 100, а также трех портретов на с. 19, 26 и 100) подписаны Г.Ф. Шмидтом. Гравированные таблицы и карты вне текста (все без подписей): 1) Между с. XX и 1 – «Table Genealogique de la Maison de Brandenbourg» – 29,2х46 см; 2) Между с. 4 и 5 – «Carte Generale <...> de Brandenbourg» – 45,2х55 см; 3) Между с. 45 и 46 – «Table Genealogique des Maisons...» – 29,2х45 см; 4) Между с. 52 и 53 – «Carte Generale <...> de la Prusse» – 29,2х45 см. Экземпляр из библиотеки короля Фридриха Великого. В "придворном" переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано на плотной тряпичной бумаге верже. На титульном листе гербовый штемпель фиолетовой краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Пометы в тексте: на с. 389 конец первого абзаца отчеркнут карандашом двумя косыми чертами «//», на с. 465 в конце 5-й строки заголовка в словах «Frederic-Guillaume II» римская цифра карандашом исправлена на римскую «I». (Собр. МК РГБ, N 90549-49.) Exemplaire sur grand papier. Удивительный по красоте экземпляр идеальной сохранности.

Печаталось это издание с 14 сентября 1750 по 12 июня 1751 года в типографии Фридриха в Берлинском дворце. Уже во время печатания «Истории», когда треть текста была отпечатана, с окончательным вариантом сочинения ознакомился Вольтер; результатом этого знакомства стало внесение исправлений в рукопись, а также в напечатанный текст (в Hohenzollernmuseum'е имелся сброшюрованный экземпляр первых 24 печатных листов книги (из 65) с обширной правкой Вольтера, хранившийся ранее в Потсдамском дворце;

Denkwürdigkeiten der

Brandenburgischen Geschichte,

aus dem Französischen übersetzt.

Leipzig,

N 17. Титульный лист.

*Droysen II. S. 7

на этих листах отпечатан только текст, без иллюстраций).* После того как Вольтер заканчивал правку, придворный типограф Христиан Фридрих Хеннинг вносил исправления (зачастую обширные) и печатал тираж. Именно вмешательством Вольтера объясняется столь длительный период нахождения книги в типографии.

После напечатания книги несколько особых экземпляров, sur grand papier, были спешно переплетены и в двадцатых числах июня 1751 года переданы королю, который, в свою очередь, подарил их нескольким приближенным, в том числе принцессе Амалии (в Потсдаме 26 числа) и маркизу Валори (он обещал 15 числа в своем письме отослать ему экземпляр сразу, как только издание будет готово).**

**Oeuvres XVII. P. 350

Остальная часть тиража оставалась в типографии и была сфальцована и сшита примерно к 25 ноября 1751 года, по крайней мере, этим числом датирован доклад печатника ко двору, где он сообщает, что 74 экземпляра «Мемуаров» сброшюровано (именно сброшюровано, а не переплетено) и уложено в три ящика.*** Можно предположить, что это уже были обычные экземпляры, не на большой бумаге.

***Droysen III. S. 88.

Таким образом, «Мемуары» были напечатаны тиражом не менее восьмидесяти экземпляров, а быть может, число простиралось и до ста (так, по крайней мере, предполагает Ганс Дройзен).**** Но удивительно, что при таком, казалось бы, достаточном для столь монументального издания тираже, книга вовсе не встречается и известна ныне в единичных экземплярах (мы знаем о местонахождении лишь четырех). Барбье называет это издание «чрезвычайно редким».***** Сверх того: эта книга, являясь едва ли не лучшим иллюстрированнным изданием Германии XVIII столетия, даже не включена в фундаментальный справочник Анри Коэна.[i]

****Ibidem. S. 88

*****Barbier, III. Col. 235

Поскольку странности Фридриха-книгоиздателя уже вряд ли кого-то удивляют, то мы попытаемся объяснить сложившуюся ситуацию: дело в том, что одновременно с выходом в

[i] Cohen A. Guide de l'amateur de livres a gravures du XVIII siecle. Sixieme ed., revue, corrigee par S. de Ricci. P. I-II. Paris, 1912.

MÉMOIRES
POUR SERVIR
A L'HISTOIRE
DE
BRANDEBOURG
De Main de Maître.

IMPRIMÉ
Pour la Satisfaction du Public.
1751.

N 18. Титульный лист.

свет королевского издания «Мемуаров», готовилось еще одно роскошное издание книги, вышедшее в свет позднее, но в том же году, дополненное и исправленное. Оно было украшено гравюрами Шмидта, отпечатанными с тех же досок, что и в королевском издании, а также шестью гравюрами Симона Фокке. Печаталось оно в Гааге, а издателем выступил голландец Жан Нэом, на что королем была дана соответствующая Привилегия. (Memoires pour servir a l'Histoire de la Maison de Brandenbourg, precedez d'un discours preliminaire et suivis de trois dissertations sur la religion, les moeurs, le gouvernement de Brandebourg et d'une quatriиme sur les raisons d'établir et d'abroger les loix... Nouvelle edition, revue et augmentee. A Berlin ; A La Haye. Chez J. Neaulme, 1751. 2 part., en 1 vol. In-4o.)

Это гаагское издание было исправленным и дополненным, и, скорее всего, опять свою роковую роль сыграла привычка короля искать от добра добра. То есть, по-видимому, большая часть тиража, 74 сброшюрованных экземпляра, были пущены под нож. И хотя при общеизвестной скупости и расчетливости короля такое предположение кажется ошибочным, поверить в него заставляет следующая история. Дело в том, что президент Берлинской академии наук Мопертюи попросил у короля один экземпляр королевского издания «Мемуаров» для подарка некоторому президенту Гено, на что король ответил Мопертюи: «Я прошу Вас вручить ему экземпляр голландского издания».*

*Droysen III. S. 88

Этот ответ довольно важен, если коснуться личности упоминаемого Гено: речь идет о Шарле-Жане-Франсуа Гено (Henault; 1685-1770) – президенте Парижского парламента и суперинтенданте дворца французской королевы. Член Французской академии (где получил множество премий), Академии надписей, академии Нанси, а также многих иностранных академий, в том числе и Берлинской академии наук. Автор трагедий, стихотворений, песен и исторических

MEMOIRS

OF

FREDERICK III,

King of PRUSSIA.

WITH

[illegible]

[illegible]

IN

[illegible]

[illegible]

AN

APPENDIX,

CONTAINING

[illegible]

OF THE

GERMAN EMPIRE;

AND OF THE

[illegible]

LONDON:

[illegible]

N 19. Титульный лист.

сочинений; был известным защитником литераторов, вращался в просвещенных кругах высшего света французского общества, дружил с Вольтером и маркизой Дюдеффан. Гено был учеником и горячим последователем Фонтенеля, имел довольно либеральные взгляды, но все равно постоянно противопоставлял свое мнение позиции Гримма, Вольтера и был против принятия д'Аламбера в ряды Французской академии. Современники называли его просто «Президентом». Кроме того, Гено был довольно известным библиофилом (в 1771 году состоялась распродажа его библиотеки, по этому случаю был издан объемный каталог: Catalogue des livres de la bibliothéque de feu M. le Président Henault... A Paris, 1771. -176 p).

Поскольку ничего тайного в этом королевском издании «Мемуаров» не могло быть (как, например, в «Палладионе»), то этот отказ мы можем трактовать как то, что король по выходе в конце 1751 года гаагского издания, действительно отправил под нож остатки своего тиража. Это, конечно, наше предположение, но непонятно, как по-иному объяснить изложенное выше вкупе с редкостью книги.[i]

К сожалению, экземпляра голландского издания в собрании РГБ не имеется.

Что касается других изданий «Мемуаров», вышедших при жизни короля, то их множество, и причиной тому косвенно является воля самого Фридриха. Дело в том, что его произведения на протяжении всего XVIII столетия пользовались большим вниманием европейского читателя. А поскольку король усиленно пытался распространить именно это произведение, печатая его сначала в «Записках» Берлинской академии, то это ему удалось полностью: уже со времени выхода отдельных частей в «Записках» они перепечатывались отдельно (и с разрешения, и контрафактно), а также переводились на европейские языки, в том числе и русский. Основ-

[i] Что касается экземпляров королевского издания, то в Bibliotheque Nationale в Париже хранится еще один превосходный (шифр Res-M-578), который нам посчастливилось видеть. Речь идет о подносном экземпляре,

CONTINUATION
DES
MEMOIRES
POUR SERVIR A L'HISTOIRE
DE
BRANDEBOURG,
PAR L'AUTEUR
DES MÊMES MÉMOIRES.

1757.

N 20. Титульный лист.

ной объем этих изданий выпадает на конец 1740-х – первую половину 1750-х годов, поскольку позднее все уже имели возможность читать полное издание, которое Жан Нэом напечатал не только в дорогом исполнении в четвертую долю, но и в меньшем формате для массового читателя.

Мы решили не давать комментария к каждому изданию, а привести в хронологическом порядке список изданий «Мемуаров», происходящих из королевских собраний.

15

[**Friedrich II**]. Memoirs of the house of Brandenburg. Translated from the Original, Writted by ——— And read By M. Darget, Privy-Counsellor ti His present Majesty, in the General Assembly of the Royal Academy of Sciences and Belles Lettres at Berlin. In the Presence Of Thier Royal Highnesses, the Princes, Brothers of the King, and the Princess Amelia, his Sister. To which is added, The Answer of M. de Mauprtuis, President of that Academy. London: Printed for R. Didsley, in Pall-Mall. 1748.— in 8-o (18,6x11,9). -[8], 56 c. На титульном листе –гравированная на дереве виньета. Наборные заставки и концовки в тексте. Посвящение – To His Royal Highness the Prince of Wales. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В золоченом картонаже 2-й половины XIX века. (Экз. ОХ РГБ, N И-17198 -72 <Химки>.)

16

[**Friedrich II**]. Suite des mémoires pour servir a l'histoire de la maison de Brandenbourg. De Main de Maitre. S. l. Imprimé Pour la Satisfaction du Public. 1750.— 12-o (15,7x9,3). -156 c. На титульном листе – гравированная на меди виньета (без подписи; 5,2x7,3). Наборные заставки, концовки и инициалы в тексте. Второй аллигат в конволюте из трех книг Фридриха II (на титульном листе первого аллигата гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin»).

отправленном королем маркизу Валори, в который вложено собственноручное письмо короля к нему.

MEMOIRS

OF THE

House of Brandenburg

[illegible]

To which are added

FOUR DISSERTATIONS

[illegible]

The whole written

By the present KING of PRUSSIA.

LONDON,

[illegible]

N 21. Титульный лист.

В переплете veau с тиснением на корешке. Обрез с красным крапом. (Экз. ОХ РГБ, N и 23889-73.)

17

[**Friedrich II**]. Denkwurdigkeiten der Brandenburgischen Geschichte, aus dem franzosischen uberfesst. Leipzig, zu finden ben Iohann Christian Laigenheim, 1750. -8o (17,4x10,5).— 278 с. На титульном листе – гравированная на меди виньета (прусский королевский орел с трофеями) – (без подписи; 6,4x8,8). В тексте гравированные на дереве заставки, концовки и инициалы. (Содержание: Borbericht des Heberfesses.— Borbericht.— Denkwurdigkeiten der Brandenburgischen Geschichte.— Leben des kihrfursten Friedrich Willhelms des Grossen.— Leben Friedrichs des Ersten Koniges von Preussen.— Von den Citten, Gebrauchen...— Bon dem Aberglauben und der Religion.) Экземпляр в красном полукожаном «придворном» переплете 2-й половины XIX века с золотым тиснением на корешке. Цветной обрез под мрамор. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Экз. ОХ РГБ, N и 48208 - 71 <Химки>.)

18

[**Friedrich II**]. Mémoires pour servir a l'histoire de la maison de Brandenbourg. De Main de Maître. S. l. Imprimé Pour la Satisfaction du Public. 1751.— 12-o (15,7x9,3). -1 л. портр., [6], 120 с. Портрет – резцовая гравюра на меди (без подписи; 15,2x8,9; под портретом на мантии (руно) надпись: «Frederic le Grand / Roi de Prusse»). На титульном листе – гравированная на меди виньета (без подписи; 5,2x7,3). <Виньетка с утр.> Титульный лист отпечатан черной и красной цветами. Наборные заставки, концовки и инициалы в тексте. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». На обороте титульного листа шрифтовой штемпель «Tr. Leurner». Первый аллигат в конволюте из трех

Merkwürdigkeiten

zur

Brandenburgischen

Geschichte.

Erster Theil.

N 22. Титульный лист.

книг Фридриха II. В переплете veau с тиснением на корешке. Обрез с красным крапом. (Экз. ОХ РГБ, N и 23888-73).

19

[Friedrich II]. Memoires of Frederic III <sic!>, King of Prussia. With All the Memorials, Ansvers, etc. Published, by Order of that Monarch, in Vindication of his Conduet. Tho which is added, an appendix, containing A succinct Account of the Constitution of the German Empire; and the Powers, Privileges, Forces, and Pervenues of its several electors, princes etc, Illustrated with a New and Accurate Map of Saxony, Brandenburg, Silesia, Bohemia, etc, sinely coloured. London: Printed for J. Hinton, at the King's - Arms in Newgate - Street. 1757. [Price Two Schillings and six-pence].— [2], 190 с., 1 л. гравированной карты 30,2x40, иллюминированной от руки акварелью.— in 8-o, -19,9x12,4. Издание является вторым аллигатом конволюта. В полукожаном переплете с углами. На титульном листе первого аллигата гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». На обороте верхней крышки наклеен гербовый гравированный экслибрис William Walker Drake. (Собрание МК РГБ, N17197-53.)

20

[Friedrich II]. Continuation des memoires pour servir a l'histoire de Brandenbourg, par l'Auteur des mêmes Mémoires. S. l. 1757.— 12-o (16,1x9,9). -[2], II, 146 с. На титульном листе наборная виньета. В тексте наборные заставки, концовки и инициалы. На обороте титульного листа штемпель черной краской: «Schlossbibliothek. Berlin». В переплете veau того времени. Обрез крашеный красный. (Экз. ОХ РГБ, N и 41823 - 54 <Химки>.)

21.

[Friedrich II]. Memoirs of the House of Brandenburg. From the Earliest Accounts, to the Death of Frederic I. King of Prussia.

N 22. Титульный лист.

To which are added four dissertations I. On Superstition and Religion. II. On Manners, Customs, Industry, and the Human Understanding in the Arts and Sciences. III. On the antient and modern Government of Brandenburg. IV. On the Reasons for the Enacting and Repealing of Laws. The whole written By the present King of Prussia. London, Printed for J. Nourse at the Lamb opposite Katherine-Street in the Strand. 1758. – petit in-8o (16,8x10,2). -[4], VIII, 340 с. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В переплете veau с золотым тиснением на корешке. Обрез с красным крапом. (Экз. ОХ РГБ, N и 45379-71.)

22.

[Friedrich II]. Merkwurdigkeiten zur Brandenburgischen Geschichte. Aus dem franzosischen uberfesst [von S*]. Erster [- Dritter] Theil. Frankfurt und Leipzig, [Haude & Spenner]. 1759.— 8o (19x11,8). -<1 f. портр>. -[14], 479, [1пуст] с., 1 л. гравированного портрета (15,5x19,4; внизу сигнатуры: «Hempel pinx / I. E. Geriche sculps. Berol. 1759». На титульном листе –гравированная на меди виньета с девизом «Pressa resurgit» и буквами «H & S» [Haude & Spenner]. В тексте наборные заставки, концовки и буквицы. (Содержание: Zueigenungsbrief ah Se, Konigliche Hoheit den Prinzen von Preussen.— Borbericht.— Erinnerung wegen dieser dritter auflage.— Merkwurdigkeiten zur Brandenburgischen Geschichte [Erster theil - Dritter theil].— Abhandlung von den Grunden, Gesse einzufuhren, oder abzuschasse.— Lobreden [Lobschrift des Generals von Golze.— Lobschrift des Herrn von Bork.— Lobschrift des Herrn von Keyserlink.— Lobrede des Herrn von Knobelsdorf.— Lobschrift des Herrn Jordan.— Lobrede des Herrn la Mettrie]). На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В переплете veau того времени. Обрез крашеный, красный. (Экз. ОХ РГБ, N и 28734 - 72 <Химки>.)

IV
Разные Сочинения

В этом разделе мы помещаем описания отдельных, «малых» произведений Фридриха Великого.

23.

[Friedrich II]. Dissertation sur les raisons d'etablir ou d'abroger les loix, par l'auteur des memoires de Brandenbourg. Francfort et Leipsic. 1752.— 12-о (15,7х9,3). -45, [1 чист.] с. На титульном листе наборная виньета. Наборные заставка, концовка и инициал в тексте. Третий аллигат в конволюте из трех книг короля. (На титульном листе первого аллигата гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin».) В переплете veau с тиснением на корешке. Обрез с красным крапом. (Экз. ОХ РГБ, N И-23890-73.)

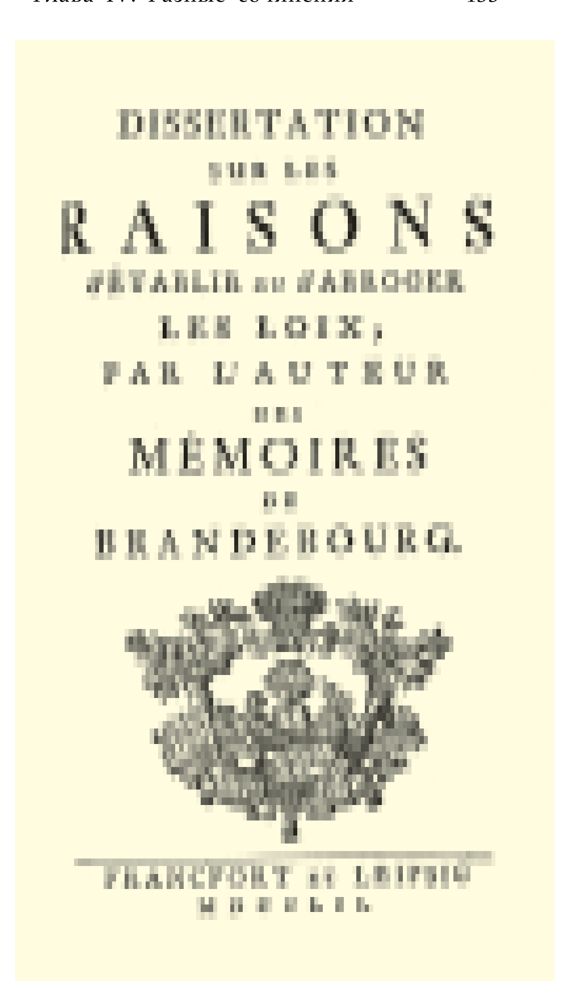
«Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов» было окончено Фридрихом в Потсдаме 1 декабря 1749 года. И через два месяца – 22 января 1750 года – оно было прочитано в собрании Берлинской королевской академии наук в присутствии наследного принца Фридриха Вильгельма и других знатных персон. Читал это рассуждение давний друг короля и тайный советник Дарже. После того, как король еще раз тщательно пересмотрел текст, он был напечатан в третьем томе «Oeuvres du philosophe de Sans Souci» (p. 263–312) в разделе академических статей.

В 1750 году, как мы уже неоднократно упоминали, в гости к королю пожаловал Вольтер, который исправлял довольно много королевских сочинений. Среди них был и текст «Рассуждения», который после Вольтера дополнительно правил и сам король. В таком измененном варианте текст в 1751 году был трижды опубликован: в ежегоднике Берлинской королевской академии наук на 1749 год (Histoire de l'Académie royale des sciences et belles lettres de Berlin année 1749. Berlin, 1751. P. 375–400), в газете «Berliner Nachrichten von Staats- und gelehrten Sachen» (в номере от 3 августа), а также в голландском издании «Истории Бранденбурга».

В тексте «Рассуждения» король пытается рассмотреть, причину установления и уничтожения законов. Как и обычно, в своих сочинениях, король пытается блеснуть эрудицией и обозревает законы древности – Египта, Греции, особенно останавливаясь на римском праве, также охватывает своим пером средневековье. И, что вполне в духе короля, он критикует современные законы и порядки других стран, преподнося свободу и благость прусского законодательства. Например: «Осьм лет тому, как пытка отставлена в Пруссии; опасности нет смешать безвинного с виноватым; и правосудие от того нимало против прежнего не ослабело».[i]

Не лишним в связи с этим королевским сочинением является вопрос, читал ли король вышедшее в 1748 году в

[i] Фридрих II. Рассуждение о причинах установления или уничтожения законов Спб, 1769. С. 41.

DISSERTATION
SUR LES
RAISONS
D'ÉTABLIR OU D'ABROGER
LES LOIX,
PAR L'AUTEUR
DES
MÉMOIRES
DE
BRANDEBOURG.

FRANCFORT et LEIPSIG

N 23. Титульный лист.

Женеве знаменитое творение Монтескье «Дух законов»? Судя по всему, король ознакомился с книгой Монтескье уже позднее, в начале 1750-х (по крайней мере, мы видим это по письму к Дарже, написанному королем в апреле 1753 года.)*
Это, конечно, не делает чести королю-философу, так хорошо изучившему древнее право по трудам аббата Роллена, а книгой Монтескье пренебрегшему. Но, как кажется, в этом есть некоторый смысл: «Дух законов» есть сочинение в большей степени философское и основополагающее, а фридрихово «Рассуждение» кажется маргинальным и утилитарным, написанным просвещенным монархом для утешения собственных амбиций.

*Oeuvres XX. P. 43

На фоне восторженных отзывов, которые сопровождали почти каждое написанное произведение короля, интересно замечание маркиза Валори, найденное позднее среди его рукописей: «Касаемо исторического очерка о законах, прочитанного в общем собрании Академии, он не есть самое лучше произведение короля. Стиль красив и свободен, как и все, что он пишет, но тема является не совсем освещенной».**

**21 февраля 1750; Droysen II. S. 6.

Текст рассуждения, в силу невероятной популярности короля, был переведен на европейские языки, в том числе и русский. Интересно привести здесь фрагмент предуведомления к русскому читателю: «Творец сего сочинения столь известен ученому свету, что имя его у каждого в устах обращается; да и можем ли мы быть столь нечувствительны, столь неблагодарны, чтоб предать забвению такого Монарха, который для высоких своих добродетелей служит и чести и удивлению нашему веку? Философ, Герой, Политик: найдут в нем каждый по своему вкусу столь отменные дарования, что оные, приводя их в восхищение, будут как для их самих, так и для всего поздняго потомства служить неподражаемым примером».***

***Фридрих II. Рассуждение... С. [2]

Представленное издание является одним из нескольких отдельных изданий «Рассуждения о причинах установления или отмены законов». Текст напечатан с учетом внесенных Вольтером исправлений. Экземпляр РГБ ничем не выдающийся, в конволюте с двумя книгами короля, описанными под номерами 16 и 18.

24

[Friedrich II]. Seconde lettre au public. A Berlin. Chez Etienne de Bourdeaux, libraire du Roi et de la cour. 1753.— in 8-o (12,2x9,9.) – XVI с. С наборной виньетой (прусский орел) на титульном листе, наборными заставками, инициалами и концовками. Экземпляр обычный, первый аллигат в конволюте из 18 брошюр по истории Пруссии 1753-1813 годов, в переплете середины XX века (прежде был в обертке), происходит из Берлинской королевский библиотеки – на обороте титульного листа круглый штемпель красной краской с текстом: «Ex biblioth. Regia Beroliensi». (Экз. ОХ РГБ, N ифа 40995-47 <Химки>, allig.1.)

После разрыва Фридриха Великого с Вольтером, пожалуй, самой незаживающей раной короля осталось обвинение в неумении самостоятельно хорошо писать. И болезненнее оно было еще и оттого, что Фридрих, большую часть сочинений которого действительно правил Вольтер, отчасти понимал справедливость этого обвинения. В марте 1753 года в берлинских газетах поочередно появились три «Открытых письма» короля, напечатанные без указания имени автора, но и без каких-либо попыток самого короля сохранить их авторство в тайне. Король написал эти три сатирические письма с целью, по-видимому, убедить общественность в совершенстве и остроте собственного пера.

Вольтер 15 марта 1753 года писал из Берлина к мадам Дени: «Вот два Открытых письма. Король написал и издал

эти брошюры, и весь Берлин говорит, что это имеет целью показать, что он может прекрасно писать и без моего маленького участия».[*] В апреле месяце вышел из печати перевод этих писем на немецкий язык, выполненный Г. Э. Лессингом, который писал отцу 29 мая: «Король является автором трех «Открытых писем». Он написал их по-французски, я же их перевел. Это сатира, но не знаешь в точности, на что она направлена. Письма вызвали много шума и дали повод различным предположениям, поскольку имеют автором самого короля».[**] Оценка Лессингом этих писем, честно говоря, соответствует истине. Немногим позже, в том же году, в Лондоне вышел английский перевод второго и третьего писем, уже с указанием имени автора.

[*] Oeuvres completes de Voltaire. T. LV. [A Kehl], 1785. P. 14

[**] Lessing G.E. Gesammelte Werke. Bd. 9. Berlin, 1957. S. 42

После публикации в газетах (Berlinischen privilegirten Zeitung за 10, 17 и 20 марта 1753) по воле короля было предпринято издание «Открытых писем» по отдельности. Все три издания были напечатаны в Берлине в типографии Этьена де Бурдо, королевского печатника. Каждое «Открытое письмо» печаталось форматом в восьмую долю листа, составляя печатный лист, и, соответственно, насчитывало шестнадцать страниц римской пагинации, где две первые страницы занимал титульный лист. Эти подробности в данном случае нелишни, потому как вскоре (очевидно, по причине того, что отдельные издания плохо продавались, так как их содержание общественность уже сумела почерпнуть из газет) все три письма были типографом объединены в одну книгу с новыми выходными данными, образовав собой новое титульное издание, описание которого помещено нами под N 26. Добавим, что аналогичное издание «Второго открытого письма» имелось в библиотеке Вольтера и до сих пор сохраняется в РНБ.[***] Описываемое издание – единственное в настоящей работе, происходящее не из собственных библиотек Фридриха, а из Королевской библиотеки в Берлине.

[***] Библиотека Вольтера. N 1398

SECONDE

LETTRE

AU

PUBLIC

A BERLIN

Chez ETIENNE de BOURDEAUX,

[illegible]

[illegible]

N 24. Титульный лист.

25.

[Friedrich II]. Silla ein Singespiel welches aus allergnadigsten Beseht Sr. Konigl. Majest. in Preussen ben dem hochsterfreulichen Debuts-Feste Ihro Majestat der Konigl. Frau Mutter Sophien Dorotheheen Konigin in Preussen a.a.a. aus dem Berlinischen Schauplatze ausgefuhrt werden soll. Berlin, ben A. Haude und I. C. Spener, 1753. Mit allerguadigster Frenheit. -8-o (17,3x10,2).— 107, [3] с. Контртитул на итальянском языке: «Silla drama per musica da rappresentarsi nel regio teatro di berlino per il il felicissimo Giorno Natalizio della sacra Real Maesta di Sofia Dorotea Regina Madre per comando della maesta del re. In Berolino Apresso Haude e Spener 1753. Con Licenza di Sua Maesta», текст параллельно на французском и итальянском. Экземпляр в позднейшем картонаже. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Экз. ОХ РГБ, N и16357-72 <Химки>.)

«Силла». Драматическая пьеса в трех актах.

Описание настоящего издания предоставляет нам счастливую возможность дать характеристику Фридриху Великому не только как писателю, но и как музыканту, причем много сделавшему для развития музыки в Пруссии в XVIII столетии.

Фридрих II в свободные минуты (которых у него подчас было предостаточно) предавался не только чарам Каллиопы, но и Эвтерпы. Он был участником и основным вдохновителем берлинской школы музыкального сентиментализма.[i]

Фридрих сам был композитором и хорошо владел флейтой, на которой любил играть еще с детских лет. Король оставил после себя три симфонии, кантату для сопрано и альта, а также около восьмидесяти сольных пьес для флейты. Он часто, при возможности ежедневно, перед ужином музицировал со своими придворными музыкантами. После

[i] Подробнее см. ст.: Thouret G. Die Musik am preussischen Hofe im 18. Jahrhundert.// Hohenzollern Jahrbuch. I Jahre. Berlin, Leipzig, 1897. S. 55-62.

Silla
ein Singespiel
welches
auf allergnädigsten Befehl
Sr. Königl. Majest. in Preussen
bey dem höchstbeglückten
Geburts-Feste
Ihro Majestät
der Königl. Frau Mutter
Sophien Dorotheen
Königin in Preussen rc. rc. rc.
auf dem
Berlinischen Schauplatze
aufgeführet werden soll.

Berlin,
bey A. Haude und J. C. Spener.
1753.
Mit allergnädigster Freyheit.

N 25. Титульный лист.

строительства дворца в Сан-Суси это занятие стало излюбленным времяпрепровождением. Еще в 1740-х годах король купил у знаменитого мастера Готфрида Зильбермана (1683-1753) несколько клавишных музыкальных инструментов, среди которых находился и изобретенный им немецкий вариант фортепиано – молоточковый клавир (hammerklavier). Фридрих Великий называл его по-французски просто clavier, а нам ныне его немецкое название больше напоминает об одноименной 29 сонате Бетховена. Тем не менее, этот инструмент, который Зильберман создавал, пользуясь советами Иоганна-Себастьяна Баха, стоял в Сан-Суси и играл на нем Карл Филипп Эммануэль Бах, второй сын Иоганна Себастьяна, получивший прозвище «Берлинский» Бах, потому как служил при Фридрихе еще с 1738 года. Да и сам король умело играл на клавире.

Любопытна параллель между литературной и музыкальной деятельностью Фридриха: во время музицирования почти постоянно присутствовал Фридрих Иоганн Кванц – автор знаменитого трактата об игре на флейте, и по давней договоренности после каждого правильно сыгранного королем соло Кванц должен был громко кричать «браво», тогда как при фальши он должен был кашлять. Так, вот, в один не лучший вечер король сказал: «Надо что-то сделать с простудой бедного Кванца!»

Музыка, как, впрочем, и литература, находились под жесточайшей цензурой самого Фридриха; англичанин Чарльз Берни в 1772 году следующим образом отзывался о музыке в Германии: «Музыка в этой стране поистине находится в застое, так как его величество разрешает в ней не больше свободы, чем в вопросах гражданского управления». Так что немецкая музыка правления Фридриха Великого демонстрирует нам почти исключительно только представителей придворного кружка короля. Большим событием был приезд 7 мая 1747 года в Берлин Иоганна Себастьяна Баха,

SILLA
DRAMA PER MUSICA
DA RAPPRESENTARSI
NEL REGIO TEATRO DI BERLINO
PER IL FELICISSIMO
GIORNO NATALIZIO
DELLA SACRA
REAL MAESTA
DI
SOFIA DOROTEA
REGINA MADRE
PER COMANDO
DELLA MAESTA
DEL RE

IN BERLINO
Appresso HAUDE e SPENER
1753.
Con Licenza di Sua Maestà.

N 25. Контртитул.

поразившего короля моментальным сочинением трехголосного ричеркара (в то время так называлась особенно сложная и изысканно разработанная фуга), а затем импровизацией на собственную тему шестиголосного ричеркара, исполненных на все том же клавире.

Наконец, Фридрих Великий является основателем Берлинской Оперы, построенной в 1741—1743 годах его любимым архитектором Георгом фон Кнобельсдорфом (строителем Сан-Суси) и ныне являющейся самым старым театральным зданием Берлина. Опера начала работу даже до окончания всех строительных работ представлением «Цезаря и Клеопатры» в постановке Карла Генриха Грауна (1701–1759).

Вообще именно с именем Карла Генриха Грауна берлинский двор ассоциируется прежде всего: один из трех знаменитых братьев-музыкантов, композитор, капельмейстер и певец (тенор). Он также являлся, по сути, вдохновителем создания Берлинского оперного театра, для которого написал более двадцати пяти опер. Также он является автором месс, магнификатов, мотетов, псалмов и духовных кантат. Сочиненная им в 1755 году на слова К. В. Рамлера оратория «Der Tod Jesu» считалась современниками выдающейся. Из числа оперных сочинений Грауна наибольшей популярностью пользовалась опера «Фаэтон», впервые поставленная в 1750 году.

Фридрих был автором текстов к его операм «Ифигения в Авлиде» (1748), «Кориолан» (1749), «Фаэтон» (1750), «Митридат» (1751); «Силла» (1753), «Монтесума» (1755) и «Меропа» (1756).

Одной из написаных Грауном для Фридриха Великого опер была «Силла». Описываемое издание представляет собой сочиненный королем французский прозаический текст этой трехактной оперы. Первое ее исполнение состоялось на сцене Берлинской Оперы 27 марта 1753 года, в день рождения королевы-матери Софии Доротеи. Игралась она на итальянском языке, стихотворный перевод на который выполнил

Джанпьетро Тальязукки (1715-1768). Этот итальянец сделал довольно много переложений для опер, ставившихся в Берлине, в том числе к «Меропе». Что касается драматического сюжета, сложенного Фридрихом, то и здесь король не ушел от свойственных ему подражаний: в разных местах слышится то «Британик» Расина, то «Цинна» Корнеля.

Одновременно из печати вышло несколько изданий «Силлы». Придворный печатник Бурдо выдал в свет два издания: первое — Sylla, pièce dramatique, mise en vers italiens, pour l'accommoder au goût de la musique, et qui paraîtra à Berlin, sur le théâtre du Roi, le 27 mars, jour de naissance de S. M. la Reine Mère. A Berlin, chez Etienne de Bourdeaux, libraire du Roi et de la cour, 1753. -45 p, 12-o — и затем второе, которое считают самым правильным: Sylla, piece dramatique, qui paraitra a Berlin, sur le theatre du Roi, le 27 mars, jour de naissance de S.M. la Reine-mere. Par main de maître. Avec privilege du Roi. A Berlin, chez Etienne de Bourdeaux, libraire du Roi et de la cour, 1753. – 48 p., 8-o. Вторая книга была перепечатана Иоганном Прейссом в собрании сочинений Фридриха.

В этих двух изданиях, содержащих только французский текст, имеется обращение Тальязукки к читателям, где говорится: «Считаю себя обязанным предупредить читателя, что это сочинение – труд или даже результат развлечения высокого дарования, который смог понять все самое важное и глубокое в искусстве войны, в философских построениях и богатствах любезных Муз. Представляю полученный мной текст публике в прозе, на французском языке...»

Тогда же – в 1753 году – в Лондоне появился английский перевод «Силлы», выполненный Самюэлем Дерриком: Sylla, a dramatic entertainment [in three acts and in verse] ... translated from the French by Mr Derrick. London, 1753. 8-o. А в 1759 году появился даже перевод Элиаса де Ври (de Vries) на датский, вышедший в Копенгагене: Sylla, of de Herstelling der belaagde

grootmoedigheid, treurspel, gevolgd na het Fransche ontwerp der berlynsche opera... Gravenhage, P. Van Os, 1759. -48 p. 8-o.

В том же 1753 году вышло и издание, которое, собственно, и описывается в составе коллекции РГБ. Напечатано оно не в придворной типографии, а у знаменитых книгопродавцев Гауде и Шпеннера, и, возможно, заработать на этом издании решил сам Тальязукки. Дело в том, что наряду с французским текстом короля параллельно идет текст Тальязукки на итальянском языке, потому книга и насчитывает в два раза больше страниц, нежели другие издания.

26.

[Friedrich II]. Trois lettres au public. Par main de maitre. Quatreme edition. A Berlin. Chez Etienne de Bourdeaux, libraire du Roi et de la cour. 1758.— XVI, III-XVI, III-XVIc. -in 8-o, -17,6x10,7. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставками, инициалами и концовками. С. I-II первой пагинации – общий титульный лист. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 9. (Собр. МК РГБ, N20970-51.)

Вот и объединенное издание трех «Открытых писем», на котором мы обещали остановиться при описании «Второго Открытого письма». На титульном листе указано «четвертое издание», что обычно путает библиографов. Дело в том, что других изданий трех писем вместе (кроме немецкого перевода Лессинга) никогда не выходило. Тот же Этьенн де Бурдо, печатавший эти письма в 1753 году, уже тогда выпускал их путано: под заглавием Lettre au Public он напечатал второе и третье письмо, которые были спешно без всякого разрешения перепечатаны Гаагским издателем Ван Лаком (Lettre au Public, par main de maitre. Frankfort & Leipzig; La Haye. 1753). Оговоримся, что каталог GV[i] безосновательно заявляет о наличии в этих изданиях всех трех

[i]Gesamtverzeichnis des deutschsprachigen Schrifttums (GV) 1700-1910. Bd. 142. München, 1985. S. 108–109.

TROIS

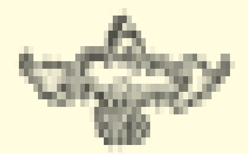
LETTRES

AU

PUBLIC

PAR MAIN DE MAITRE.

QUATRIEME EDITION.

À BERLIN,

N 26. Титульный лист.

писем. В нескольких экземплярах известно издание «Второго письма» (см. выше N 24).

Немецкие издания писем в переводе Лессинга, датированные одним годом, также по-разному скомпонованы: первое – Schreiben an das Publikum. Aus dem Französischen. Berlin, 1753, как и следующее — Zveytes Schreiben an das Publikum. Aus dem Französischen. Berlin, 1753 – включают в себя второе и третье письма, но есть и все три письма вместе – Drittes Schreiben an das Publikum. Aus dem Französischen. Berlin, 1753. Об английском переводе второго и третьего писем мы говорили выше.

Таким образом, перечисленными наименованиями все известные издания «Открытых писем» исчерпываются. И пришло время вернуться ко «Второму письму» 1753 года и его римской пагинации. Дело в том, что настоящее издание 1758 года имеет три пагинации: XVI, III-XVI, III-XVI с., каждому письму соответствует своя пагинация. И, что важно, при сличении имеющегося в нашем распоряжении «Второго открытого письма» со вторым письмом в настоящем издании 1758 года становится ясно, что это, несомненно, страницы одного и того же издания. То есть Этьен де Бурдо по прошествии пяти лет из неразошедшихся экземпляров трех писем сформировал другое, по сути, титульное, издание: изъял заглавные листы с выходными данными 1753 года, соединил вместе и приложил новый титульный лист. А указанное на нем «четвертое издание» проистекает из того, что три издания уже были напечатаны, но по отдельности, то есть тремя отдельными изданиями.

Единственное, что мы не в силах внятно объяснить, так это причину необычайной редкости изданий писем по отдельности: второе письмо (оно описано выше) изредка встречается, а первое и третье известны едва ли не в единственных экземплярах в библиотеке Вольтера*, где хранятся отдельные издания всех трех писем.

*Библиотека Вольтера, NN 1397 и 1399

27.

[Friedrich II]. Relation de Phihihu, emissaire de l'empereur de la Chine en Europe traduit du Chinois. [Lettres I - VI]. A Cologne, chez Pierre Marteau. 1760. -XXIX, [1 пуст.] с.— In 16-o, -14,1x8,6. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». У корешка имеются следы серо-синей обертки. На левом поле с. XII, перед 7-й сверху строкой, перед словами «il crut que nous» рукой Фридриха II собственноручно вписано: «Les verreux». В конволюте «Miscelanea», allig. 1. (Собр. МК РГБ, N20962-51.)

«Донесение Фихиху, эмиссара китайского императора в Европе, переведенное с китайского. Напечатано в Кельне, у Пьера Марто». Это сочинение король закончил в феврале 1760 года, и в том же месяце оно было предано печати. А 5 марта 1760 года, посылая эту книжку герцогине Саксен-Готской, король сопроводил ее следующими словами: «Беру на себя смелость послать Вам одну книжку о делах эпохи. Это лай спаниеля в сильнейшую грозу, шум которой его заглушает. И все-таки, следует время от времени будить публику ото сна, заставить ее призадуматься. Сначала семена эти сухи; со временем они принесут плоды».* А маркизу д'Аржансу по поводу этого же издания писал: «Я сочинил небольшую книжку, которая выходит в Берлине. Она заключает в себе повесть одного Китайскаго шпиона к своему Императору. Сочинение сие целью своею имеет то, чтобы дать пощечину Папе, который благословляет оружие наших неприятелей, и дает убежище убийцам монахам. Я думаю, что оно тебе понравится <...> Сочинение сие не длинно и не скучно, а довольно может насмешить».** Причем король сопроводил посылку этой брошюры специально сочиненным посланием – «L'Epitre au marquis d'Argens, en lui envoyant les Lettres

*Oeuvres, XVIII. P.154

**Без даты, Oeuvres XIX. P. 144

de Fihihu».[*] В свою очередь, маркиз разыскал экземпляр, правда, с трудом, еще до присылки королевского подарка: «Я четыре дня искал письма Вашего Китайца у всех книготорговцев, они даже не знали об их существовании; наконец, один из моих друзей прислал мне экземпляр».[**] Он же через некоторое время описывает реакцию на это королевское сочинение: «Письма Вашего Китайца производят удивительный шум: богомольцы всех исповеданий объединились, чтобы злословить их, а разумные люди смеются и находят их прелестными <...> Австрияки напечатали в нескольких газетах выдержки из этого сочинения <...> Авторы этих выдержек Вас не называют.<...> Я имею честь сказать Вашему Величеству, что Вы больше не можете быть неузнанным, когда пишете какое-либо сочинение».[***]

Что касается непосредственно издания, то выходные данные, указанные на титульном листе, вымышленные; в действительности оно было напечатано в Берлине у Фосса. Причем оно печаталось настолько спешно, что в книгу вкралось довольное число опечаток, особенно по части пунктуации, на что обращал внимание короля маркиз д'Аржанс: «Ваше Величество жалуется на ошибки в издании Poesies diverses, а что бы Вы сказали, увидев Письма Вашей особы?».[****] Там же маркиз сообщает, что ввиду обилия ошибок, допущенных при издании, «в Берлине собираются сделать новое издание этого произведения, но оно будет исправнее»; однако второго издания этого произведения предпринято не было. Напечатано это издание было в очень малом количестве экземпляров.[*****]

Во многих источниках указываются несколько различных изданий этого произведения Фридриха, отличающиеся лишь форматом: в 8-о, 12-о и 16-о доли листа. Интересно, что при сравнении эти издания оказываются идентичными, напечатанными с одного типографского набора и римской пагинацией. При печати был изменен только формат, и, собственно, все

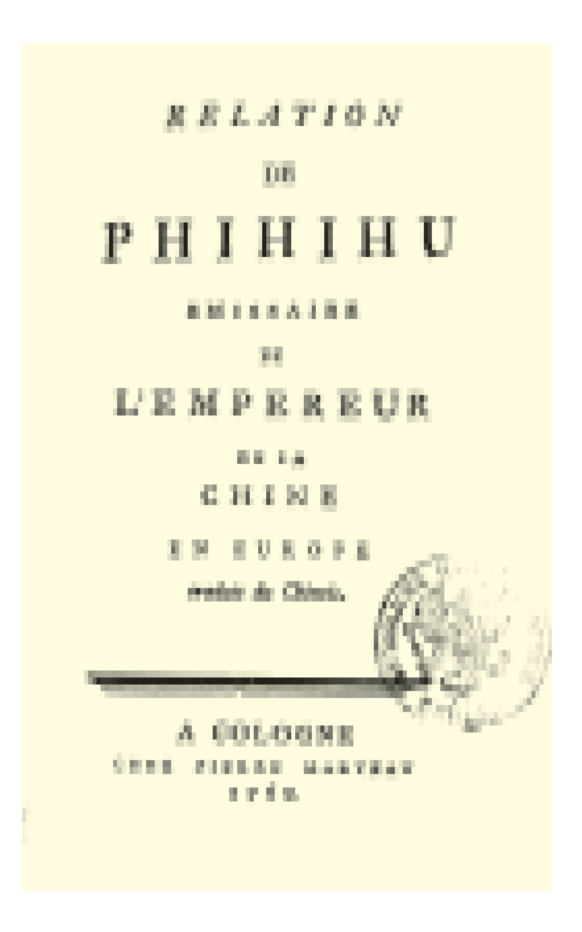
[*] Oeuvres XII. P. 146

[**] 17 апреля 1760 года, Oeuvres XIX. P. 154

[***] 27 мая 1760. Oeuvres XIX. P. 171

[****] 17 апреля 1760. Oeuvres XIX. P. 154

[*****] Barbier, IV. Col. 218

RELATION

DE

PHIHIHU

EMISSAIRE

DE

L'EMPEREUR

DE LA

CHINE

EN EUROPE

traduit du Chinois.

A COLOGNE

CHEZ PIERRE MARTEAU

N 27. Титульный лист.

эти три издания являются вариантами одного и того же, единственного берлинского издания Фосса.

28

[Friedrich II]. Eloge du prince Henry de Prusse. Lu dans l'Assemblee extraordinaire de l'Academie Royale des Sciences le 30 Decembre 1767. A Berlin, Chez Chretien Frederic Voss. Imprime chez G. L. Winter. 1768. -30 c.— in 8-o, -17,5x11,7. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой на с. 3 и концовкой на с. 30. Отпечатано на плотной бумаге. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 2. (Собр. МК РГБ, N20963-51.)

«Когда король в 1767 году после осмотра войск в Померанию возвращался, то получил он известие о кончине прусского принца Генриха, которого он чрезмерно любил и почитал. Прискорбие его было столь велико, что он приказал в Бернове остановиться, дабы тут одну ночь проводить. <...> В прочем скоропостижная и неожиданная кончина прусского принца столь чувствительна для короля была, что он с трудом мог воздержаться. О сем можно некоторым образом заключить из текста, которой самим королем избран для говоренной в память его проповеди, а именно: Пути мои не суть ваши пути, И мысли мои не суть ваши мысли».[i]

Пламенное похвальное слово скончавшемуся 26 мая 1767 года племяннику короля принцу Фридриху Генриху Карлу Прусскому (1747-1767) было сочинено королем, по-видимому, уже по возвращении из похода, и наполнено оно искренним горем, поскольку король любил племянника как сына, и утрата была необычайно тяжела. Прочитано оно было, как, собственно, и сообщено на титульном листе, на чрезвычайном заседании Королевской академии наук 30 декабря 1767

[i] Достопамятныя сказания и деяния, изъявляющия свойство Фридриха II, короля прусскаго Ч. III. Спб, 1787. С. 85–86.

ÉLOGE
DU
PRINCE
HENRI
DE PRUSSE.

À BERLIN,

N 28. Титульный лист.

года. Тогда же с речью по этому поводу выступил секретарь академии Формей.

Как часто бывало, король послал издание своим родным и друзьям. Наиболее интересна здесь его переписка с д'Аламбером: «Я заставил плакать в течение нескольких дней все академическое собрание <...> из-за той речи, которую я Вам посылаю согласно обычаю, поскольку Вы являетесь ее <т. е. академии> членом».[*] Д'Аламбер 29 января направил королю ответ, где в числе прочего говорилось: «Я только что получил и прочел с большой чувственностью Похвальное слово, которое Ваше Величество сочинили о молодом и достойнейшем принце <...> Это произведение делает честь, сравнимую с духом и чувствами героя, которым является сам автор».[**] По поводу содержания речи Фридрих писал своему младшему брату принцу Фердинанду: «Я действительно доволен, что Вы одобрили сей слабый памятник, который я воздвиг нашему бедному племяннику, и могу Вас уверить, что я сказал на этот счет только самую чистую и самую честную правду».[***]

[*] 7 января 1768. Oeuvres, XXIV. P. 429

[**] Oeuvres, XXIV. P. 430

[***] Без даты, Oeuvres, XXVI. P. 557

29.

[Friedrich II]. Discours prononce a l'assemblee ordinaire de l'Academie Royale des sciences et belles-lettres de Prusse, le jeudi II. janvier. 1770. [содерж.: Essai sur l'amour-propre envisage comme principe de morale.] Berlin, Chez Chretien Frederic Voss. 1770. -32 с.— in 8-о, -17,6x10,7 (правый край не обрезан). С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой на с. 3 и концовкой на с. 32. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 3. (Собр. МК РГБ, N20964-51.)

Речь, произнесенная в ординарном собрании Прусской Королевской академии наук и изящной словесности в четверг 11 января 1770 года. «Рассуждение о личной любви, рассмотренной как принцип морали».

DISCOURS

[illegible]

A

L'ASSEMBLÉE ORDINAIRE

[illegible]

L'ACADÉMIE ROYALE

DES

SCIENCES ET BELLES-LETTRES

DE PRUSSE.

[illegible]

BERLIN,

[illegible]

[illegible]

N 29. Титульный лист.

В конце 1769 года Фридрих написал этот текст к Берлинской королевской академии наук и изящной словесности, который и был прочитан в ее торжественном годовом собрании 11 января 1770 года. А 16 января в 7 номере Berlinische privilegirte Zeitung был дан восторженный отзыв на это очередное творение короля-философа.

Это произведение было навеяно королю прочитанными трудами Гельвеция и д'Аламбера (об этом он поделился с Вольтером в письме от 17 февраля 1770 года).[*] 4 января 1770 года, еще до того, как эта речь была прочитана на годовом собрании, король направил список с нее Вольтеру: «Я Вам посылаю мемуар, предназначенный для Академии. Повод его серьезный, а суть философская».[**]

[*] Oeuvres, XXIII. P. 149

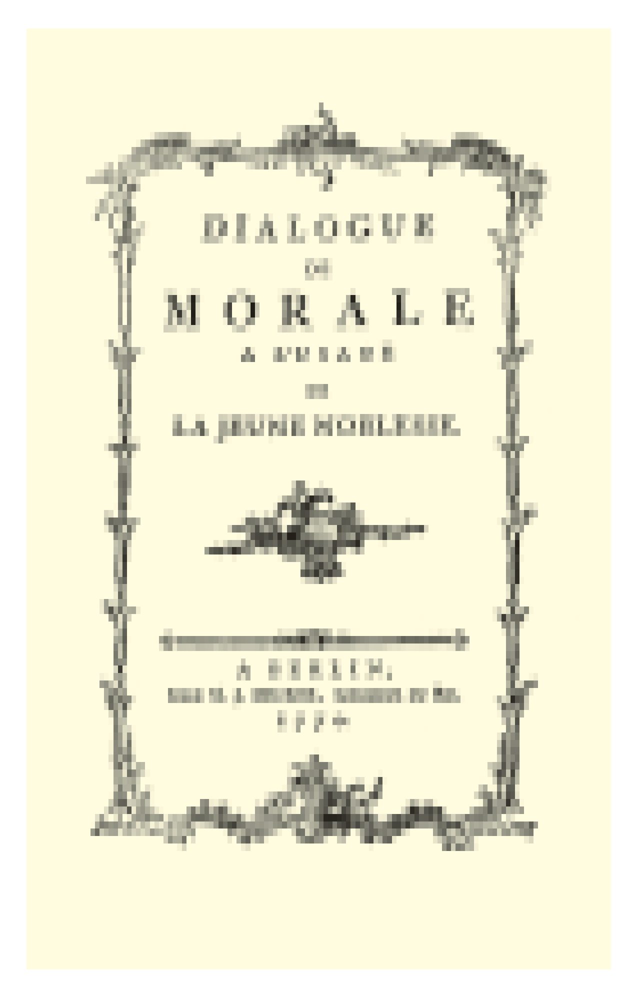
[**] Oeuvres, XXIII. P. 147

30.

[Friedrich II]. Dialogue de morale a l'usage de la jeune noblesse. A Berlin, Chez G. J. Decker, Imprimeur du Roi. 1770. -37, [1пуст.] с.— in 8-o, -17,5x11. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой на с. 3 и концовкой на с. 37. Титульный лист в наборной орнаментальной рамке. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 4. (Собр. МК РГБ, N20965-51.)

«Диалог о морали для юного дворянства» был написан королем для дворянских детей, учащихся в Берлинском кадетском корпусе. Первоначальное заглавие, которое известно из сохранившейся рукописи этого произведения, было «Катехизис нравственности для юного дворянства», и ее редакция немного отлична от вышедшего в печать окончательного варианта.

В свет издание было выпущено 29 марта 1770 года. Поскольку король имел слабость в течение всего своего правления поучать своих подданных разных сословий, то он распорядился напечатать этот «Диалог» и на немецком языке.

DIALOGUE
DE
MORALE
A L'USAGE
DE
LA JEUNE NOBLESSE.

A BERLIN,
[illegible]
[illegible]

N 30. Титульный лист.

Печатание было поручено директору Берлинского кадетского корпуса генерал-лейтенанту Иоганну фон Буддеброку, а перевод на немецкий язык был выполнен Карлом Вильгельмом Рамлером.

3 апреля 1770 года, посылая печатный экземпляр «Диалога» Вольтеру, король писал: «Первое, чем я занялся после моего выздоровления,– это принесение благодарности Орфею или Аполлону, который мне в этом помог; ему я и приношу это слабое творение больного».* На это был получен ответ философа, не лишенный лести: «Вы нашли секрет быть защитником, законодателем, историком и наставником Вашего королевства».**

Д'Аламбер, получивший также экземпляр «Диалога», намеревался написать ответ на это сочинение Фридриха*** , а в своем следующем письме от 30 числа также не упустил случая восторгаться чистотой и нравственностью, которые насаждает король среди своего молодого дворянства.****

Не без участия д'Аламбера в том же году это сочинение было перепечатано в Париже (Paris, imprimerie de P. De Lormel, 8-o, 35 p.), а также выдержало еще несколько изданий в Берлине – (Berlin, Voss, 1774. 12-o; Berlin, Rottmann, 1776). Это объясняется тем, что это сочинение действительно употреблялось для воспитания дворянства в королевских учебных заведениях, хотя удивительно видеть это стремление короля к нравственности его подданных, столь резко контрастирующее с придворными нравами времени его царствования.

*Oeuvres, XXIII. P. 152

**27 апреля. Oeuvres, XXIII. P. 153

***Письмо от 21 апреля. Oeuvres, XXIV. P. 481

****Ibidem. P. 483

31.

[Friedrich II]. Lettre sur l'education. Berlin, Chez Chretien Frederic Voss. 1770. – 32 c.— in 8-o, -17,6x10,8. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой на с. 3 и концовкой на с. 32. Отпечатано на плотной бумаге. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 5. (Собр. МК РГБ, N20966-51.)

LETTRE

SUR

L'ÉDUCATION.

BERLIN,

Chez Chrétien Frédéric Voss.

[illegible]

N 31. Титульный лист.

В экземпляре имеются маргиналии и исправления коричневыми чернилами (по-видимому, рукой короля): на с. 8, в строках 12-13 сверху зачеркнуто слово autrefois; на с. 11, в 3 строке снизу поверх зачеркнутого слова la Philosfphie(sic!) вписано: l'histoire; на этой же странице, 1-2 строке снизу, вместо зачеркнутого ils n'ont вписано ou n'a; на с. 22 в 1 строке снизу зачеркнуто слово avilee и сверху написано avilie; на с. 26, в 7 строке снизу, сверху зачеркнутого une написано un; на с. 28, в 9 строке сверху вместо зачеркнутого Les справа на поле написано leur; на с. 32 после текста: a Berlin le / 15 decembre 1769.

«Письмо о воспитании». Это издание по времени написания и по содержанию примыкает к описанному выше «Диалогу» и посвящено воспитанию прусского юношества, хотя написано оно немногим раньше «Диалога», и не получило столь широкого распространения. Возможно, причина этого в том, что автор не обращается в нем непосредственно к юношеству (как в «Диалоге»), а адресует его педагогическому корпусу. Написано оно в форме послания, как и озаглавлено на третьей странице: «Письмо жителя Женевы профессору Бюрламаки, женевскому профессору».

Здесь скажем, что профессор Бюрламаки является реальной фигурой, а не вымышленным персонажем, как многие исследователи полагали. Жан-Жак Бюрламаки (1694-1748) был известным юристом, профессором права Женевского университета, а потом и членом Государственного Совета Женевы. Он является автором фундаментальных трудов по принципам права.

Так же как «Диалог» был передан начальнику кадетского корпуса, «Письмо о воспитании» было направлено для ознакомления с ним соответствующему королевскому чиновнику: 17 апреля 1770 года оно было вручено государственному министру барону Мюнхгаузену, при этом барон получил

письмо государя со следующими словами: «Я пересылаю Вам следующий документ с тем намерением, чтобы Вы прочли его, потому как я верю, что несколько находящихся там размышлений будут полезны для употребления в университетах».*

*Preuss I. S. 204–205

Описываемый экземпляр, происходящий из библиотеки короля, несет на себе исправления и дату «15 декабря 1769 года» – время ее выхода в свет. Думается, что перед нами корректурное издание, которое было оттиснуто только в нескольких экземплярах (по крайней мере, Дройзен говорит о существовании четырех экземпляров этой книги – один из них наш, и еще два экземпляра — находились в собраниях королевских дворцов и один в библиотеке принцессы Амалии).** Все четыре экземпляра несут на себе одинаковые исправления и дату. Скорее всего, первоначально предполагалось издать это сочинение короля большим тиражом, но замысел не осуществился, и сохранились лишь несколько экземпляров.

**Droysen I. S. 14

32.

[Friedrich II]. Examen de l'essai sur les prejuges. A Londres, chez Nourse, Libraire. [Berlin, chez libraire Voss], 1770. -70 с., -petit in 8-o, -15,5х9,8. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой и инициалом на с. 3 и концовкой на с. 70. На последней странице внизу дата: A Londres, ce 2 avril 1770. Титульный лист в наборной орнаментальной рамке. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 6. (Собр. МК РГБ, N20967-51.)

Это «Рассмотрение» является, по сути, отзывом короля на вышедшую в том же 1770 году в Лондоне книгу «Essai sur les préjugés, ou de l'Influence des opinions sur les moeurs et sur le bonheur des hommes, ouvrage contenant l'apologie de la

philosophie, par M. D. M.» Авторство этой книги в XVIII- XIX веках приписывалось Сезару Дюмарсе (1676-1756; криптоним M. D. M. на титульном листе может расшифровываться как Monseigneur Du Marsais). Однако на основании того, что в подготовке и издании этой книги принимал деятельное участие Жак-Андре Нежон (1738–1810) — секретарь и ближайший сотрудник Поля-Анри Гольбаха (1723–1789), именно Гольбаху в последние годы приписывается авторство этого сочинения. Фридрих, несомненно, знал о том, кто является автором читаемой им книги, по крайней мере, переписка короля дает нам это понять, и речь, несомненно, идет о здравствующем авторе (Гольбахе), а уж точно не о почившем (Дюмарсе).

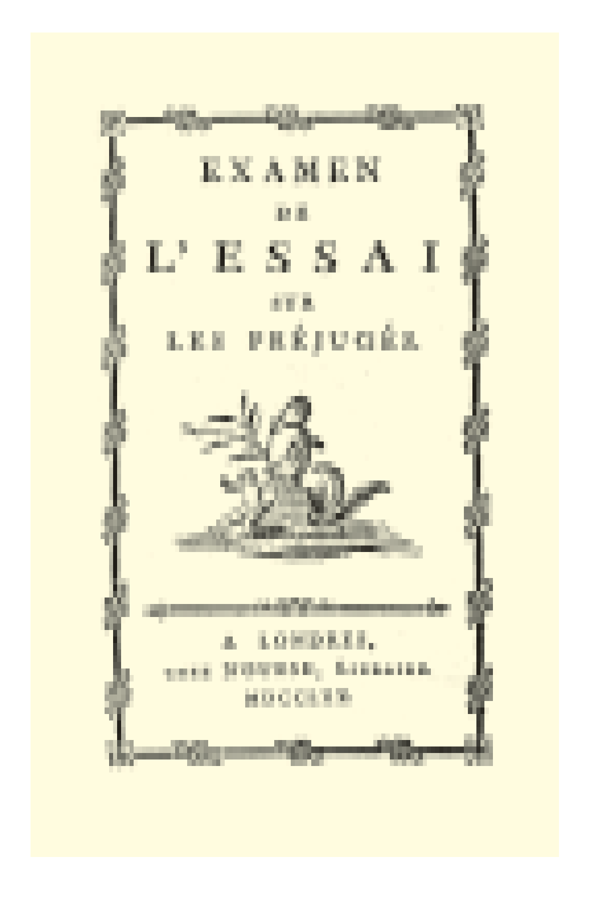
Фридрих закончил написание своего критического сочинения 2 апреля 1770 года, такая дата стоит на последней странице книги. А 17 мая 1770 года он писал д'Аламберу: «Во время моего выздоровления первой книгой, попавшей мне в руки, был Очерк о предубеждениях: он умножил апатию, в которой меня держали потерянные силы, а с хорошей стороны – я по разным причинам думаю о так называемом философе, который является автором, и вся моя энергия была устремлена на то, чтобы организовать себя и отмечать там ошибки».[*] Д'Аламбер, прочитав критическое сочинение Фридриха, отвечал ему 8 июня: «Сочинение <...> служит достойным и счастливым плодом выздоровления. Мне вовсе неизвестен Очерк о предубеждениях, который Ваше Величество взялись опровергать <...> Критика, сделанная Вашим Величеством на Очерк о предубеждениях, оставила мне еще меньше желания прочитать его».[**] Вольтер, которому Фридрих также послал свою критику, видимо, был не в лучших отношениях с автором «Очерка». Единственно этим могут объясняться его слова: «Вы оказываете много чести, критикуя его».[***]

Издана книга была в кратчайшие сроки, как, впрочем, почти всегда было с сочинениями венценосного автора, причем выходные данные обозначены вымышленные. Думается,

[*] Oeuvres, XXIV. P. 485

[**] Ibidem

[***] Oeuvres, XXIII. P. 158

EXAMEN
DE
L'ESSAI
SUR
LES PRÉJUGÉS

A LONDRES,
CHEZ NOURSE, LIBRAIRE
MDCCLXX

N 32. Титульный лист.

что король сознательно указал на титульном листе Лондон, поскольку критикуемое сочинение было напечатано в этом городе. Барон Тьебо в своих воспоминаниях пишет[i], что эта книга короля увидела свет по настоянию аббата Бастиани (прежде он был одним из потсдамских гренадеров, и, по-видимому, состоял в связи с Фридрихом, который и сделал его аббатом Силезии).

33.

[Friedrich II]. [1]. Lettre du pape Clement XIV. au mufti Osman Mola. Traduit du latin. [2]. Lettre de monsieur Niccolini a Monseiur Francouloni, procurateur de S.<ainte> Marc. Traduit l'Italien. Cologne. [Berlin]. 1771. –14 с.,— in 8-o, -17,5x10,6. Отпечатано на плотной бумаге верже. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 7. (Собр. МК РГБ, N20968-51.)

Десять лет спустя после появления на свет «Донесения Фихиху» Фридрих Великий опять вернулся к сатире: весной 1771 года им были сочинены два небольших текста, которые были опубликованы вместе и составили брошюру в четырнадцать страниц. Это были «Письмо папы Клемента XIV муфтию Осману Мола. Переведено с латыни» (подпись на с. 8: «В Риме, 4 августа, первого года нашего понтификата») и «Письмо господина Николини господину Франкулони, прокуратору Святого Марка. Переведено с итальянского» (подпись на с. 14: «В Константинополе, 16 августа 1769»).

Когда издание в конце апреля 1771 года было напечатано, то король по заведенной привычке разослал его своим просвещенным друзьям. Причем король даже придумал легенду: Вольтеру он писал 1 мая 1771 года: «Алексей Орлов <...> дал мне прелюбопытный документ, который при сем и посылаю; я не знаю, как он его раздобыл»[*]; нечто подобное он писал и 7 мая д'Аламберу: «Мы видели здесь Алексея

[*] Oeuvres, XXIII. P. 195

[i] Thiébault D. Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin, ou Frédéric le Grand, sa famille, sa cour, son gouvernement... Paris, an XII [1804]. T. I. P. 119.

LETTRE

DU PAPE CLEMENT XIV.

AU MUFTI

OSMAN MOLA.

[illegible]

Cologne [illegible]

N 33. Титульный лист.

Орлова, лакедемонца, устроившего войну на Пелопонесе и в Средиземном море. Он дал мне достаточно забавную вещь, которую подобрал в Венеции».*

*Oeuvres, XXIV. P. 538

Конечно же, увидев присланный текст, оба корреспондента без труда вычислили автора присланных сочинений. Отзвуки этого мы читаем в благодарственном письме д'Аламбера к королю от 14 мая: «Философам, которые любят посмеяться (и от этого не меньше как философы), следует быть крайне обязанными аббату Николини за поучительное послание».**

**Oeuvres, XXIV. P. 539

Особенный интерес для нас в данном случае представляет упоминание графа Алексея Григорьевича Орлова (1737–1807), слава о котором после 26 июня 1770 года — Чесменского сражения, при котором он разбил турецкий флот,— гремела по всей Европе.

Издание было напечатано в последних числах апреля 1771 года, но, конечно же, не в Кельне, как показано на титульном листе, а в Берлине; тираж был крайне невелик, и для широкой публики оно не предназначалось. Оно не вошло в посмертные собрания сочинений короля, и впервые было перепечатано только в 1850 году Прейссом в пятнадцатом томе «Oeuvres».

34.

[Friedrich II]. Discours prononce a l'assemblee extraordinaire et publique de l'Academie Royale des sciences et belles-lettres de Prusse, en presence de Sa Majeste la Reine Douairiere de Suede; le lund: 27. janvier 1772. [Содерж. De l'utilite des sciences des arts dans un etat.] A Berlin, Chez Chretien Frederic Voss. 1772.— 24 с.— in 8-o, -17,5x10,7. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставкой и инициалом на с. 3 и концовкой на с. 24. Внизу на с. 24 указан типограф: «Imprime chez C.J. Decker, Imp. du Roi». Отпечатано на плотной бумаге. Экземпляр из

DISCOURS

[illegible]

[illegible]

L'ASSEMBLÉE

EXTRAORDINAIRE ET PUBLIQUE

DE

L'ACADÉMIE ROYALE

DES

SCIENCES ET BELLES-LETTRES

DE PRUSSE,

[illegible]

DE SA MAJESTE

LA REINE DOUAIRIERE

DE SUEDE;

[illegible]

A BERLIN,

[illegible]

[illegible]

N 34. Титульный лист.

личной библиотеки короля Фридриха Великого. В конволюте «Miscelanea», allig. 8. (Собр. МК РГБ, N20969-51.)

Речь, произнесенная в чрезвычайном публичном собрании Прусской Королевской академии наук и изящной словесности, в присутствии ее величества вдовствующей королевы шведской; в понедельник 27 января 1772 года. [О пользе наук и искусства в государстве]. Берлин, у Христиана Фридриха Фосса, 1772.

Эта речь, произнесенная Фридрихом Великим 27 января 1772 года в присутствии шведской королевы Ульрики (родной сестры нашего короля), явилась очередным полемическим творением и на этот раз была написана против известного сочинения Ж.-Ж. Руссо «Восстановление наук и художеств способствовало ли к исправлению нравов?», написанного энциклопедистом в 1750 году в качестве ответа Дижонской академии и впоследствии напечатанного ([Rousseau J.-J.] Discours qui a remporté le prix a l'academie de Dijon. En l'année 1750. Sur cette question proposée par la même académie: si le rétablissement des sciences & des arts a contribué à épurer les moeurs. Par un citoyen de Genève. Geneve, s.a. [1750 ou 1751]). Это мнение Руссо получило общеевропейскую известность, и даже на русском языке в XVIII веке было напечатано отдельными изданиями трижды.

Речь Фридриха, в свою очередь, также является одной из лучших, и получила немало восхищенных отзывов. Шведская королева, возвратившись в свое отечество, лично прочитала ее в Стокгольме на заседании Шведской академии наук, после чего выдержки из этого сочинения печатались в европейских газетах.

После того как речь была напечатана в Берлине отдельным изданием, Фридрих 1 марта 1772 года послал ее Вольтеру, получив в ответ восторженные строки философа: «Когда бы господа Формей, Премонваль, Туссен, Мерьян мне говорили:

это мы составили речь о пользе наук и искусств в государстве, я на то ответил бы: господа, я не верю ни единому вашему слову, я обнаруживаю на каждой страницу руку гораздо лучшего мастера, чем вы».* Здесь Вольтер говорит об известных ученых, членах Берлинской академии – философе, одном из авторов «Энциклопедии» и непременном секретаре Иоганне Генрихе Самуэле Формее (1711–1797), математике Андре-Пьере Премонвале (1716–1764), адвокате и одном из авторов «Энциклопедии» Франсуа-Винсенте Туссене (1715–1772) и философе Жане-Бернарде Мерьяне (1723–1807); так что это сравнение было для короля очень лестно.

*24 марта 1772. Oeuvres, XXIII. P. 213

Д'Аламбер, в свою очередь, тоже почтил короля медоточивыми строками: «Я уже прочитал эту превосходную речь в одной голландской литературной газете, и я восхитился <...> той силой, с которой Ваше Величество поражает <...> этих мастеров ошибок, продавшихся чтобы отуплять человеческий род».**

**16 мая 1772. Oeuvres, XIV. P. 565

35.

[Friedrich II]. Briefe von der hand des Meisters. Francfurt und Leipzig, 1772.— 12-o (15,7x9,8).— [4], 156 с. На титульном листе наборная виньета, в тексте –наборные заставки и концовки. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В золоченом картонаже 2-й половины XIX века. (Экз. ОХ РГБ, N и 9309 — 51 <Химки>.)

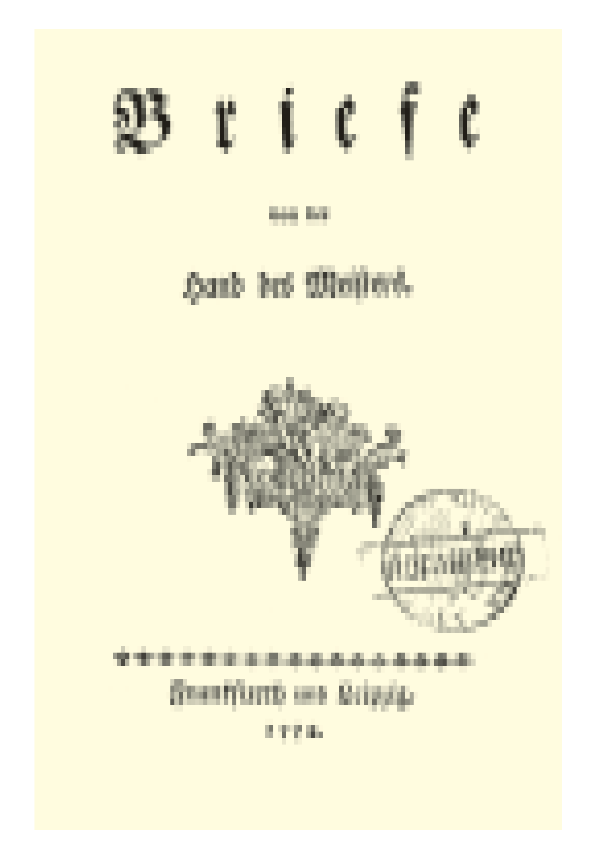
Этот сборник содержит письма и распоряжения Фридриха Великого по военной части, вышедшие из-под его пера в 1759 и 1760 годы. Большая, да и наиболее интересная часть книги (страницы 1-125),— это публикация шестидесяти писем короля к своему генералу Фуке, датированных 3 апреля—26 октября 1759 года. Далее в книге напечатаны несколько отрывков из писем самого генерала к Фридриху, выдержка из

письма короля к маркизу д'Аржансу от 27 августа 1760 года, королевская инструкция генералам (Бреслау, 16 марта 1759 года), а также еще несколько подобных документов.

Напечатанные послания Фридриха к генералу Фуке писались королем в один из наиболее трагических моментов его царствования. Шла Семилетняя война, и 23 июля 1759 года под Кайем, а затем 12 августа под Кунерсдорфом армия прусского короля потерпела полное поражение от русской и австрийской армии. Прусские войска состояли из трех частей — армии под командованием Фридриха Великого, армии, ведомой его братом принцем Генрихом, а также армии под руководством генерала Фуке — адресата печатаемых писем.

Барон Генрих Август Деламот-Фуке родился в Гааге в 1698 году в дворянской семье. Рано оставшись без отца, он в 1706 году вступил в военную службу. В 1715 году принимал участие в прусском походе в Померанию, в том же году получил лейтенантский чин. В 1723 году назначен штабс-капитаном; именно к этому времени относится его знакомство с кронпринцем Фридрихом – будущим королем Фридрихом Великим. В 1729 году Фуке стал капитаном и ротным командиром. Во время заключения кронпринца в замке Кюстрин Фуке помогал ему и с тех пор стал одним из ближайших друзей короля. Близость с опальным наследником не принесла Фуке ничего, кроме неприятностей по службе, и в январе 1739 году он вышел в отставку. Поскольку Фуке обладал военными способностями, то через полгода он уже был подполковников датской армии.

Фридрих, став прусским королем, призвал своего друга в прусскую армию. Он стал командиром полка, расквартированного в Потсдаме. В 1745 году он пожалован генерал-майором, в 1751 — генерал-лейтенантом и тогда же получил прусский орден Черного орла. Фуке с успехом участвовал

Briefe

Hand des Meisters

N 35. Титульный лист.

во всех операциях прусской армии и 1 марта 1759 года был пожалован генералом от инфантерии.

23 июня 1760 года при проигранном пруссаками сражении с австрийской армией генерала Лаудона у города Ландшут Фуке был тяжело ранен, пленен и привезен в Вену. После окончания Семилетней войны он вернулся в Пруссию и был назначен губернатором графства Глац, но из-за болезней не мог нормально исполнять свои обязанности, вышел в отставку и перебрался поближе к Фридриху, который постоянно навещал старого друга. Король называл генерала Фуке «одним из самых смелых и умных офицеров». Скончался Фуке в Бранденбурге 28 апреля 1774 года.

36.

[Friedrich II]. Essai sur les formes de gouvernement, et sur les devoirs des souverains. A Berlin, chez G.-J. Deceer <sic!>, Imprimeur du Roi, 1777, -in 8-o (17,7x11,8). – 44 с. На титульном листе наборная виньета. На с. [3] наборная заставка и инициал, на с. 44 – наборная концовка. Отпечатано на плотной бумаге. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В золоченом картонаже 2-й половины XIX века. (Экз. ОХ РГБ, N и 57188-56.) Экземпляр из дворца Фридриха Великого в Потсдаме.

«Опыт о родах правлений и должностях государей» – именно так было переведено заглавие этого сочинения короля в русском издании 1790 года. Это сочинение Фридриха, где он излагает свои мысли об устройстве государства и об управлении оным, было написано королем для себя и напечатано в очень малом числе экземпляров (в разных источниках указываются цифры шесть, восемь и двенадцать). Король усердно берег это сочинение от посторонних глаз, подобно первому тому «Oeuvres du philosophe de Sans Sousi»

ESSAI

SUR

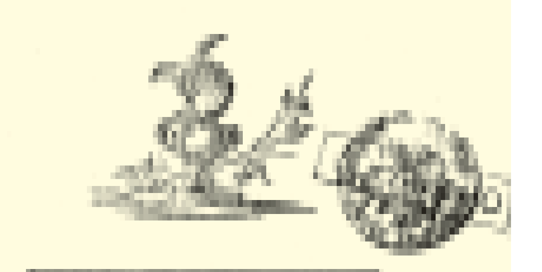
LES FORMES

DE GOUVERNEMENT,

ET SUR

LES DEVOIRS

DES SOUVERAINS.

A BERLIN,

chez G. J. DECKER, Imprimeur du Roi.

1777.

N 36. Титульный лист.

1750 года, где был напечатан «Palladion». Удивительно, но притом, что сохранились лишь единичные экземпляры этой книги, даже среди них существуют варианты, которые некоторые стали именовать первым и вторым изданием. Ввиду того, что сравнить их никогда не представлялось возможным, а в переписке Фридриха указывается лишь произведение, о котором идет речь, то сложилась путаница, разобраться в которой крайне затруднительно.

Мы постараемся изложить свою точку зрения.

Очерк был написан королем летом 1777 года и в августе месяце был напечатан придворным типографом Декером.[*] 13 августа король писал Вольтеру: «Швейцарцы понуждают благоразумно реформировать свои законы, если они слишком строги; у нас это уже сделано. Я также размышлял об этом для моего собственного руководства, даже занимался некоторой безделицей, связанной с правлением, которую сразу по моем возвращении вышлю вам под секретною печатью».[**] 5 сентября Фридрих послал Вольтеру один экземпляр книги со следующими словами: «Я напечатал шесть экземпляров своих мечтаний, один посылаю Вам. У меня было время только сделать набросок».[***]

Экземпляр для д'Аламбера король не доверил почте, как обычно, а передал с нарочным через барона Ф. М. Гримма, ехавшего из Берлина в Париж, сопроводив послание следующими строками: «Пользуясь оказией, посылаю Вам с господином Гриммом очень маленький Опыт о родах правлений. Я напечатал его в восьми экземплярах и подвергаю его Вашей цензуре».[****] Получив книгу, д'Аламбер отвечал королю 27 ноября 1777 года: «Господин Гримм вручил мне пакет, который Ваше Величество изволили послать мне. Я с жадностью прочел превосходно написанное его содержимое».[*****]

Один экземпляр король поднес своей сестре принцессе Амалии, которая сделала на своем экземпляре следующую

[*] Oeuvres, IX. P. XVII

[**] Oeuvres, XXIII. P. 405

[***] Ibidem. P. 407

[****] Без даты. Oeuvres, XXV. P. 97

[*****] Ibidem. P. 101

надпись: «Это сочинение короля; получено от него 14 октября 1777».[*] Примерно в то же время Фридрих послал еще один экземпляр своему младшему брату принцу Генриху Прусскому, который 9 ноября 1777 года поблагодарил короля за подарок.[**]

Уже позднее, в январе 1781 года, он подарил еще один экземпляр государственному министру Эвальду Фридриху фон Герцбергу со следующими словами: «Вот некоторые рассуждения о родах правлений, которые я тебе поверяю. Они печатаны в моем доме; они сделаны не для публики и должны остаться в твоих руках».[***] В ответ Герцберг писал королю: «Сия превосходная книжка никогда не выйдет из моих рук, как то милостиво повелеть соизволили, хотя и заслуживает быть ручною книжкою для всех правителей, и не преминет быть некогда таковою».[****]

Также король оставил один экземпляр у себя: в него Фридрих вклеил листы бумаги, на которых написал свои исправления к уже напечатанной книге и даже добавил несколько абзацев. Этот экземпляр, обладающий ценностью авторской рукописи, был перепечатан в шестом томе Oeuvres posthumes (Berlin, 1788). После издания посмертного собрания экземпляр был передан в Konigliche Haus Archiv, где и сохранялся долгое время.[*****]

Здесь мы перечислили шесть экземпляров «Опыта». Ныне известно о местонахождении только двух: экземпляра, посланного Вольтеру – он сохраняется среди книг его библиотеки в РНБ[******]; еще один экземпляр имеется в Национальной библиотеке в Париже*******, возможно, это экземпляр из библиотеки д'Аламбера. Также можно предположить, что Фридрих подарил один экземпляр Ф. М. Гримму (король передавал ему некоторые свои сочинения, в т. ч. «О немецкой литературе» в 1781 году, причем он послал эту книгу Гримму через д'Аламбера).********

[*] Droysen I. S. 16

[**] Oeuvres, XXVI. P. 397

[***] Оставшиеся творения Т. 6. Спб, 1790. С. 47

[****] Там же

[*****] Droysen I. S. 16

[******] Библиотека Вольтера, N 1395

[*******] шифр Tobiac — Rez-de-jardin — magazin R-35349

[********] Oeuvres. T. XXV. P. 172

Все выглядело бы безупречно, если бы не наличие еще одного экземпляра. Дело в том, что все описанные выше сохранившиеся экземпляры насчитывают по 42 страницы. Такой был послан Вольтеру, такой был подарен принцессе Амалии, такой хранится в Париже, такой сохранялся у самого короля...

Еще в 1904 году Ганс Дройзен отметил существование ранее неведомого экземпляра, где число страниц было не 42, как везде, а 44; причем это не просто наличие какого-то дополнительного листа – это иное издание, с исправлениями и дополнениями и, как следует из большего числа страниц, несколько большего объема (именно в таком виде оно было напечатано в Oeuvres Posthumes). Раньше этот экземпляр сохранялся в Konigliche Haus-Bibliothek, в той ее части, которая находилась в потсдамском дворце; теперь этот экземпляр находится в общем фонде РГБ.

Второго экземпляра до сих пор найдено не было. Однако в королевских архивах нашелся счет, который, по-видимому, относится к этому второму изданию: «По приказу Вашего Королевского Величества напечатано 12 экземпляров одного сочинения в 3 листа; всего за печать, бумагу и переплет 30 талеров. Берлин, 2 ноября 1777. Г. И. Декер».* Хотя здесь не сказано о названии сочинения, в это время вряд ли речь могла идти о другой книге, объем в три листа также совпадает (это максимум 48 страниц).

*Droysen I. S. 16

Тогда где же остальные одиннадцать или хотя бы второй экземпляр этого издания? Неизвестно ни единого; но есть одна немаловажная деталь: в этом втором издании имеется явная ошибка в выходных данных – фамилия печатника вместо Decker напечатана как Deceer. Может быть, это и есть причина того, что издание, за исключением одного или нескольких экземпляров, не вышло от издателя, а было уничтожено? Это вполне возможно, тем более что книга печаталась не для распространения, потому как основные адресаты творений короля уже получили первое издание. По

Переплет конволюта «Miscellanea».

крайней мере, нам трудно по-иному объяснить эту несообразность.

Таким образом, Фридрих в августе 1777 года повелел своему придворному типографу Декеру напечатать восемь экземпляров «Опыта» (поскольку Фридрих говорит то шесть, то восемь, нам кажется, что если учесть приведенные выше сведения об экземплярах, более реальна вторая цифра), а затем, внеся исправления, в октябре того же года распорядился оттиснуть еще одно издание тиражом в двенадцать экземпляров, которые, за исключением одного, не сохранились.

37.

[Friedrich II]. De la litterature allemande; des defauts qu'on peut lui reprocher; quelles en sont les causes; et par quels moyens on peut les corriger. A Berlin, chez G. J. Decker, Imprimeur du Roi. 1780. in-8. (15,5x9,4) – 80 с. На титульном листе наборная виньета и гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В золоченом картонаже 2-й половины XIX века. (Экз. ОХ РГБ, N и 46499 – 64.)

«О немецкой литературе; о недостатках, в которых можно ее упрекнуть; об их причинах; и о путях их исправления». Это сочинение, одно из последних творений Философа Сан-Суси, есть дань короля своим галломанским вкусам, которые пленили его еще в юности. Субъективные и заведомо пристрастные оценки короля легко объясняют его отношение к начавшей расцветать в последние годы его жизни немецкой словесности. Король ее не знал, совершенно не участвовал в ее взращивании, но все же с воодушевлением, как высокий покровитель, желал ей всяческого процветания.

Удивительно, но король, при всех своих литературных амбициях, составил собственное представление о греческих и римских авторах и о литературе Возрождения в основном при посредстве французских переводов. Немецкую литерату-

DE

LA LITTERATURE

ALLEMANDE;

DES DEFAUTS

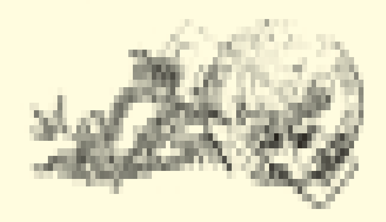
qu'on peut lui reprocher;

QUELLES EN SONT LES CAUSES;

ET

PAR QUELS MOYENS ON PEUT

LES CORRIGER.

A BERLIN,

chez G. J. Decker, Imprimeur du Roi.

1780.

N 37. Титульный лист.

ру, особенно средневековую немецкую поэзию, он не принимал, если не сказать, относился с презрением; да и вообще слово «литература» применительно к немецкому языку вызывало у короля недоумение, потому как он считал, что еще не появились классические писатели, способные дать его родному языку свет и блеск, но очень верил в то, что немецкая литература уже начинает вставать на ноги.

Примерно такими соображениями и наполнена эта работа короля. Напечатана она была в декабре 1780 года придворным печатником короля Декером. Все вопросы, связанные с изданием этого сочинения, легли на барона Дьедонна Тьебо, который пишет об этом в своих воспоминаниях.[i]

Сразу по выходу книги – 6 января 1781 года – король послал экземпляр д'Аламберу: «Я посылаю Вам маленькую брошюру, которая нацелена на то, чтобы отметить недостатки немецкой литературы и таким образом дать ей средство совершенствоваться».[*] 9 февраля 1781 года король получил в ответ следующие строки: «Только что я получил превосходное сочинение о немецкой литературе, которое Ваше Величество изволили мне послать. <...> Согласно распоряжению Вашего Величества я безотлагательно послал господину Гримму предназначенный ему экземпляр».[**]

[*] Oeuvres. T.XXV. P. 171

[**] Ibidem. P. 172

Восторженным был отзыв барона Фридриха Мельхиора Гримма: «Господин д'Аламбер вручил мне текст, написанный современным Марком Аврелием о литературе своего отечества, и я принял этот королевский дар с глубочайшим уважением и искренней признательностью. Марк Аврелий Фридрих имеет общее с Марком Аврелием Антонином: тот пренебрегал латынью и потому писал на греческом языке, а другой вместо своего языка принял слог Расина и Вольтера».[***]

[***] 19 марта 1781 года. Oeuvres. T. XXV. P. 175

Однако в своих отзывах и Гримм, и д'Аламбер указывали королю на явные ошибки: Фридрих Великий, поскольку читал античных классиков исключительно во французских переводах, пишет, например, что Эпиктет и Марк Аврелий

[i] Thiébault D. Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin, ou Frédéric le Grand, sa famille, sa cour, son gouvernement... Paris, an XII [1804]. T. I. P. 96.

Ueber

[illegible]

deutsche Litteratur,

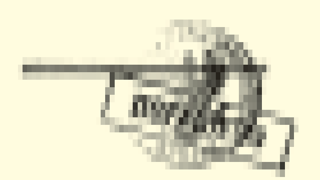
die Mängel

[illegible]

die Ursachen derselben

[illegible]

die Mittel sie zu verbessern.

[illegible]

Berlin,

[illegible]

[illegible]

N 38. Титульный лист.

писали на латыни, тогда как они писали на греческом (Фридрих вообще предпочитал переводы, а латыни и вовсе не знал); аналогичных фактических несообразностей в этом сочинении достаточно.

Вполне естественно, что подобное обхождение с немецкой литературой, вкупе с присутствовавшими в работе отзвуками безграмотности, не могли оставить такое сочинение без ответа. Если прочие работы короля находили отзвук в основном за границами его владений, то впервые немцы были опорочены собственным государем. Уже после смерти короля с опровержениями и критикой на это сочинение выступил государственный министр граф Эвальд Фридрих фон Герцберг, который издал небольшую работу «Histoire de la dissertation sur la littérature allemande. publiée a Berlin en 1780. A Neuchatel. De l'imprimerie de la société typographique. 1787».[i] Кроме того, в то время был издан еще ряд сочинений, которые опровергают точку зрения короля[ii], в числе которых выступил философ Иоганн Вильгельм Иерузалем (1709–1789); возражения последнего были изданы в русском переводе в 1783 году: «Иерузалемово творение о немецком языке и учености, возражающее сочинение его величества короля прусскаго о немецких словесных науках и их недостатках СПб, 1783».

В начале 1781 года в Берлине появился немецкий перевод сочинения короля. Этим Фридрих пытался донести свою точку зрения не только до энциклопедистов, но и до публики своего отечества (о реакции мы писали выше). Этот перевод на немецкий выполнил Кристиан Конрад Вильгельм фон Дом (1751-1820) – известный прусский дипломат, историк и переводчик, получивший известность также как журналист – он совместно с Генрихом Бойе издавал в 1766-1788 годах в Лейпциге журнал Deutsches Museum.

38.

[Friedrich II]. Ueber die deutsche Litteratur, die Mangel die man ihr vorwerfen kann: die Ursachen derselben und die Mittel

[i] См. статью Г. Дройзена об этом: Droysen H. Histoire de la dissertation: Sur la litterature allemande publiee a Berlin en 1780. Ein Beitrag zur Charakteristik des Staatsministers Gr. von Hertzberg. / Wissenschaftliche Beilage zum Jahresbericht

RECUEIL
DE PASSAGES PROPRES
A FORMER
L'ESPRIT, LE GOUT ET LE COEUR
DE LA JEUNESSE
TIRÉS
DES OEUVRES
DU PHILOSOPHE
DE SANS-SOUCI

A BERLIN,
CHEZ HAUDE et SPENER,

N 39. Титульный лист.

sie zu verbessern. Aus dem Franzosischen ubersetzt. [By C. K. W. von Dohm.] Berlin, gedruckt ben G. Iac. Decker, Konigl. Hof Buchdr. 1780. -8-o, (18,1x11,1).— 62 с. На с. 3 наборная заставка, на с. 62 – концовка. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». В золоченом картонаже 2-й половины XIX века. (Экз. ОХ РГБ, N и 30437 - 50 <Химки>.)

В завершение данного раздела мы помещаем описание сборника, который был подготовлен известным ученым и членом многих академий, в том числе Петербургской академии наук,— Антоном-Фридрихом Бюшингом (1724-1793). Сборник составлен из произведений короля и носит явный нравоучительный характер. Составитель указан в подписи к посвящению, на 10 странице.

39.

[Friedrich II]. Recueil de passages propres a former l'esprit, le gout et le coeur de la jeunesse tires des oeuvres du philosophe de Sans-Souci. <Содерж.: Abrege de l'histiore de la maison de Brandenbourg. De la religion de Brandenbourg. De l'education de la jeunesse, comme un des objets les plus importans d'un bon gouvernement. De l'utilite des sciences et des arts dans un etat. Reflexions et maximes philosophiques et politiques. L'amour - propre envisage comme principe de morale. Pensees morales>. A Berlin, chez Haude et Spener, 1772.— 168 с. -in 8-o, 17,8x10,1. С наборной виньетой на титульном листе, наборными заставками и концовками в тексте, заставкой и инициалом на с. 13. Экземпляр в «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Собр. МК РГБ, N90334-49.)

des Konigstadtischen Gymnasiums zu Berlin. Ostern 1908. Berlin, 1908.

[ii] Список их приводит Иоганн Прейсс, см.: Preuss I. S. 344–348.

V
Издания короля

Начнем этот раздел с королевских извлечений из знаменитого «Исторического и критического словаря» Бейля.

Пьер Бейль (1647-1706) был влиятельнейшим французским мыслителем и философско-богословским критиком XVII столетия. Он родился в Карлате (Лангедок), будучи сыном пастора, получил под его руководством домашнее образование, затем серьезно занялся изучением Монтеня. В 21 год он стал в Тулузе изучать философию в иезуитской коллегии, после чего сменил протестантизм на католичество, однако вскоре вернулся обратно в лоно Реформации. Жил в Женеве, Руане, Париже, а с 1675 года – в Седане. Затем был приглашен в Роттердам, где возглавил кафедру философии. Им было

издано несколько книг по вопросам религии, большая часть которых была сожжена во Франции, принеся автору еще большую известность. После того, как Бейль был в 1693 году навсегда отрешен от должности с запретом преподавать, он в течение четырех лет, по четырнадцать часов в день, писал давно задуманный «Dictionnaire historique et critique», который и вышел в Роттердаме в 1697 году в двух томах (четырех книгах) и насчитывал без малого три тысячи страниц форматом in-folio. Словарь почти сразу был запрещен во Франции и был включен Папой в Индекс запрещенных книг, а сам Бейль вынужден был держать жесточайшую оборону от обвинявших его в пособничестве безбожникам, что и свело его в могилу 26 декабря 1706 года.

Бейль своими произведениями встал во главе новых диалектиков и скептиков и был борцом против церковного догматизма. Он одновременно боролся против теологической схоластики и против философской умеренной религии, что, собственно говоря, и в нем самом не находило должного примирения. Словарь Бейля, особенно примечания к основному тексту, – остроумные, полные огня и вполне доступные для рядового читателя, наряду с богатством наполняющего их знания, завладели французскими умами. Именно этот «Словарь» оказался источником французского скептицизма, ставшего исходной точкой французского Просвещения. Словарь Бейля был, по сути, предвестником «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, по крайней мере, он со времени роттердамского издания многократно перепечатывался.

После первого издания (2 t. in 4 vol, Rotterdam, R. Leers, 1697) последовало второе, почти вдвое увеличенное, в трех томах (Rotterdam, R. Leers, 1702), два третьих – трехтомное (Rotterdam [Geneve], 1715) и четырехтомное (Rotterdam, M. Bohm, 1720), четвертое четырехтомное (Amsterdam-Leiden, P. Brunel, 1730), без обозначения издания в пяти томах (Amsterdam, Compagnie des libraires, 1734) и два пятых издания – четырех-

томные базельское (Basle, J. Brandmuller, 1738) и амстердамское (Amsterdam, Leide, La Haye, Utrecht; P. Brunel etc., 1740). Все эти издания имели формат in-folio, путаница же в изданиях происходит потому, что некоторые из них были самостийными и просто перепечатывались с предыдущих. Также вышло несколько переводов «Словаря» на другие европейские языки.

Вполне естественно, что столь знаменитое сочинение было чтением для всей Европы; известно, что даже Екатерина Великая почтила своим вниманием «Словарь». Конечно, не обошел его и Фридрих Великий. Король при чтении «Словаря» приблизительно с 1750 года начал делать некоторые выписки, особенно интересуясь местами, касающимися философии. Вообще король чрезвычайно ценил труды Бейля и еще с молодых лет называл его «учителем здравого смысла». Маркиз Джироламо Луккезини упоминает в своих записях, что, еще живя в Рейнсберге, в бытность кронпринцем, Фридрих прочитал все произведения («tutte le opere») Бейля.*

Самое время упомянуть о некоторой прихоти прусского короля, которая в случае с издаваемыми им книгами играет немаловажную роль. Дело в том, что имеющиеся у короля издания «Словаря» были формата in-folio, тогда как король совершенно терпеть не мог книги большого размера. Именно этот каприз заставил короля предпринять карманные издания произведений Бейля.**

В 1764 году король решил уже усердно взяться за выдержки из словаря Бейля. 22 апреля он пишет своему брату принцу Генриху: «Я занят в настоящее время тем, что готовлю печатное Извлечение из Словаря, которое будет включать в себя только философскую часть сего труда»***; и пять дней спустя ему же: «Я действительно доволен тем, что Вы одобрили мою идею сделать издание философских мест Бейля».**** Еще более подробно король писал 9 октября 1764 года к герцогине Луизе Доротее Саксен-Готской: «Я делаю извле-

*15 июня 1780. Lucchesini. S. 23–24

**см.: Bogeng G. Die grossen bibliophilen. Bd.1. Leipzig. 1922. S. 270

***Oeuvres XXVI. P. 300

****Ibidem. P. 301

чение из всех философских статей Бейля, что составит отдельное издание в восьмую долю, насчитывающее пять или шесть томов; оно будет закончено к будущей весне, и, если Вы соблаговолите, я поднесу Вам экземпляр».[*]

В октябре 1764 года уже было готово предисловие к «Извлечению», которое король послал при своем письме д'Аламберу.[**] 3 ноября предисловие с замечаниями было выслано королю: «Я внес туда небольшие изменения, которые предлагаю вниманию Вашего Величества. Изменения эти ограничиваются добавлением половины строки, заменой нескольких слов и другими исправлениями в крайне незначительном количестве».[***] В ответ король послал слова признательности: «Я с большим удовольствием приемлю Ваши замечания и изменения, которые Вы предложили для моего предисловия. Я исправлю все неверные места и проясню мои мысли там, где они недостаточно ясные».[****]

Если д'Аламбер знал о подготовке издания и, как мы видим, помогал королю, то Вольтер уже не привлекался королем для своих литературных занятий, поскольку нанесенная им королю рана еще кровоточила. Неизвестно, сам ли король послал экземпляр или Вольтер раздобыл его иным способом (тираж был невелик, см. ниже), но так или иначе он до сих пор сохраняется в его библиотеке.[*****]

25 ноября 1766 года – уже после выхода первого издания книги – король пишет Вольтеру: «Это Извлечение из Словаря Бейля принадлежит мне. Я занимался им в то время, когда занимался делами: в издании это ощущается. К настоящему времени готовится новое издание».[******] Всего «Извлечение» при жизни короля вышло тремя изданиями – в 1766, 1767 и 1780 годах.

Нам кажется, что «Извлечение», как, впрочем, и некоторые другие литературные труды короля, являет собой попытку померяться силами с Вольтером. Дело в том, что этот труд философа на троне, несомненно, является отголоском

*Oeuvres XXVIII. P. 247

**Oeuvres XXIV. P. 387

***Ibidem. P. 390

****Без числа. Ibidem. P. 390

*****Библиотека Вольтера. N 293

******Oeuvres, XXIII. P. 93

литературно-философских бесед при дворе Фридриха в 1751-1753 годах, когда в них принимал участие и Вольтер. Эти беседы стали особенно известны благодаря мемуарам последнего, и, судя по всему, были весьма содержательны и остроумны. И именно результатом этих бесед стало то, что и Фридрих, и Вольтер задумали каждый по собственному произведению: король в начале 1750-х годов стал делать выписки из «Словаря» Бейля, а у Вольтера зародился план знаменитого «Философского словаря», первые статьи которого он в 1752-1753 годах передавал на прочтение Фридриху.

До времени оба автора поумерили свои желания, но в 1764 году, когда в Женеве анонимно выходит первое издание «Карманного Философского словаря» ([Voltaire]. Dictionnaire philosophique, portatif. A Lonrdes [Geneve], 1764. In 8-o), идеи Фридриха неожиданно вдруг тоже оживают: он стремительно начинает делать выписки, и, по сути, основной объем книги и предисловие к концу 1764 года оказываются вчерне оконченными. Особенно короля подстегивала обширная полемика, возникшая вокруг выхода вольтеровского словаря (в Париже и Берне словарь был приговорен к сожжению), и Фридрих старался как можно скорее выдать «свой».

Здесь скажем, что по непонятным нам причинам Антуан Барбье ошибочно указывает*, что «Извлечение» написано королем совместно с маркизом д'Аржансом; это утверждение он относит к изданиям 1767 и 1780 годов, поскольку о существовании первого издания 1765 года он не знал.

*Barbier, II. Col. 401

Остается последний вопрос: каким изданием «Словаря» Бейля пользовался Фридрих Великий при подготовке «Извлечения». Иоганн Прейсс пишет, что король, по-видимому, руководствовался вторым роттердамским изданием 1702 года.** Однако это предположение бранденбургского историографа оказалось возможным опровергнуть: в собрании РГБ сохраняется экземпляр пятого издания «Словаря» (Bayle P. Dictionaire

**Oeuvres XXIII. P. 97

historique et critique. Cinquiéme édition, revue, corrigée, et augmentée... Avec la vie de l'auteur par Des Maizeaux. T. I – IV. Amsterdam e.a., 1740. Инв. МК XVIII- 12928 - 12931), который происходит из собственной библиотеки короля Фридриха Великого; он переплетен в типичные для личной библиотеки короля «придворные» переплеты красного сафьяна с золотыми обрезами.

Экземпляр очень хорошей сохранности, но явно читанный. Всякие отметки и маргиналии отсутствуют (Фридрих вообще очень бережно относился к книгам, но главная причина кроется в том, что король почти не читал сам, а пользовался услугами чтецов, состоявших в его придворном штате). Единственное, что осталось в этом экземпляре от королевских упражнений – это одна чудом не выброшенная закладка во втором томе, которая напоминает о необходимости списать три примечания к статье о Гиппархии (сестре Метрокла из Маронеи) – на ней королевский чтец написал: «Pages 768 et 769. / art.<icle> Hypparchia / Not.<es> (C). (D). (E).», причем имя Гиппархии написано с ошибкой (правильно Hipparchia).

Кроме того, во дворце Сан-Суси сохранялся еще один экземпляр «Словаря», также снабженный подобными закладками, но в четвертом четырехтомном издании 1730 года.[*] Таким образом, король, находясь в любом из своих дворцов, мог работать с разными экземплярами, не возя их с собой, – поскольку также известно, что король имел еще экземпляр четвертого издания в Потсдамском дворце, и по одному экземпляру пятого издания во дворцах в Бреслау и Шарлоттенбурге.[**]

[*] Krieger. S. 179

[**] Ibidem

Конечно, бережное отношение короля к книгам вызывает уважение, однако больший энтузиазм в нас вызвали бы королевские маргиналии, которые могли бы дать портрет Фридриха-читателя (как, собственно, ныне мы имеем возможность судить о Вольтере).

EXTRAIT

DICTIONAIRE

HISTORIQUE ET CRITIQUE

BAYLE,

N 40. Титульный лист I тома.

40.

[**Bayle P.**] Extrait du dictionaire historique et critique de Bayle, devise en deux volumes avec une preface. A Berlin, chez Chretien Frederic Voss. 1765. T. [1] - 2. - 8-o (20,5x12,5). Тома в «придворных» переплетах красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотыми обрезами. В тексте – гравированные на дереве заставки, концовки и инициалы. На титульных листах гербовые штемпели черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin».

[Tome I].— [2с портр.], [2], VI, 291, [1 пуст.] с. Портрет - гравюра на меди И. Д. Шлейена (18,2x10,5; справа внизу подпись: «Gravé par Schleuen»; на постаменте под портретом надпись: «Tel fut l'illustre Bayle, honneur des beaux esprits, / Dont l'elegante plume, en recherches fertile, / Fait douter, qui des deux l'emporte en ses Escrits, / De l'agreable ou de l'utile»)На титульном листе – гравированная на дереве виньета. (4,7x6,1см.; слева внизу: V. f.; справа внизу: I. W. M. [eil?] inv). На с. [I] - VI - [Friedrich II]. Avant - propos. (Экз. ОХ РГБ, N И 16309 – 72.)

Tome II.— [2], 413, [1 пуст] с. На титульном листе гравированная виньета. Внизу с. 314 данные о типографии: «À Berlin, Imprimè chez George Louïs Winter». (Экз. ОХ РГБ, N И 16310 — 72.)

Это, первое издание «Извлечения из исторического и критического словаря Бейля», состоящее из двух томов с предисловием, было отпечатано к началу мая 1765 года. Оно является очень редким, в отличие от издания 1767 года (Nouvelle édition augumentée. À Berlin, chez Chrétien Frédéric Voss. 1767. T. [1]-2. -8-o), а особенно 1780 (Nouvelle édition augumentée. T. I - II. A Amsterdam, 1780. -8-o).

Тираж книги, по-видимому, составлял 24 экземпляра, по крайней мере, имеется расписка придворного печатника Христиана Фридриха Фосса от 8 мая 1765 года, где он получает 60 талеров за поставку ко двору 24 экземпляров «Извлечения»

N 40. Фронтиспис.

*Droysen I. S. 10

**Krieger. S. 130

***Droysen I. S. 10

из Бейля – по два с половиной талера за экземпляр, то есть 60 талеров.* Это издание имеет характер пробного, после чего уже большим тиражом было напечатано исправленное издание 1767 года. Всего в дворцовых библиотеках короля сохранялось 4 экземпляра первого издания, 3 экземпляра второго и один экземпляр третьего.**

Второе издание 1767 года, исправленное и дополненное королем, вышло довольно большим тиражом – по видимому, не менее шестисот экземпляров, причем печаталось оно одновременно с двухтомным Флери (о нем речь пойдет ниже), и в счет этого большого королевского заказа печатнику Фоссу 24 января 1766 года было выплачено 800 талеров.*** В РГБ имеется лишь экземпляр из собрания Румянцевского музея, и мы сразу переходим к третьему изданию.

41.

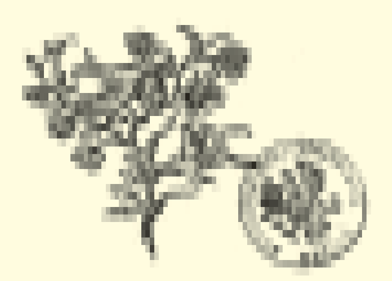
[**Bayle P.**] Extrait du dictionnaire historique et critique de Bayle. Devisé en deux Volumes avec une Préface. Nouvelle édition augumentée. T. I (из двух, второй отсутствует). A Amsterdam, 1780. -8-о (21,1х12,5.) На титульном листе гравированная на дереве виньета.

Tome I.— XI, [1], 363, [1]с. На с. [1] - Avis du libraire. На с. [I] - VI - [Friedrich II]. Avant - propos. Экземпляр в красном полукожаном «придворном» переплете 2-й пол. XIX века с золотым тиснением на корешке. Цветной обрез под мрамор. (19,8х12,1см). На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Экз. ОХ РГБ, N и30526 – 53.)

Издание 1780 года еще более массовое, нежели 1767 года, и, скорее всего, является контрафактной перепечаткой с исправленного издания 1767 года. Отпечатанное в Амстердаме,

EXTRAIT
DU
DICTIONNAIRE
HISTORIQUE ET CRITIQUE
DE
BAYLE

TOME PREMIER.

NOUVELLE EDITION AUGMENTÉE.

N 41. Титульный лист.

оно сохраняется во многих библиотеках. В РГБ имеется только первый том, который происходит из прусского королевского собрания.

Удивительно, но в связи с именем Фридриха Великого никто не упоминал еще об одном издании Бейля, которое Фридрих предпринял в последние годы жизни. Единственный, кто доносит до нас сведения о нем – это чтец короля Шарль Данталь, который, говоря о расположенности короля к изданиям карманного формата, пишет, что “это подвигло короля к тому, чтобы выпустить карманное издание “Логики” и “Метафизики” Бейля” По той же причине он повелел сделать выдержки из “Словаря” Бейля и “Истории церкви” Флери».* По-видимому, именно эту книгу Данталь читал вслух для короля в декабре 1785 года, тогда как не подозревавшие о существовании этого издания исследователи полагали, что Данталь читал королю описанное выше «Извлечение».

*Dantal Ch. Les Délassemens littéraires, ou Heures de lecture de Frédéric II. Elbing, 1791. P. 47

42.

Bayle P. Système de philosophie, contenant la logique et la métaphysique: par Mr. Pierre Bayle. Imprimé par ordre du Roi. A Berlin, Chez Samuel Pitra, Libraire du Roi. 1785. In-12o. – 17,4x9,9. – VI, 296 с. На последней странице внизу: Berlin, de l'Imprimerie de G. J. Decker, Imprimeur du Roi. На титульном листе наборная виньета. Экземпляр sur grand papier, отпечатан на плотной бумаге верже. В полукожаном коричневом переплете середины XIX века с углами и золотым тиснением на корешке. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». На втором форзаце печатная наклейка: «F. W. II.» и карандашная инвентарная помета «F. II. (I.d.) 374». Экземпляр отличной сохранности, происходит из личной библиотеки короля Фридриха Вильгельма II. (Собр. ОХ РГБ <Химки>, N И 701-51.)

SYSTÈME

DE

PHILOSOPHIE,

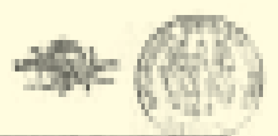
LA LOGIQUE

ET

LA MÉTAPHYSIQUE.

PAR

Mr. PIERRE BAYLE.

A BERLIN,

N 42. Титульный лист.

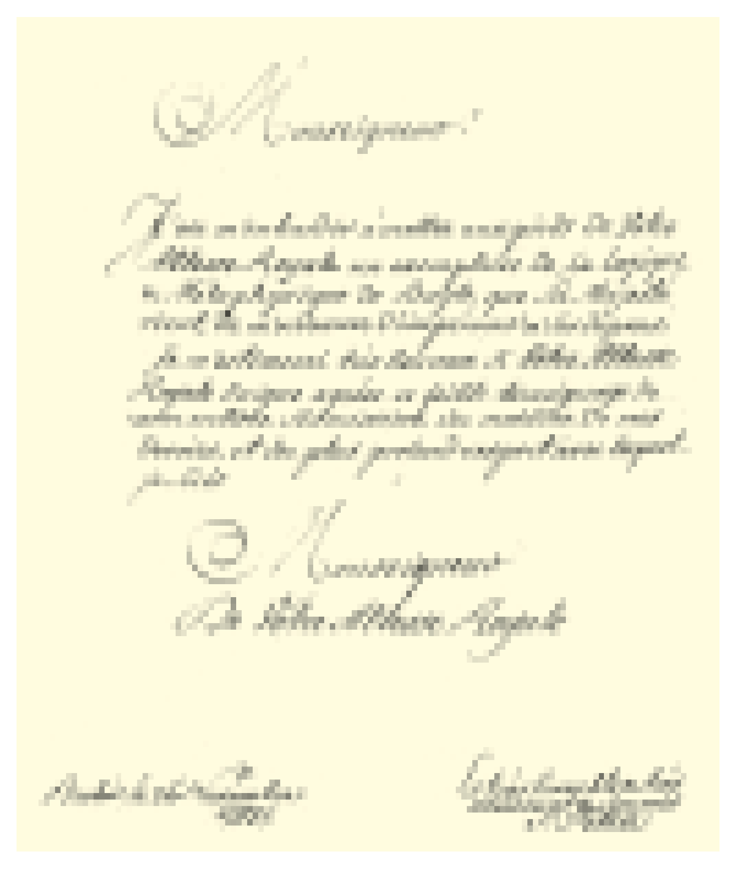
В этом издании на с. 1-14 помещен вводный «Discours preleminaire. Ce que c’est la Philosophie», на с. 15-148 – «La Logique», а на с. 149-296 «Abrege de la Methaphisique».

Во владельческих признаках имеется путаница: карандашная помета характерна для книг библиотеки Фридриха Великого. В то же время, имеющаяся на экземпляре более поздняя наклейка, расшифровывающаяся не иначе как «Friedrich Wilhelm II», свидетельствует о том, что этот экземпляр происходит из библиотеки его племянника – наследного принца и будущего прусского короля Фридриха Вильгельма II (1744-1797). Это может объясняться тем, что в 1890 годах хранитель королевских библиотек Богдан Кригер разыскал среди книг Фридриха Вильгельма II (они тогда находились в Шарлоттенбурге) 260 томов, принадлежавших Фридриху Великому; скорее всего, он по ошибке отнес к книгам Фридриха Великого и этот экземпляр.

Описываемый экземпляр был поднесен наследному принцу Фридриху Вильгельму Прусскому издателем Самуэлем Питрой. Тому свидетельство неизвестное письмо издателя к наследному принцу от 26 ноября 1785 года на французском языке, которое вложено в экземпляр РГБ и чудом сохранилось там до сих пор. Оно подтверждает слова Ш. Данталя, что именно по воле Фридриха Великого была напечатана эта книга. Вот его перевод:

Милостивый Государь!

Имею дерзновение поднести к стопам Вашего Королевского Высочества экземпляр «Логики и Метафизики» Бейля, который Его Величество только что приказали мне напечатать на его собственный счет. Почту за великое счастие, если Ваше Королевское Высочество соблаговолит принять с благосклонностью сие истинное свидетельство моей преданности,

N 42. Письмо С. Питры.

самого малого свидетельства моей признательности и глубочайшего уважения, с коими и пребываю

Милостивый Государь,

Вашего Королевского Высочества

Покорнейший, преданнейший и смиреннейший

С. Питра

Берлин, 26 ноября 1785.

Следующее сочинение, о котором мы хотим рассказать,— выдержки из церковной истории кардинала Флери.

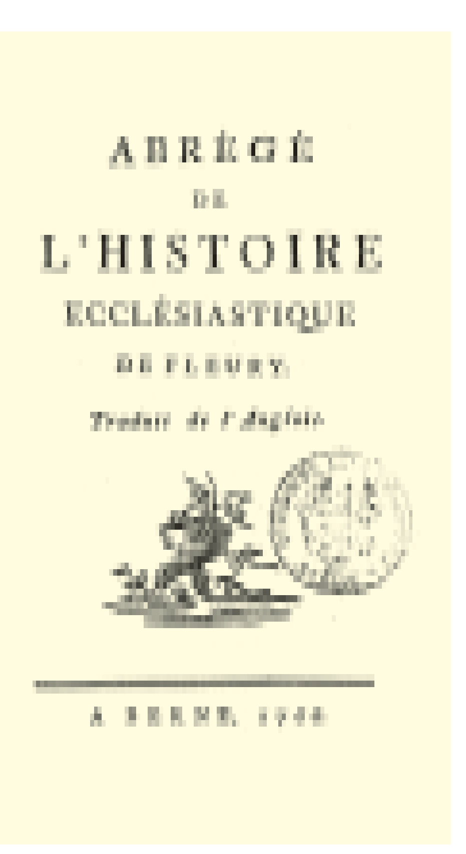
43.

Abrégé de l'Histoire ecclésiastique de Fleury. Traduit de l'Anglois. [P. I-] II. A Berne [Berlin, Voss], 1766.— in12-o – 16,2x10. Вторая часть издана без титульного листа. Издание в действительности отпечатано в Берлине у печатника Фосса. Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого, в двух «придворных» переплетах красного сафьяна с золотоиснеными рамками на крышках и золотым обрезом, превосходной сохранности. (Собр. МК РГБ. Инв. XVIII-11196, 11197).

[Premiere partie]. -[2 с. – портрет Флери], 38, 308 с. На титульном листе наборная виньета. На с. 3 первой пагинации и на с. 3 второй – наборные заставки (разные). Портрет – гравюра на меди, без подписей гравера; под портретом подпись: «Claude Fleury». На с. 3-38 первой пагинации – Avant-propos [принадлежит перу Фридриха II].

Seconde partie.— 343, [1 пуст] с.

«Краткий курс церковной истории Флери. Переведено с английского». Как следует из заглавия, это сочинение имеет своей основой «Церковную историю», написанную кардиналом Андре-Эркюлем де Флери (1653–1743) — министром короля Людовика XV, который с 1726 года руководил государственными делами Франции.

ABRÉGÉ
DE
L'HISTOIRE
ECCLÉSIASTIQUE
DE FLEURY,
Traduit de l'Anglois.

A BERNE, 1766.

N 43. Титульный лист.

Вообще Фридрих избирал для своих литературных штудий совсем не рядовые труды – будь то сочинения Макиавелли или Бейля. «Церковная история» Флери также является одним из самых монументальных исторических сочинений первой половины XVIII столетия. Она охватывает период от начала Церкви – 33 года – до 1595 года и насчитывает тридцать семь томов, из которых аббатом Флери были написаны первые двадцать (хронологически они охватывают время от начала до 1414 года), продолжение же написано Жаном-Клодом Фабром и Клодом Пьером Гуже. Четырехтомный указатель к «Истории», изданный в 1758 году в Париже, был составлен Лораном Этьенном Ронде.

Достоверно известно, что Фридрих наиболее усердно читал «Церковную историю» Флери в 1762 году, во время осады Швейдница; об этом он сообщал маркизу д'Аржансу[*] и Генриху Катте, которому король также написал шесть стихотворных фрагментов по поводу истории Флери – «Six Epitres en vers sur l'histoire ecclesiastique».[**] Однако вполне естественно, что чтение тридцати шести томов должны были занять у короля значительное время.

[*] Oeuvres XIX. P. 410

[**] Oeuvres XIV. P. 136

Интерес короля к «Церковной истории» является вполне объяснимым, тем более что Фридрих был знаком с Флери лично (ему приходилось вести переговоры с кардиналом в связи с французским участием в войне за Австрийское наследство). И вполне естественно, что и так постоянно враждовавший с римским престолом Фридрих Великий направил на этот раз свое перо против жестоких преследований, которому со стороны католического духовенства подвергались инакомыслящие.

Сам кардинал Флери уже сталкивался с критическими произведениями короля: он был без ума от «Анти-Макиавелли», по крайней мере, он наполнил своими восторгами одно из писем Вольтеру, о котором последний упоминает в своих мемуарах.

«Краткий курс церковной истории» Флери состоял из хронологии церковных событий (собственно, почерпнутых из труда аббата Флери) и острого предисловия; издан он был в мае 1766 года. Произведение это является не совсем обыкновенным в контексте литературных творений Фридриха: оно необычно прогрессивно и тем снискало множество похвал от друзей короля, да и просто от читателей. Естественно, что антикатолическая направленность и присущая трудам короля язвительность подписали книге смертный приговор: вскоре после публикации книга была публично сожжена в Берне, а 1 марта 1770 года папа Климент XIV включил ее в «Индекс запрещенных книг».

Весьма продолжительное время король пытался сохранить анонимность, хотя и Вольтер, и д'Аламбер предполагали, кто был истинным автором. В их переписке по поводу этого развернулась даже некоторая игра. Д'Аламбер пишет королю 11 июля 1766 года: «Я не знаю, имею ли честь говорить Вашему Величеству о хронологическом курсе церковной истории, напечатанном в Берне <...> Этот труд очень поучителен, а главным образом предисловие прочтения достойно, оно выдает руку мастера, по праву заслуживающего благодарности».[*] На что король отвечал 26 числа: «Вы мне говорите о хронологическом курсе церковной истории, которого я не знаю. Я редко читаю предисловия»[**].

[*] Oeuvres XXIV. P. 406

[**] Ibidem. P. 407

Примерно то же Вольтеру: «Вы подозреваете меня в авторстве краткого курса церковной истории и предисловия. Это неправдоподобно».[***] Еще долго король не сознавался, однако, пообещал Вольтеру найти в Берлине и выслать ему экземпляр книги. Король это сделал только в феврале 1767 года: «Я доволен, что претерпевшая столько невзгод книга нашлась здесь для Вас, как Вы и желали. Бедный аббат Флери».[****] Прочитав книгу, Вольтер писал: «Я знаю довольно правителей, рассуждающих подобно Вам, но где тот, который смог бы написать предисловие этой церковной истории?

[***] Июль 1766. Oeuvres XXIII. P. 100

[****] 20 февраля 1767 Oeuvres XXIII. P. 123

Где тот, кто силен душою и взглядом, которого достаточно для того, чтобы осмелиться видеть и говорить, превосходно руководя без подлой помощи секты».* Экземпляр Вольтера до сих пор сохраняется среди книг его библиотеки в РНБ.**

*5 апреля 1767. Ibidem. P.131

**Библиотека Вольтера. N 1388

Вообще Вольтер был крайне воодушевлен такой книгой, да еще и изданной королем, поскольку борьба философа в 1760-х годах со зверствами французской католической церкви стала известна всей просвещенной Европе. Инспирированные Вольтером апелляционные процессы по делам Каласа, Сирвена и Лабарра еще раз напомнили, что средневековые пытки и казни отнюдь не ушли в прошлое. Скорее всего, именно сражения Вольтера сподвигли Фридриха заняться изданием (или написанием) этой книги.

Структура книги выстроена в хронологическом порядке, где после означения года рассказывается о произошедших главнейших событиях. Кроме того, в дополнение к такому перечню, к каждому столетию составлена специальная таблица, необыкновенно интересная: она заключает в себе четыре столбца, в коих поименованы римские папы, еретики, писатели и монархи (Papes; Antipapes & Heretiques; Ecrivains; Princes contemporains). В тексте сочинения мы встречаем упоминания Паскаля и Спинозы, а под 1633 годом мы можем узнать об осуждении Галилея.

Быть может, некоторых упоминание Галилея и прочих насторожит, как насторожило и нас, хотя никто не обращал на это раньше никакого внимания. Дело в том, что, как мы и писали выше, «Церковная история» оканчивается описанием событий 1595 года, тогда как творение Фридриха описывает события вплоть до 1700 года включительно. То есть король, решив не обращать на то внимания читателей, почерпнул еще сто пять лет церковной истории из других источников. Несомненно, что для написания хронологии XVII столетия он воспользовался книгой Филиппа Макье, вышед-

шей до того момента тремя изданиями (Abregé chronologique de l'histoire ecclésiastique, contenant l'histoire des Eglises d'Orient & d'Occident; les conciles généraux & particuliers; les auteurs ecclésiastiques; les schismes, les herésies, les institutions des ordres monastiques, &c. Tome second. Depuis l'an 1201 de l'Ére chrétienne jusqu'a l'année 1700. A Paris, 1751; 2 ed. – Paris, 1752; Nouvelle ed. – Paris, 1757). Повествование Макье заканчивается именно 1700 годом, а продолжение (третий том) был им написан лишь к 1768 году, когда труд Фридриха уже вышел в свет.

Причем Фридрих почерпнул у Макье не только события XVII столетия, но и практически полностью заимствовал из этого сочинения структуру построения для своей книги: то же расположение дат (в отличие от выносных дат Флери, размещавшихся на полях), а особенно это видно по сводным вековым таблицам. Как мы уже говорили выше, у Фридриха они состоят из четырех столбцов: «Papes; Antipapes & Heretiques; Ecrivains; Princes contemporains»; тогда как у Макье мы видим следующее: «Papes & Patriarches; Antipapes & Heretiques; Princes contemporains; Savans & Illustres». То есть король просто немного изменил названия, не тронув сути. (Наше мнение дополнительно подтверждается тем, что издание Макье 1757 года имелось в библиотеке Нового дворца в Сан-Суси.)*

*См. Krieger. S. 135

Филипп Макье, кстати, писал свою церковную хронологию на основании нескольких источников, основным из которых также является «Церковная История» аббата Флери, о чем Макье и пишет в предисловии. Что касается Фридриха, то, по-видимому, он решил не ссылаться на Макье, тем более что ему он был обязан структурой своего сочинения.

Стоит подробнее остановиться на том факте, что большая часть похвал отнесена королевскими корреспондентами к предисловию, необыкновенно сильному (Вольтер называет его «violent»). Конечно, оно заключает в себе суть и цель издания этой книги и наиболее интересно, но есть и еще одно обстоятельство. Дело в том, что некоторые источники

не дают нам достаточных оснований однозначно судить об авторстве основной части книги.

И хотя произведение полностью также приписывается многими перу короля (хотя, по сути, оно представляет собой лишь подобранные и скомпонованные выдержки), это отнюдь не аксиома. Может быть, именно этими обстоятельствами вызвана такая странная переписка короля с философами. Дело в том, что несколько источников в один голос говорят о том, что основная часть книги написана не королем, а аббатом Прадом.

Аббат Жан-Мартен де Прад (1720-1782) является одной из заметных фигур эпохи Просвещения. Он был одним из авторов и сотрудников знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера, ко всему прочему, будучи их другом. В 1752 году вышел второй том «Энциклопедии», где, кроме прочего, была напечатана статья Прада «Достоверность», за которую Прад сильно пострадал: в этой статье была обнаружена скрытая проповедь сенсуализма и антихристианства. В результате папа Бенедикт XIV обратился к королю Людовику XV, и второй том «Энциклопедии» запрещен. Ко всему прочему, при активном участии парижского архиепископа была пересмотрена и аннулирована его недавно защищенная в Сорбонне диссертация по теологии. Аббат был вынужден бежать в Голландию, а затем с помощью Вольтера был принят Фридрихом Великим, который предоставил Праду пансион и звание королевского чтеца. Вскоре Прад был избран членом Берлинской королевской академии. Но долго такие теплые отношения аббата с королем продолжаться не могли: в 1757 году Прад впал в немилость и даже был ненадолго заключен в магдебургскую тюрьму. После этого аббат переехал в город Глогау в Силезии, где был до конца жизни: сначала каноником, а затем архидиаконом.

HISTOIRE
ECCLESIASTIQUE
Par M. FLEURY,

TOME PREMIER.

A BRUXELLES,

Церковная история кардинала Флери.
Титульный лист I тома.

Вольтер, бывший в дружеских отношениях с Прадом, считал автором основного текста именно его (об этом он пишет в письме маркизу Филиппу Шарлю Франсуа Виллевейллю (Villevieille) 18 июля 1766 года, посылая второе издание книги Фридриха[*], также об этом говорит аббат Карло Денина в «Литературной Пруссии при Фридрихе II».[**] Столь авторитетных мнений оказалось вполне достаточно, чтобы в более поздних библиографиях, начиная с Барбье[***], устоялась именно эта точка зрения.

[*] Oeuvres completes de Voltaire. T. LIX. [A Kehl], 1785. P. 404–405

[**] Denina 1791. P. 267

[***] Barbier, I. Col. 25

Таким образом, бесспорным творением Фридриха в данном издании является только «Предисловие», что ни сколько не умаляет прекрасного слога и огня, вложенного королем в этот небольшой текст.

Теперь затронем вопрос, который мы уже рассматривали при описании словаря Бейля – какой печатный оригинал «Церковной истории» послужил источником вдохновения для короля. В то время существовало несколько изданий «Истории», лучшим из которых является парижское издание в четвертую долю листа (Histoire ecclésiastique, par M. Fleury... Tome I [-XX]; Histoire ecclésiastique, pour servir de continuation à celle de M. l’abbé Fleury [par le P. J.-C. Fabre et Goujet]... Tome XXI [-XXXVI]. Paris, 1719–1738, In-4o). Однако были еще несколько изданий в двенадцатую долю (которая являла собой излюбленный формат Фридриха). Именно такой экземпляр король и держал у себя в библиотеке: Histoire ecclésiastique, par M. Fleury... Tome I [-XX]; Histoire ecclésiastique, pour servir de continuation à celle de M. l’abbé Fleury [par le P. J.-C. Fabre et Goujet]... Tome XXI [-XXXVI]. Bruxelles, E. H. Fricx, 1716-1740, In-12o. (Хронологически тома выходили не по порядку.) Этот комплект брюссельского издания переплетен в красные «придворные» сафьянные переплеты с золотыми обрезами, в превосходной сохранности, и находится ныне также в собрании МК РГБ (Инв. МК XVIII- 11873 и т.д.) В нем

отсутствуют всякие пометы, но имеется характерная для книг личной библиотеки короля особенность – для памяти оставляются не маргиналии, а загибаются верхние уголки страниц (почти всегда отмеченные таким образом места в «Церковной истории» имеются и в кратком изложении в труде короля). Этот комплект сохранялся в королевском дворце в Бреслау и включен в описание королевских библиотек.*

*Krieger. S. 154

Описываемое издание краткого курса церковной истории 1766 года является крайне редким. Отпечатано оно было в Берлине у типографа Фосса, очевидно, в малом числе экземпляров. Именно это обстоятельство побудило Фридриха предпринять в следующем, 1767 году, новое издание книги. Оно было немного поправлено и печаталось уже в расчете на массового читателя, и тираж его был значительным. Во всех дворцовых библиотеках короля (кроме Шарлоттенбурга) в 1914 году еще сохранялись в общей сложности восемь экземпляров первого издания этого сочинения, причем во дворце в Бреслау было два разных экземпляра — на простой и на особой бумаге.**

**Krieger. S. 130

Как это ни удивительно, но в РГБ нет издания 1767 года, как нет его и в других крупнейших библиотеках России, тогда как в европейских собраниях оно имеется во многих экземплярах.

Что же касается издания 1766 года, то еще один экземпляр хранится в библиотеке Вольтера в РНБ.*** Другой, виденный нами экземпляр двухтомника находится в собрании ВГБИЛ, в обычном полукожаном переплете того времени, из старых поступлений.****

***Библиотека Вольтера, N 1388

****Инв. 9677

Кроме описанного двухтомника в РГБ хранятся еще два экземпляра первого тома, полностью идентичные по набору, отпечатанные на особой бумаге; они имеют вдвое большую толщину (3,3 см), нежели обычный экземпляр. Еще одной

странной их особенностью является и то, что на корешках этих первых частей отсутствует цифра «1» (на титульном листе об этом не говорится изначально). То есть, по какой-то неведомой нам причине, эта часть, которая охватывает события первых одиннадцати веков истории Церкви, имеет характер самостоятельного издания. Или же король умышленно желал придать ей законченный вид.

44.

Abrégé de l'Histoire ecclésiastique de Fleury. Traduit de l'Anglois. [P. I] A Berne [Berlin, Voss], 1766.— in12-o -15,3x9,8. -[2 с. – портрет Флери], 38, 308 с.

Экземпляр из личной библиотеки короля Фридриха Великого, в «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. На верхней крышке – литерный суперэкслибрис библиотеки Фридриха Великого – ***B*** [Berlin Schloss]. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek». Экземпляр отличной сохранности, хотя некогда был подмочен по корешку. (Собр. МК РГБ, инв. МК XVIII-11220.)

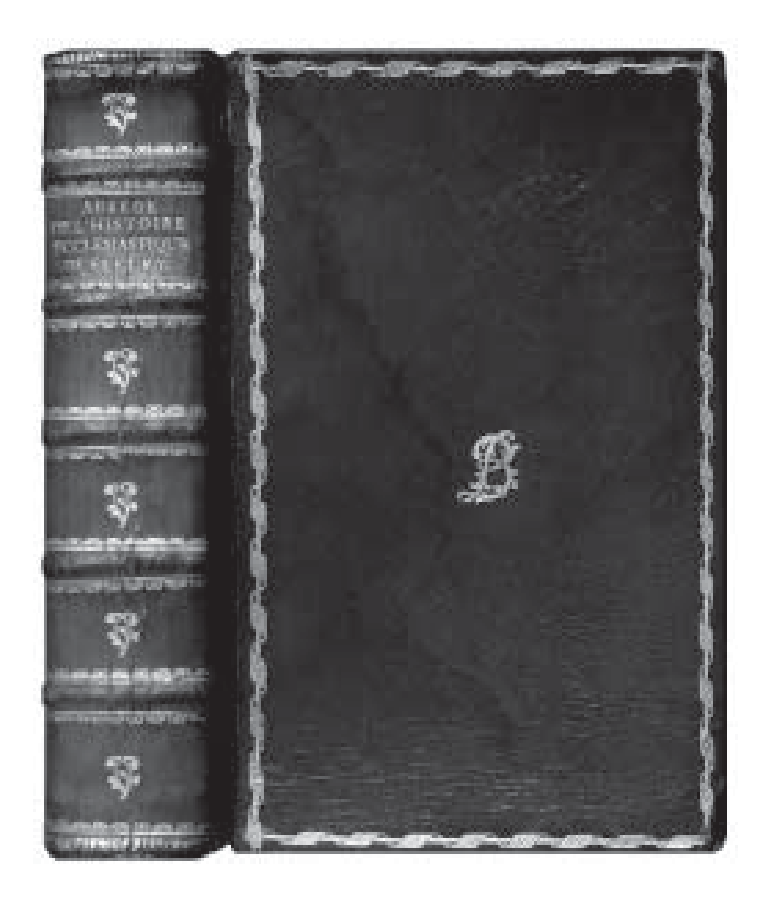
45.

Полностью идентичный экземпляр, вплоть до следов влаги со стороны корешка, с той лишь разницей, что здесь глаза кардинала Флери на портрете замараны чернилами. (Собр. МК РГБ, инв. МК XVIII-11221).

Следующее издание, напечатанное королем, посвящено военному искусству.

46.

[**Friedrich II**]. Extrait tire des commentaires du chevalier Folard sur l'histoire de Polybe, pour l'usage d'un officier; avec

N 44. Переплет.

les plans et les figures necessaires pour l'intelligence de cet abrege. S.l. [Berlin]. 1753. -172, [4]с., с илл. -18 листов гравированных планов работы И. Д. Шлейена (J.D. Schleuen; 7 л. + 11 разворотов).— In 4-о.— 22,7x17,5. На титульном листе наборная заставка, на с. 172 – наборная концовка. Экземпляр в светло-коричневом переплете veau (в аналогичные также частично были переплетены книги из придворной библиотеки), с золотым тиснением на крышках и корешке. Обрез окрашен под мрамор, синий. Отпечатано на плотной тряпичной бумаге верже (толщина блока 2,1см). На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». Экземпляр отличной сохранности, с карандашными пометами, характерными для Потсдамской библиотеки. (Собр. МК РГБ, N 91130-49.)

Очевидно, издание было отпечатано в двух вариантах – grand papier & petit papier, отличающихся по формату. Описанный экземпляр – in petit papier.

Король Фридрих II получил имя «Великий» прежде всего за свои выдающиеся военные победы, что же касается его интереса к военному искусству – то он, уже, будучи кронпринцем, мечтал о славном военном будущем для себя и своего королевства. Именно качествами Фридриха-полководца объясняется появление на свет этой книги. «Выдержка из комментариев шевалье Фолара к истории Полибия» была сделана самим королем и предназначалась, прежде всего, для высшего офицерского состава прусской армии.

Полибий (ок.201 – ок. 120 до Р.Х.) был выдающимся греческим историком, написавшим «Историю» в сорока книгах (полностью сохранились пять), в которой немалая роль уделяется и военному искусству, причем с очень профессиональной точки зрения. Это происходит, прежде всего, потому, что сам Полибий был крупным военачальником – гиппархом (начальником конницы) войск Ахейского союза. После победы рим-

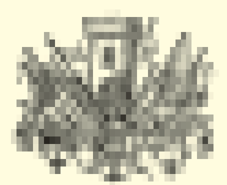
EXTRAIT

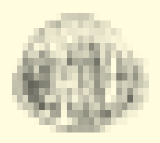
DES COMMENTAIRES

DU CHEVALIER FOLARD

L'HISTOIRE DE POLYBE,

POUR L'USAGE D'UN OFFICIER,

N 46. Титульный лист.

лян при Пидне он был в составе тысячи знатнейших ахейцев отправлен заложником в Рим, где прожил шестнадцать лет и сблизился там со знаменитыми римскими полководцами Павлом Эмилием и Сципионом Африканским Младшим.

Именно военными аспектами «Истории» Полибия заинтересовался в начале XVIII века французский офицер Жан Шарль Фолар (1669–1752) — историк военной стратегии и тактики.

Среди большого количества его сочинений первенствующее место занимает составленный им «Комментарий к Полибию», в котором «из старой и новой истории собраны были примеры со счастливыми и несчастливыми исходами». Первое издание вышло в шести томах в 4° в Париже в 1727–1730 годах (Histoire de Polybe, nouvellement traduite du Grec par Dom V. Thuillier ... Avec un commentaire ou un corps de science militaire enrichi de notes, où toutes les grandes parties de la guerre... par M. de Folard. T. I-VI. A Paris, 1727–1730), затем было полностью повторено в Амстердаме (Ibidem. T. I-VI. Amstardam, 1729–1730).

Нам неизвестно, когда король заинтересовался этими «Комментариями» и когда он впервые обратился к этому изданию Полибия, но Дройзен* пишет, что сам Фолар 17 апреля 1750 года передал королю через своего племянника экземпляр сочинений. Однако думается, что при расположенности короля к чтению монументальных исторических сочинений во французских переводах, он должен был ознакомиться с «Историей» Полибия значительно раньше.

*Droysen II. S. 9

Работу над «Извлечением» следует отнести к началу 1750-х годов. Уже закончив это сочинение, король писал 12 февраля 1753 года племяннику принцу Генриху, что он задумал донести весь смысл сочинения Фолара и полагает, что «это может в настоящий момент оказаться полезным для наших военных, жадных до обучения».**

**Oeuvres XXVI. P. 125

Печаталось это сочинение под смотрением придворного типографа Христиана Фридриха Хеннинга в собственной ко-

OEUVRES

D'HORACE,

DE LA

TRADUCTION

DU P. SANADON.

EDITION ROYALE.

N 47. Титульный лист.

ролевской типографии в Берлинском дворце, где ранее печатались «Oeuvres du philisophe de SansSouci».

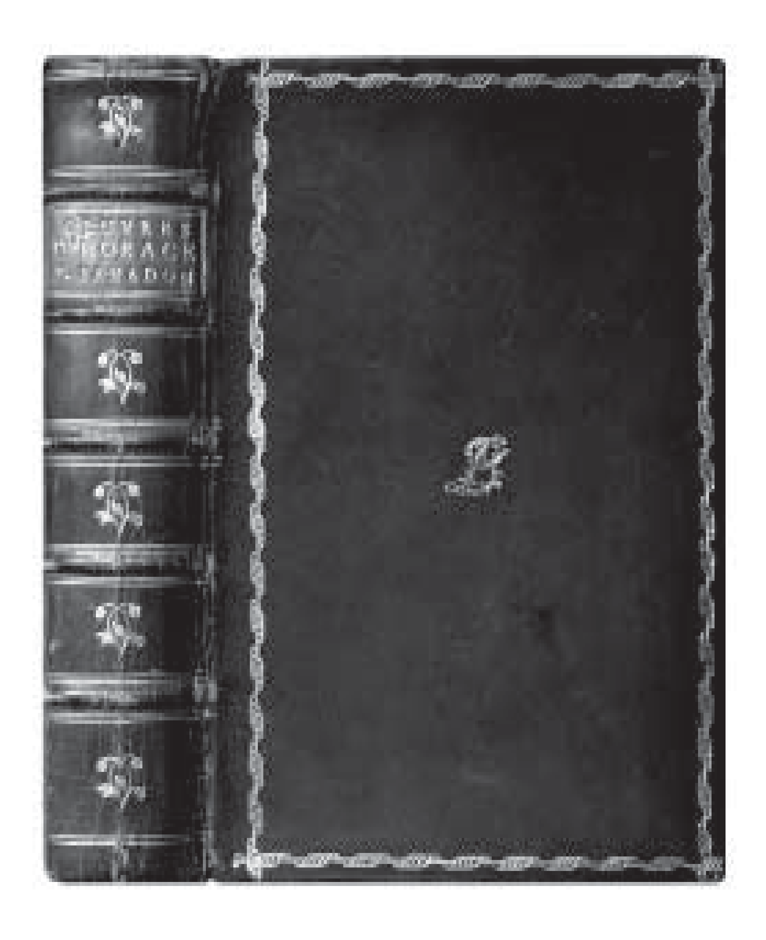
Работа типографии продолжалась с 12 февраля по 7 апреля 1753 года. Иллюстрации, прилагавшиеся к изданию, выполнил гравер Иоганн Давид Шлейен, работавший долгое время при прусском дворе; они были готовы к 18 апреля 1753 года (одиннадцать больших и семь средних). А 16 апреля все экземпляры уже были сброшюрованы в бумагу придворным переплетчиком Крафтом. Тираж этого издания составил 100 экземпляров, а понесенные короной расходы были равны 401 талеру.[i]

Несмотря на довольно значительный для изданий Фридриха Великого тираж, книга эта очень редка, отсутствует и в Британской библиотеке, и в Национальной библиотеке в Париже. Возможно потому, что предназначалась она только для внутреннего употребления в прусской королевской армии – одной из лучших армий в Европе.

Для широкой публики эта книга была издана только в 1760 году, по-видимому, будучи взятой у пруссаков в качестве трофея в одном из боев Семилетней войны (L'Èsprit du Chevalier Folard tirè de ses commentaires sur l'histoire de Polybe pour l'usage d'un officier, de Main de Maitre. S.l. 1760); затем напечатанная вновь в Лейпциге в 1761 (L'Èsprit du Chevalier Folard tirè de ses «Commentaires sur l'histoire de Polybe», pour l'usage d'un officier, de Main de Maitre. Leipsig, 1761) и в том же году в Амстердаме.

Также отметим, что в собрании РГБ имеется одна книга Полибия – Фолара, происходящая из собрания короля Фридриха Великого: Folard J. Ch. Nouvelles découvertes sur la guerre, dans une dissertation sur Polybe, où l'on donne une idèe plus ètendue du commentaire entrepris sur cet auteur, & deux dissertations importantes dètachées du corps de l'ouvrage. Seconde èdition, revue par l'auteur. Brusselle, et se trouve a Paris, 1753. 12o.

[i] Droysen III. S. 90; und Droysen II. S. 9. Стоит упомянуть, что И. Прейсс в 1837 году писал (Preuss I. S. 252), будто тираж составил 110 экземпляров, однако подтверждений этому не имеется.

N 47. Переплет.

Эта книга, вышедшая в конце 1752 или в начале 1753 года, была подготовлена еще самим Фоларом, скончавшимся 23 марта 1752 года. Она переплетена в точно такой же переплет, как и книга самого Фридриха Великого – светлокоричневый veau с золотым тиснением на крышках и корешке; на титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek in Berlin». (Собр. МК РГБ, XVIII-11753.) На втором форзаце имеется карандашная запись, характерная для книг личной библиотеки короля: «F. II. (II.a) 468». В каталоге книг Фридриха, составленном Кригером, книга эта не числится.

Раздел о книгах, изданных Фридрихом Великим, мы продолжим рассказом о предпринятых королем изданиях Горация и Овидия. Удивительно, но двухтомник Овидия вообще не упоминается в связи с именем Фридриха. Поскольку до сих пор не ясно было, где эти книги вообще напечатаны, их невозможно было отнести к какой-либо стране; положение усугубляет еще и их необыкновенная редкость. Впрочем, подобное облако неясностей покрывает почти все издания короля – как его собственных сочинений, так и остальных.

47.

[Horatius Flaccus, Quintus]. Oeuvres d'Horace de la traduction du P. Sanadon. <Les odes - les satyres - les epitres - Art poetique>. Restitutis Omissis. S.l. Edition Royale. 1747. -12-o.— XVIII, 395, [1] с. -17,7х10,9. На титульном листе — заставка — орнаментированный портрет Горация – гравюра резцом, пунктир (5х6,5); внизу посередине подпись: «S. F. fe.» (Simon Fokke fecit). В тексте – наборные заставки, концовки и инициалы. Издание отпечатано тиражом не более 24 экземпляров. Экземпляр в «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого. На верхней

N 48. Переплеты.

крышке — литерный суперэкслибрис библиотеки Берлинского дворца Фридриха Великого – ***B*** [Berlin Schloss]. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek». (Собр. МК РГБ. N90148–49).

Заставка на титульном листе гравирована Симоном Фокке (1712-1786) — немецким гравером и офортистом, учившимся и жившем долгое время в Нидерландах.

Впервые место издания книги (Берлин) и тираж (24 экземпляра) были указаны еще при жизни издателя — в 1771 году в каталоге распродажи знаменитой библиотеки графа Карла Иосифа Кобенцля (1712–1770), составленном Иосифом Эрменсом, в котором интересующая нас книга описана под N 768.[i]

Сведения из этого каталога были затем повторены в справочниках Барбье.[ii] А из этого словаря сведения об издании в свой труд перенес Брюне.[iii] Это же число экземпляров подтверждает каталог Британской библиотеки[iiii], несомненно, заимствуя данные предыдущих источников.

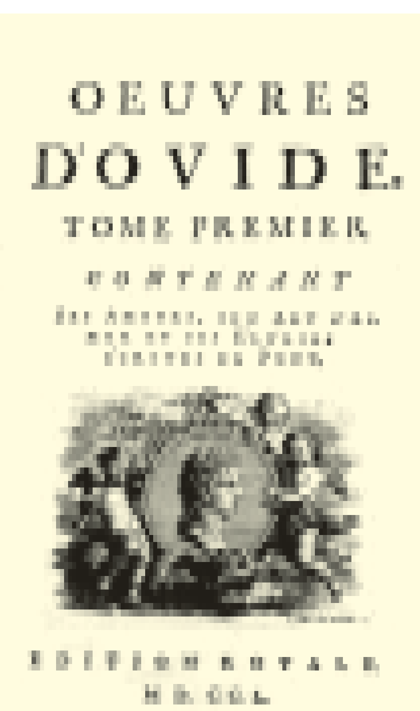
Богдан Кригер в 1914 году перечислил девять экземпляров Горация 1747 года, хранящихся в дворцовых библиотеках Фридриха: один экземпляр во дворце в Бреслау, один в Новом дворце в Сан-Суси, еще два экземпляра в Большом дворце в Сан-Суси (один из них при переплете сильно обрезан), а также пять экземпляров в Потсдамском дворце. Кроме того, экземпляр этой книги из дворца в Потсдаме, имеющий литеру «P» [Potsdam Schloss] на верхней крышке, был описан Иоганном Прейссом еще в 1838 году, тогда он находился в Берлинской Королевской библиотеке[*]; сейчас этот экземпляр находится уже в собрании Британской библиотеки в Лондоне.[**] Что же касается нашего экземпляра, прежде сохранявшегося в Берлинском дворце, то он еще в XIX веке

[*] Preuss II. S. 40

[**] Шифр C.48.d.11.

[i] Catalogue des livres de toutes sortes de facultez et langues de feu S. A. le Cte de Cobenzl,... disposé par ordre de matières et avec quelques notes littéraires, par Jos. Ermens, dont la vente se fera... à Bruxelles... le 10 juin 1771... Bruxelles. S.d.

[ii] Barbier A.-A. Dictionnaire des ouvrages anonymes et pseudonymes composés, traduits ou publiés en français, avec les noms des auteurs, traducteurs et éditeurs T. II. Paris, 1806. P. 509.

OEUVRES

D'OVIDE.

TOME PREMIER,

CONTENANT

N 48. Титульный лист I тома.

был перевезен оттуда в библиотеку последующих Гогенцоллернов (очевидно, Фридриха Вильгельма IV), а потому и не попал в каталог Б. Кригера. Так или иначе, но в настоящее время доподлинно известно местонахождение лишь двух экземпляров – нашего и Британской библиотеки.

48.

[Ovidius Naso, Publius]. Oeuvres d'Ovide. T. I - II. S.l. Edition Royale. 1750. -12-o. В тексте – наборные заставки, концовки и инициалы. Издание отпечатано тиражом не более 12 экземпляров. Тома в «придворных» переплетах красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Отпечатано на плотной тряпичной бумаге верже. Экземпляр в одинаковых «придворных» переплетах красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотыми обрезами, хотя, по-видимому, сборный. Происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого.

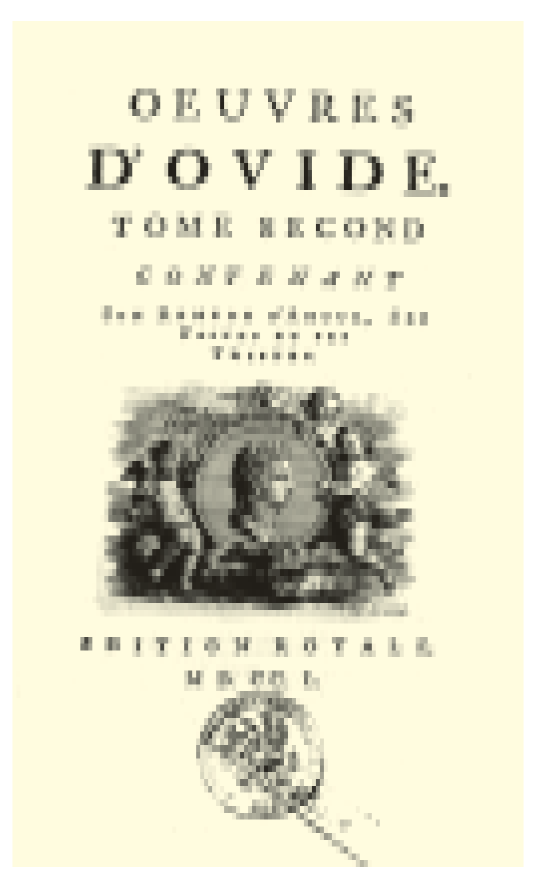
Tome I, Contenant Ses Amours, son Art d'Aimer et ses Elegies escrites du Pont.— VIII, 350 с. На титульном листе заставка – орнаментированный портрет Овидия – гравюра резцом, пунктир (5,7x7,3); внизу справа подпись: «P. Tanje del. et sculp». – 18,4x11,1. (Собр. МК РГБ, N 90677-49.)

Tome II, Contenant Son Remede d'Amour, Ses Fastes et ses Tristes.— [2], 388. На титульном листе заставка – орнаментированный портрет Овидия – гравюра резцом, пунктир (5,7x7,3); внизу справа подпись: «P. Tanje del. et sculp». – 18,7x11,1. На верхней крышке – литерный суперэкслибрис библиотеки Фридриха II Великого – **P** [Potsdam Schloss]. На титульном листе гербовый штемпель черной краской с текстом: «Konigliche Haus-Bibliothek». (Собр. МК РГБ, N90678-49.)

Заставки на титульных листах гравированы Пьером Танже (1706–1761?), который долгое время работал в Амстердаме, где и скончался.

[iii] Brunet J.-Ch. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. T. III. Paris, 1862. Col. 329.

[iiii] The British Library. General catalogue of printed books to 1975. T. 162. P. 363.

OEUVRES
D'OVIDE.
TOME SECOND
CONTENANT

EDITION ROYALE.
M D CC L.

N 48. Титульный лист II тома.

Брюне считает местом издания Гаагу и указывает, что тираж издания составил не более 12 экземпляров.[i] Нам известно еще два экземпляра двухтомника; первый хранится в Национальной библиотеке в Париже*, второй – удивительной сохранности и красоты, из библиотеки ближайшего друга короля и президента Берлинской академии наук – Пьера Луи Мопертюи, с его гербовыми суперэкслибрисами, – был куплен князем Н. Б. Юсуповым еще в конце XVIII столетия и сохраняется поныне в подмосковном Архангельском в составе княжеской библиотеки.** Пользуясь случаем, мы воспроизводим здесь этот суперэкслибрис Мопертюи.

*Шифр RES P–YC– 163

**Музей-усадьба «Архангельское», инв. NN 8323–8324

Поскольку эти издания печатались Фридрихом для себя и своих друзей, то больше всего экземпляров сохранялось в его дворцах (как, собственно, и издания Горация). В 1914 году в

[i] Brunet J.-Ch. Manuel du libraire et de l'amateur de livres. T. IV. Paris, 1863. Col. 281.

дворцовых библиотеках сохранялось четыре полных комплекта (три экземпляра в Новом дворце в Сан-Суси и один в Бреслау), а также один экземпляр первого тома с вензелем «**Р**» в Потсдамском дворце.* Экземпляр собрания РГБ Кригером не был описан, но удивительно, что недостающий второй том из дворца в Потсдаме входит в состав нашего комплекта.

*Krieger. S. 154

Вначале об изданиях вообще.

Вполне очевидно, что эти две книги были напечатаны королем исключительно для собственного удовольствия. Об этом говорит как своеобразный подбор произведений, так и любимый Фридрихом карманный формат.

Мнение, что эти переводы выполнены самим Фридрихом, ошибочно, поскольку король латыни практически не знал. Все более прозаично: здесь напечатаны произведения Горация и Овидия в привычных для короля переводах. В этой связи интересно привести строки из дневника маркиза Джироламо Луккезини, представленного королю в 1779 году, получившего от него ключ камергера и постоянное место за королевскими трапезами в Сан-Суси: «Поскольку он <Фридрих – П.Д.> практически не знает латыни, о красотах Горация он может судить только по переводам. Поэтому он несправедлив ко многим прекрасным одам, потому как их главные достоинства заключены в самом их выражении. «Ars poetica» он не любит, поскольку находит в ней слишком много несвязанных друг с другом вещей. Более всего прочего ему нравятся сатиры».**

**21 июня 1783 года. Lucchesini. S. 27

Так что Фридрих вполне был удовлетворен переводами. В данном случает Гораций напечатан в переводе Ноаля Этьенна Санадона (Sanadon Pere, Noel Etienne 1676–1733), по-видимому, с издания 1728 года (Les Poésies d'Horace, disposées suivant l'ordre chronologique et traduites en françois avec des

remarques et des dissertations critiques par le R. P. Sanadon...T. I-II. Paris, G. Cavelier, 1728).

Что же касается Овидия, то, хотя переводчик в издании не указан, можно с уверенностью сказать, что это переводы Жан-Марена де Кервийяра (Kervillars, Jean-Marin de; 1668-1745), причем почерпнутые из нескольких изданий, поочередно выходивших на протяжении 1723–1742 годов (Les Élégies d'Ovide pendant son exil [Tristes], traduites en franзois Paris, 1723; Les Élégies d'Ovide pendant son exil... Tome second qui contient les Élégies pontiques... Paris, 1726; Les Élégies d'Ovide pendant son exil, traduites en françois par le P. J.-M. de Kervillars,... Nouvelle édition. Paris, 1738; Ovide. Recueil de fables choisies extraites des Fastes... T. III. Paris, 1742).

Основной же спорный вопрос – место издания Горация и Овидия.

Жак-Шарль Брюне, как мы уже сказали выше, считает Горация изданным в Берлине, а Овидия – в Гааге у Жана Нэома. К сожалению, документов по поводу напечатания этих книг нам разыскать не удалось, а потому пришлось действовать через сличение этих изданий.

Этот простой способ дал убедительный и вполне нами ожидаемый результат: и Гораций, и Овидий в Edition royale отпечатаны в одной типографии (и соответственно, в одном городе). Мало того, что они набраны одинаковым шрифтом, – в каждом из этих изданий имеются полностью идентичные элементы оформления: способ обрамления заглавных букв в первых словах разделов, применено множество совершенно одинаковых декоративных элементов оформления (заставки, декоративные разделительные линейки, инициалы, концовки), оба издания отпечатаны с кустодами и идентичными сигнатурами листов и тетрадей. (Приведем примеры: одинаковые инициалы: «I» - Hor.,p. 1; Ovid., t.1.,p.78. «M» - Hor.,p.

MEILLEURES PIÈCES

DESHOULIÈRES

A BERLIN,

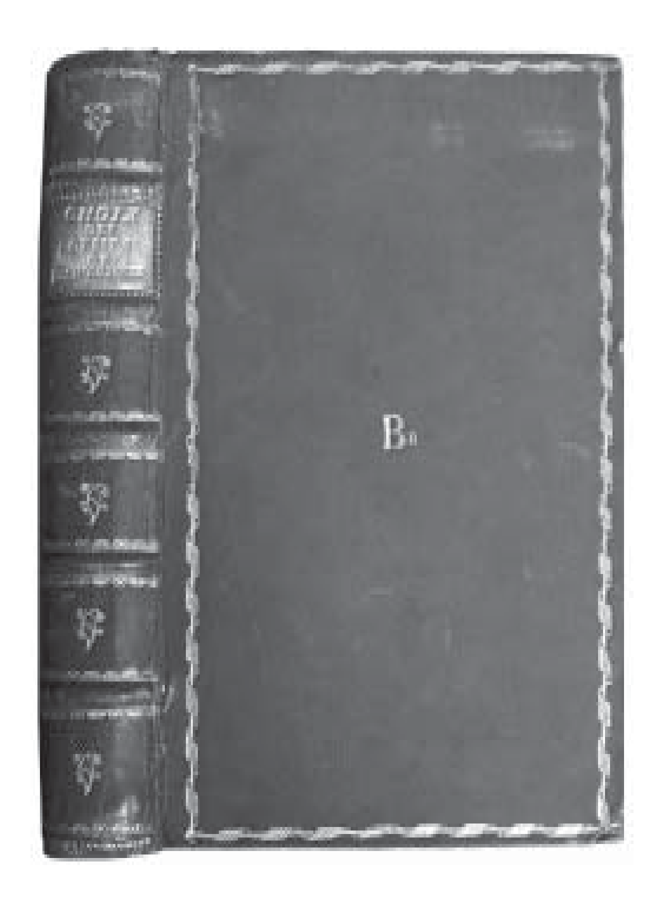
N 49. Титульный лист.

291; Ovid.,t.1, p. 278. «D» - Hor., p. 182; Ovid., t.2,p.99; одинаковые концовки: Hor., p.IX. = Ovid.,t. 2, p.172.; Hor., p.238. = Ovid.,t. 1, p.258. etc.; одинаковые декоративные разделительные линейки: Hor.,p. XIII. = Ovid., t.1, p.42. etc.)

Затем было необходимо сравнить Горация и Овидия с книгами разных близких к Фридриху Великому печатников, чтобы попытаться определить место издания и типографа. Здесь мы можем уже убедительно доказать предположение Брюне (высказанное им, правда, относительно только Овидия), что издателем был Жан Нэом в Гааге. Это вполне наглядно показывает сравнение Овидия и Горация с напечатанной этим издателем книгой Вольтера «Abrege de l'histoire universelle, depuis Charle Magne, jusques a Charle Quint. T.1» (A la Haye. Chez Jean Neaulme. 1753.) При их сличении можно утверждать, что они отпечатаны в одной типографии. Единственное, что отличает edition royale – это особая качественная бумага, применявшаяся почти для всех изданий короля.

Жан Нэом (1694-1780), по-видимому, родился в Утрехте, где его отец Этьенн Нэом имел свою типографию, затем переехал в Гаагу, где с 1725 по 1734 годы работал вместе с Пьером Госсе (на книгах так и стояли две фамилии – Нэома и Госсе), затем работал самостоятельно примерно до 1763 года, имел типографию в Амстердаме. Хотя книги с надписью chez Neaulme встречаются и позднее, примерно до 1783 года, это объясняется тем, что многие ставили его имя на изданных анонимно «в Гааге» сочинениях.

Также Нэом имел в 1744-1749 годах совместное печатное производство с берлинским типографом Этьенном де Бурдо. В 1751 году им была превосходно напечатана книга Фридриха Великого «Memoires pour servir a l'histoire de la maison de Brandenbourg » (A Berlin et a La Haye, Chez J. Neaulme, 1751), где на титульном листе поставлены два города – Берлин и Гаага, однако печаталось издание в Гааге. Также у Нэома

N 49. Переплет.

печатал свои «Mèmoires secrets de la rèpublique des lettres, ou le Thèatre de la vèritè» близкий друг Фридриха маркиз д'Аржанс (T.I-VII. La Haye, 1743-1748; autre ed. Amsterdam, 1744). Этот голландский издатель, обладая совершенной типографией, мог угодить вкусу короля. Сам же король в 1747 году, когда печатался Гораций, собственной типографии еще не имел, а в 1750 году, когда печатался Овидий, королевская типография была занята печатанием «Oeuvres du philisophe de Sans-Souci».

Что касается тиража этих изданий, то он действительно очень мал, поскольку книги эти ныне чрезвычайно редки. И очевидно, приводимые цифры – двенадцать экземпляров Горация и двадцать четыре Овидия – соответствуют истине.

Завершим свой рассказ описанием издания, напечатанного придворным типографом короля Георгом Якобом Декером (1732–1799) в 1777 году. Это «Сборник лучших сочинений мадам Дезульер и аббата Шолье», которые были выбраны и подготовлены к печати Фридрихом Великим.

49.

[Deshoulieres A. de, Chaulieu G. A. de]. Choix des meilleures pieces de Madame Deshouilieres et de l'Abbe de Chaulieu. A Berlin, chez G. J. Decker, Imprimeur du Roi. MDCCLXXVII. -8-о.— [4], 188 р. -17,4x9,7. На титульном листе наборная виньета, на с.1 наборная заставка, на с. 188 – наборная концовка. На с. 1-58 расположены стихотворения мадам Дезульер 1673-1686 годов, а на с. 59-188 – стихи аббата Шолье. Экземпляр в «придворном» переплете красного сафьяна с золототиснеными рамками на крышках и золотым обрезом. Происходит из личной библиотеки короля Фридриха Великого. На верхней крышке – литерный суперэкслибрис дворцовой библиотеки Фридриха Великого в Бреслау – **Br** [Breslau Schloss]. Экзем-

пляр на особой бумаге. (Собр. МК РГБ. N90224-49.) Безукоризненный экземпляр прекрасной сохранности.

Книга эта крайне редка и, думается, отпечатана тиражом, не превышающим десять-пятнадцать экземпляров. Единственная крупная библиотека, обладающая еще одним экземпляром – Британская библиотека в Лондоне.* Поскольку никакой «авторской» работы Фридрих Великий для этого издания не совершил, кроме того, что подобрал стихотворения, то и книга эта практически никогда не упоминается в связи с королевским именем; упущена она из виду и И. Прейссом. Единственный, кто отметил ее существование – Богдан Кригер, который наряду с Овидием и Горацием (см. выше) указал ее среди изданий короля**; тогда в королевских библиотеках хранилось шесть экземпляров этого издания, пять из которых – в придворных переплетах, а один из них – который и хранится ныне в РГБ — находился в королевском дворце в Бреслау.

*Шифр 11474.bb.5.

**Krieger. S. 130

Вполне понятно обращение короля к Дезульер и Шолье — двум французским поэтам XVII столетия. Фридрих Великий, будучи умелым подражателем, также необычайно ценил подражателей века минувшего, а от умелого подражания античности Фридрих вообще приходил в неописуемый восторг. Антуанетта Дезульер (ок.1638-1694), которую Вольтер считал одной из лучших французских поэтесс, прославилась своими балладами и идиллиями, она умело писала буколики, подражая Феокриту и Вергилию. Что касается аббата Гийома Шолье (1639–1720), то он также был высоко ценим Вольтером (особенно в молодости) и прославился, прежде всего, своими анакреотическими стихотворениями.

Так что король, литературный вкус которого в большей степени был воспитан фернейским старцем, напечатал в этом

издании свои любимые стихотворения. Это дополнительно доказывается еще и тем, что в королевских библиотеках хранилось большое число сочинений и Дезульер, и Шолье: в общей сложности восемь экземпляров двухтомных собраний сочинений аббата Шолье, многократно переиздававшихся в XVIII столетии*, и пять двухтомников мадам Дезульер.**

*Krieger. S. 158

**Ibidem. S. 159

Приложение к No 1:

Маргиналии Фридриха Великого и Вольтера в тексте «DISSERTATION SUR LES RAISONS D'ETABLIR OU D'ABREGER LES LOIX»

Автор	Страница и строка	Описание	Страница и строка в Oeuvres, IX
Фридрих	264, 13 св.	Перед строкой вписано **«Si»** [le commerce des Hommes, qui assourtit les caracte-/res les plus ressemblans...]	12, 2 св.

Фридрих	264, 8 сн.	Вместо зачеркнутой лигатуры «&» сверху вписано **«il done»**	12, 4 св.
Вольтер	264, 1 сн.	После слова observer зачеркнута лигатура “&”	12, 10 св.
Вольтер	265, 1-4 св.	Зачеркнуты полностью все 4 строки с текстом: <&> / les Hommes, qui devoient se porter d’eux-memes / a vivre unis & hereux, par un renversement / d’esprit deplorable, ne purent y parvenir qu’a l’ai- / de des Loix, dont les Chatimens feveres les retin- / <rent en respect>. Справа на поле написано: «**Tant est Grande la depravation / du Coeur humain, que pour vivre / en paix et hereux, on fut oblige / de L’y Contraindre par la puisance / des Loix.**»	12, 10-12 св.
Фридрих	265, 8 сн.	Зачеркнуто слово «l’etablissement» и сверху написано «**d’Union**»	12, 13 сн.
Вольтер	266, 13-14 св.	Зачеркнуты слова «& / quelques Auteurs pritendeut Ils». Напротив этой строки на поле начертан знак сноски *. Внизу, под текстом, написано: «**Notte / * quelques auteurs y ajoutent issis.**»	13, 2 св., сноска внизу.
Фридрих	267, 5 св.	Перед словами il etablit зачеркнута лигатура «&»	13, 11 св.
Фридрих	267, 11 св.	Зачеркнута буква d’ <a-/voir>.	13, 14 сн.
Фридрих	267, 7 сн.	Зачеркнуто слово «pendant» и сверху написано «**dans**».	13, 10 сн.

Фридрих	267, 4 сн.	Между словами «il partage a» и «y les Terres» вписан знак вставки и сверху написано слово «**egalement**»	13, 8 сн.13, 8 сн.
Фридрих	268, 15-16 св.	Зачеркнуты слова «faisoit / ses» и сверху первого слова написано «**ils faisaient leurs**».	14, 16св.
Фридрих	268, 16 сн.	Зачеркнуты слова «Il y avoit des Banquets» и сверху вписано: «**Leur repas etaient regles**».	14, 8 св.
Вольтер	269, 4–5 св.	Зачеркнуты слова «qui publia / des Loix en Grece» и сверху 4 строки вписано: «**Legislateur des atheniens**».	14, 14 св.
Вольтер	269, 5 св.	Зачеркнуты слова «elles» и сверху вписано «**ses loix**».	14, 15 св.
Фридрих	269, 10 св.	Зачеркнуто слово «s'etablierent» и сверху вписано: «**furent reformees**».	14, 10 сн.
Фридрих	270, 10 св.	Зачеркнуто слово «fur» и сверху вписано: «**a'**».	15, 8 св.
Фридрих	271, 5-8 св.	После слов «les passions» зачеркнут текст: «du tems de Ciceron, les Romains / tenoient a honneur d'etre recus Areopagistes; il / n'y avoit rien de plus grand dans l'Univers ni de / plus auguste que ce Senat.»	15, 14 сн.
Фридрих	273, 1-3 св.	После слов «Roche Tarpienne» зачеркнут текст: «ce- / pendant les Juifs eurent des Afiles avant les Ro- / mains.»	16, 14 св.

Вольтер	273, 7 св.	Зачеркнуты слова «devoit donnes» и сверху вписано: «**donat**».	16, 14 сн.
Вольтер	173, 8 сн.	Зачеркнуто слово «feroient» и сверху вписано: «**fussent**».	16, 9 сн.
Вольтер	274, 3 сн.	Зачеркнуто слово «relacha» и сверху вписано: «**dominua**».	17, 11 св.
Вольтер	275, 1 св.	Зачеркнуты слова «Depuis ses tems» и сверху вписано: «**Ce ne fut qu'apres lui que s'etablirent Les usures**».	17, 13 св.
Фридрих	271, 1 св.	Между словами «Rome» и «porte-/rent» сверху вписано: «**les**».	17, 14 св.
Вольтер	275, 2 св.	После слова «porte-/rent» зачеркнуты слова «les Usures».	17, 14 св.
Вольтер	275, 8 сн.	После слов «a foit aabolie» вписано: «**pour un tems**».	17, 9 сн.
Фридрих	276, 3 сн.	После слов «de Loix» зачеркнуто слово «complet».	18, 12 св.
Фридрих	279, 11 св.	Зачеркнуты слова «ce qu'on multipliat» и сверху вписано: «**multiplication**».	19, 11 сн.
Фридрих	281, 1-3 св.	После слов «& les Francs» зачеркнут текст: «& quoique les Loix / Romaines fussent toujours conservees, elles n'e- / toient plus en vigueur.»	20, 15 св.
Фридрих	282, 7 св.	Зачеркнуты слова «<Avant> que Jules Cesar les assujetit» и после них вписано: «**d'etre assujetis**».	21, 3 св.

Фридрих	283, 7 сн.	Зачеркнуто слово «que».	21, 6 сн.
Фридрих	283, 7 сн.	После слова «trouve» и перед словом «l'Autorite» стоит знак вставки и сверху написано: «**encore**».	21, 6 сн.
Фридрих	284, 7 сн.	После слова «Normande» в артикле «les» зачеркнута буква «s».	22, 10-11 св.
Фридрих	284, 7 сн.	В слове «Severes» зачеркнута буква «s».	22, 11 св.
Фридрих	284, 6-7 сн.	Зачеркнуты слова «des Defenses con-/tre» и сверху вписано: «**L'interdiction de**».	22, 11 св.
Вольтер	285, 1 сн.	Зачеркнуты слова «dans le besoin de» и сверху вписано: «**Pour**».	23, 2 св.
Вольтер	286, 4 св.	Перед словом «vendre» зачеркнуто слово «point».	23, 5 св.
Вольтер	289, 11 сн.	Зачеркнуто слово «aux» и сверху вписано: «**avec les**».	24, 6 сн.
Вольтер	289, 6 сн.	Зачеркнуто слово «obtenir» и сверху вписано: «**faitre passer**».	24, 2 сн.
Фридрих	291, 1 сн.	Перед словом «bonnes» зачеркнуто слово «etant».	26, 2 св.
Фридрих	292, 8 сн.	Зачеркнуто слово «produit» и сверху вписано: «**fait**».	26, 12 св.
Вольтер	294, 1-3 сн.	После слов «leur Famille;» зачеркнуто: «& les Regles qu'ils introdusirent, / n'etoient faites qu'a dessein de prevenir le resordre / & la confusion."	27, 13 сн.

Вольтер	295, 10 сн.	После слова «publioit /» на поле написано: «**Se fesoient legislateurs**» (в Oeuvres по-другому - «faisait legislateur».)	27, 4 сн.
Вольтер	295, 6 сн.	Зачеркнуто слово «s'augmenterent» и сверху вписано: «**Deveinrent plus nombreuses**».	27, 1 сн.
Фридрих	296, 2 св.	Зачеркнуты слова «pour la pluspart» и справа на поле написано: «**la plus pare**».	28, 6 сн.
Фридрих	296, 1 сн.	Между словами «qu'on portat» и «a / l'instant» сверху вписано: «**chez lui**».	28, 12 сн.
Фридрих	297, 1 св.	Между словами «l'instant» и «fout» зачеркнуты слова «chez lui».	28, 12 сн.
Фридрих	297, 2 св.	Между словами «Vol» и «venoient» зачеркнуто «y».	28, 11 сн.
Фридрих	297, 2 св.	После слова «venoient» сверху вписано: «**chez le chef des voleurs**».	29, 6 св.
Фридрих	298, 1 св.	Зачеркнуто слово «Tendant» и сверху вписано: «**punisant Severement**».	29, 6 св.
Вольтер	298, 4 св.	После последних на строке слов «Les Vols» на правом поле написано: «**Compliques**».	29, 9 св.
Фридрих	298, 5 св.	Зачеркнуто слово «faits» и на поле написано: «**ceux qui se cometent**».	29, 9-10 св.
Фридрих	298, 6 св.	Зачеркнуто слово «excuser» и сверху написано: «**envisager ces qui en sont coupables**».	29, 10-11 св.

Вольтер	298, 6 св.	Между вписанными Фридрихом словами «envisager» и «ces» (см. выше) вписан знак вставки и ниже написано: «**avec Compasion**».	29, 10-11 св.
Вольтер	299, 10 св.	После слова «Juifs» вписан знак «**#**» (обозначающий вставку). На правом поле, на этом же уровне, после такого же знака написан текст: «**par la quelle le Voleur etait / oblige de restituer le double / de ce qu'il avait derobe, ou de / se constituer l'esclave de celui / dont il avait saisi le bien**."	29, 1-2 сн., 30, 1 св.

DISSERTATION
SUR LES RAISONS
D'ETABLIR OU D'ABROGER LES LOIX.

CEUX qui veulent acquérir une connoissance exacte de la manière dont il faut établir ou abroger les Loix, ne la peuvent puiser que dans l'Histoire. Nous y voions que toutes les Nations ont eu des Loix particulières; que ces Loix ont été établies successivement; & qu'il a fallu toûjours beaucoup de tems aux Hommes, pour parvenir à quelque chose de raisonnable. Nous y voions que les Législateurs, dont les Loix ont subsisté le plus long-tems, ont été ceux qui ont eu pour but le Bonheur Public, & qui ont le mieux connu le Génie du Peuple dont ils régloient le Gouvernement.

Ce sont ces Considérations qui nous obligent d'entrer ici en quelques détails sur l'Histoire même

me des Loix, & sur la manière dont elles se sont établies dans les Païs les plus policés.

Il paroit probable que les Pères de Famille ont été les premiers Législateurs. Le besoin d'établir l'ordre dans leurs Maisons, les obligea sans doute à faire des Loix Domestiques. Depuis ces premiers tems, & lorsque les Hommes commencèrent à se rassembler dans des Villes, les Loix de ces Jurisdictions particulières se trouvèrent insuffisantes pour une Société plus nombreuse.

La Malice du Cœur Humain, qui semble engourdie dans la Solitude, se ranime dans le Grand-Monde; le Commerce des Hommes, qui assortit les caractères les plus ressemblans, fournit des Compagnons aux Gens vertueux, des Complices aux Scélérats.

Les Désordres s'accrûrent dans les Villes; de nouveaux Vices prirent naissance; & les Pères de Famille, comme les plus intéressés à les réprimer, convinrent pour leur sûreté de s'opposer à ce débordement. On publia donc des Loix, & l'on créa des Magistrats pour les faire observer,

les

les Hommes, qui devoient se porter d'eux-mêmes à vivre unis & heureux, par un renversement d'esprit déplorable, ne purent y parvenir qu'à l'aide des Loix, dont les Châtimens sévères les retinrent en respect.

Tant est grande la dépravation des Cœurs humains, que pour vivre en paix et heureux, on fut obligé de s'y contraindre par la rigueur des Loix.

Les premières Loix ne parèrent qu'aux grands Inconvéniens: les Civiles régloient le culte des Dieux, le partage des Terres, les contracts de Mariage & les Successions: les Loix Criminelles n'étoient rigoureuses que pour les Crimes dont on redoutoit le plus les effets: & ensuite à mesure qu'il survenoit des Inconvéniens inattendus, de nouveaux Désordres donnoient naissance à de nouvelles Loix.

De ~~l'établissement~~ d'Union des Villes se formèrent des Républiques: & par la pente que toutes les Choses Humaines ont à la Vicissitude, leur Gouvernement changea souvent de forme. Lassé de la Démocratie, le Peuple passoit à l'Aristocratie, à laquelle il substituoit même le Gouvernement Monarchique: ce qui arrivoit en deux manières; ou lorsque le Peuple mettoit sa confiance dans la vertu éminen-

te d'un de ses Citoiens ; ou lorsque par artifice quelque Ambitieux usurpoit le Souverain Pouvoir. Il est peu d'Etats qui n'aient pas essaié de ces différens Gouvernemens ; mais tous eûrent des Loix différentes.

Herodote. Diodore de Sicile.

Osiris est le premier Législateur dont l'Histoire Profane fasse mention : il étoit Roi d'Egypte, & il y établit ses Loix : les Souverains même y étoient soumis : ces Loix, qui régloient le Gouvernement du Roiaume, s'étendoient sur la conduite des Particuliers.

Les Rois n'acquéroient l'amour de leur Peuple qu'autant qu'ils s'y conformoient. Osiris (* ~~quelques Auteurs prétendent Mé~~) institua trente Juges, dont le Chef portoit au cou la figure de la Vérité pendue à une chaîne d'or ; c'étoit obtenir gain de cause que d'être touché par cette figure.

Osiris régla le culte des Dieux, le partage des Terres, la distinction des Conditions : il ne voulut point qu'il y eût Prise de Corps contre le Débiteur ; toute séduction de Rhétorique étoit bannie des Plaidoiers : les Egyptiens engageoient les

Ca-

* Ménès quelques auteurs y ajoutent [illegible].

Cadavres de leurs Péres; ils les déposoient chez leurs Créanciers pour nantissement, & c'étoit une infamie que de ne les pas dégagèr avant leur mort. Ce Législateur crut que ce n'étoit pas assez de punir les Hommes pendant leur vie, [illegible] il établit un Tribunal qui les jugeoit après leur mort; afin que la flétrissure, attachée à leur condamnation, servit d'aiguillon pour animer les Vivans à la Vertu.

Après les Loix des Egyptiens, celles des Crétois sont les plus anciennes: Minos fut leur Législateur: il se disoit Fils de Jupitèr, & assûroit [illegible]a-voir reçû ces Loix de son Père, afin de les rendre plus respectables. Rollin, Histoire Ancien. Ibid.

Lycurgue, Roi de Lacédémone, fit usage des Loix de Minos, ausquelles il en ajoûta quelques unes d'Osiris, qu'il recueillit lui-même pendant un Voiage qu'il fit en Egypte: il bannit de sa République l'Or, l'Argent, toute sorte de Monnoies & les Arts superflus: il partagea les Terres entre les Citoiens. Plutarque.

Ce Législateur, qui avoit intention de former des Guerriers, ne voulut point qu'aucune espèce

de passion pût énerver leur Courage: il permit pour cet effet la communauté des Femmes entre les Citoiens; ce qui peuploit l'Etat, sans attacher trop les Particuliers aux liens doux & tendres du Mariage: tous les Enfans étoient élevés aux frais du Public: lorsque les Parens pouvoient prouver que leurs Enfans étoient nés mal-sains, il leur étoit permis de les tuer. Lycurgue pensoit qu'un Homme, qui n'étoit pas en état de porter les Armes, ne méritoit pas la Vie.

Il régla que les Ilottes, espèce d'Esclaves, cultiveroient les Terres; & que les Spartiates ne s'occuperoient qu'aux Exercices qui les rendoient propres à la Guerre.

La Jeunesse des deux Sexes luttoit ~~& faisoit ses~~ Exercices tout-nûs, en Place publique.

~~Il y avoit des Banquets ordinaires~~, où, sans distinction des états, tous les Citoiens mangeoient ensemble.

Il étoit défendu aux Etrangers de s'arrêtèr à Sparte, afin que leurs Mœurs ne corrompissent pas celles que Lycurgue avoit introduites.

On

On ne puniſſoit que les Voleurs mal-adroits: Lycurgue avoit intention de former une République Militaire, & il y réuſſit.

Legislateur des athéniens

* Dracon fut à la vérité le premier ~~qui publia~~ des ~~Loix en Grèce;~~ mais ~~elles~~ ses Loix étoient ſi rigoureuſes, qu'on diſoit qu'elles étoient écrites pluſtôt avec du ſang qu'avec de l'encre. Plutarque, Vie de Solon, Remarques de Dacier.

Nous avons vû comme les Loix s'établirent en Egypte & à Sparte: voions maintenant comme elles ~~s'établirent~~ furent reformées à Athènes.

Les Déſordres qui regnèrent dans l'Attique, & les ſuites funeſtes qu'ils préſagoient, firent qu'on eut recours à un Sage qui pouvoit ſeul réformer tant d'Abus. Les Pauvres qui ſouffroient, à cauſe de leurs Dettes, des véxations cruelles de la part des Riches, ſongèrent à ſe choiſir un Chef qui les délivrât de la Tyrannie des Créanciers.

Dans ces diſſenſions, *Solon* fut nommé Ar-

Ll 3 chon-

* Dracon infligeoit punition de mort contre les plus petites fautes: Il alla jusqu'à faire le Procès aux choses inanimées: une Statue, par exemple, qui en tombant avoit blessé quelqu'un, étoit bannie de la Ville.

chonte & Arbitre Souverain, du consentement de tout le Monde: les Riches, dit Plutarque, l'agréèrent volontiers comme Riche, & les Pauvres, comme Homme de bien.

Solon déchargea les Débiteurs; il accorda aux Citoiens la liberté de Tester.

Il permit aux Femmes, qui avoient des Maris impuissans, d'en choisir d'autres parmi leurs Parens.

Ces Loix imposoient des châtimens sur à l'Oisiveté: elles absolvoient Ceux qui tuoient un Adultére; elles défendoient de confier la Tutéle des Enfans à leurs plus proches Héritiers.

Ceux qui avoient crevé l'œuil à un Borgne, étoient condamnés à perdre les deux yeux: les Débauchés n'osoient point parler dans les Assemblées du Peuple.

Solon ne fit aucune Loi contre le Parricide: ce crime lui paroissoit inoui: il pensoit que c'eût été l'enseigner plustôt que le défendre.

Il vouloit que ses Loix fûssent déposées dans Meursi. Dissert. l'Aréopage: ce Conseil fondé par Cécrops, qui

au

au commencement avoit été composé de trente Juges, s'augmenta jusqu'à cinq cens: l'Aréopage tenoit ses Séances de nuit; les Avocats y plaidoient les Causes simplement; il leur étoit défendu d'exciter les passions: du tems de Cicéron, les Romains tenoient à honneur d'être reçûs Aréopagistes: il n'y avoit rien de plus grand dans l'Univers ni de plus auguste que ce *Sénat*. Rollin. Plutar. 1ᵉʳ·

Les Loix d'Athènes passérent ensuite à Rome: mais comme les Loix de cet Empire devinrent celles de tous les Peuples qu'il conquit, il sera nécessaire de nous étendre davantage sur leur sujet.

Romulus fut le Fondateur & le premier Législateur de Rome: voici le peu qui nous reste des Loix de ce Prince. Tite Liv. Plutarq. Cicéron.

Il vouloit que les Rois eûssent une Autorité Souveraine dans les Affaires de Justice & de Religion: qu'on n'ajoûtât point foi aux Fables qu'on rapporte des Dieux; qu'on eût d'eux des sentimens saints & religieux, en n'attribuant rien de déshonnête à des Natures Bienheureuses. Plutarque ajoûte, que c'est une Impiété de croire que la Denys d'Halicarnasse, Antiquités Romaines.

Divi-

Divinité prenne plaisir aux attraits d'une Beauté mortelle. Ce Roi si peu superstitieux ordonna cependant qu'on n'entreprît rien, sans avoir préalablement consulté les Augures.

Romulus plaça les Patriciens dans le Sénat, les Plébéiens dans les Tribus; & il ne comptoit pour rien les Esclaves dans sa République.

Les Maris avoient le droit de punir de mort leurs Femmes, lorsqu'elles étoient convaincuës d'Adultère ou d'Yvrognerie.

La Puissance des Pères sur leurs Enfans n'avoit point de bornes; il leur étoit permis de les faire mourir, lorsqu'ils naissoient monstrueux: on punissoit les Parricides de mort: un Patron, qui fraudoit son Client, étoit en abomination: une Belle-fille qui battoit son Père, étoit abandonnée à la vengeance des Dieux Pénates: Romulus voulut que les Murailles des Villes fûssent sacrées; & il tua son Frère Rémus, pour avoir transgressé cette Loi en sautant au dessus des Murs de la Ville qu'il élevoit.

Ce Prince établit des Asiles: il y en avoit entre

tre autres auprès de la Roche Tarpéienne: ~~ce-pendant les Juifs eûrent des Asiles avant les Romains.~~

A ces Loix de Romulus, Numa en ajoûta de nouvelles: comme ce Prince étoit fort pieux, & que sa Religion étoit épurée, il défendit que personne ne ~~devoit donner~~ donnât aux Dieux la Figure Humaine, ou celle de quelque Bête. De-là vint que les CLX. premières Années depuis la Fondation de Rome, il n'y eut point d'Images dans les Temples. (Plutarque, Vie de Numa.)

Tullus Hostilius, afin d'exciter le Peuple à la multiplication de l'Espèce, voulut que, lorsqu'une Femme accoucheroit de trois Enfans à la fois, ils ~~seroient~~ fussent nourris aux dépens du Public, jusqu'à l'âge de puberté. (Dictionnaire des Antiquités.)

Nous remarquons, parmi les Loix de Tarquin, qu'il obligea chaque Citoien de donnér au Roi le Dénombrement de tous ses Biens, au risque d'être puni s'il y manquoit; qu'il régla les Dons que chacun devoit faire aux Temples; & qu'entre autres il permit que les Esclaves mis en

 liber-

liberté pûssent être reçûs dans les Tribus de la Ville: les Loix de ce Prince furent favorables aux Débiteurs.

Telles sont les principales Loix que les Romains reçûrent de leurs Rois: Sextus Papirius les recueillit toutes, & elles prirent de lui le nom de Code Papirien.

La pluspart de ces Loix, faites pour un Etat Monarchique, furent abolies par l'expulsion des Rois.

Valérius Publicola, Collègue de Brutus dans le Consulat, un des Instrumens de la Liberté dont Rome jouissoit: ce Consul, si favorable au Peuple, publia de nouvelles Loix, propres au genre de Gouvernement qu'il venoit d'établir.

Ces Loix permettoient d'appellèr au Peuple des Jugemens des Magistrats, & défendoient, sous peine de mort, d'accepter des Charges sans son aveu. Publicola [illegible] les Tailles, & autorisa le meurtre des Citoiens qui aspiroient à la Tyrannie.

De-

Ce ne fut qu'à quelques [illegible]

~~Depuis ces tems,~~ les Grands de Rome portè[de]rent [illegible] jusqu'au Denier Huit: si le Débiteur ne pouvoit acquitter sa Dette, il étoit trainé en Prison, & réduit à l'Esclavage, lui & toute sa Famille: la dureté de cette Loi parut insupportable aux Plébéiens, qui en étoient souvent les Victimes: ils murmurèrent contre les Consuls: le Sénat se montra infléxible; & le Peuple, irrité de plus en plus, se retira au Mont Sacré; de-là il traitta d'égal avec les Sénateurs; & il ne rentra à Rome, qu'à condition qu'on abolit ses Dettes, & que l'on créât des Magistrats, qui par la Charge de Tribuns seroient autorisés à soûtenir ses Droits: ces Tribuns réduisirent l'Usure au Denier Seize; & enfin elle fut tout à fait abolie pour un tems.

Tite Liv. Liv. II. Aulugel. Liv. II. Ch. II. Tacite, Annales.

Les deux Ordres, qui composoient la République Romaine, formoient sans cesse des Desseins ambitieux, pour s'élever les uns aux dépens des autres: de-là nâquirent les Défiances & les Jalousies: quelques Séditieux, qui flattoient le Peuple, outroient ses prétensions; & quelques jeunes Sénateurs, nés avec des passions vives & avec beau-

Mm 2 coup

coup d'orgueil, rendoient les Résolutions du Sénat souvent trop févères.

La Loi Agraire, sur le Partage des Terres conquises, divisa plus d'une fois la République: il en fut question l'année CCLXVII. de sa Fondation. Ces dissensions, ausquelles le Sénat faisoit diversion par quelques Guerres, mais qui se réveilloient toûjours, continuèrent jusqu'en l'année CCC.

Rome reconnut enfin la nécessité d'avoir recours à des Loix, qui pûssent satisfaire les deux Partis: on envoia à Athènes Posthumius Albus, Antonius Manlius & Sulpicius Camérinus, pour y compiler les Loix de Solon; ces Ambassadeurs à leur retour furent mis au nombre des Décemvirs; ils rédigèrent ces Loix, qui furent approuvées du Sénat par un Arrêt, & du Peuple par un Plébiscit: on les fit graver sur dix Tables de cuivre; & l'année d'après on en y ajoûta encore deux autres: ce qui forma un Corps de Loix [redacted], si connu sous le nom de celui des Douze Tables.

Tit. Liv. Lib. III.

[illegible]

Ces Loix limitoient la Puissance Paternelle; elles

elles infligeoient des punitions aux Tuteurs qui fraudoient leurs Pupilles; elles permettoient de léguer ſon Bien à qui l'on voudroit: les Triumvirs ordonnérent depuis que les Teſtateurs feroient obligés de laiſſer le Quart de leur Bien à leurs Héritiers; & c'eſt l'origine de ce que nous appellons la Légitime. * des Antiquités Romaines.

Les Enfans Poſthumes, nés dix mois après la mort de leurs Pères, étoient déclarés légitimes; l'Empereur Adrien étendit ce Privilège jusqu'à l'onziéme mois.

Le Divorce, jusqu'alors inconnu des Romains, n'eut force de Loi que par celle des Douze Tables: il y avoit des peines infligées contre les Injures d'effet, de paroles & par écrit.

L'Intention ſeule du Parricide étoit punie de mort.

Les Citoiens étoient autoriſés à tuer les Voleurs armés, ou qui entroient de nuit dans leur maiſon.

Mm 3 Tout

* Il n'y avoit que deux ſortes d'Héritiers AB INTESTAT, les Enfans & les Parens Maſculins.

Tout faux Témoin devoit être précipité de la Roche Tarpéienne. En Matières Criminelles, l'Acusateur avoit deux jours, dans lesquels il formoit l'Accusation, qu'il signoit; & l'Accusé avoit trois jours pour y répondre. * S'il se trouvoit que l'Accusateur eût calomnié l'Accusé, il étoit puni des mêmes peines que méritoit le Crime dont il l'avoit chargé.

Voilà en substance ce que contenoient les Loix des Douze Tables, dont Tacite dit qu'elles furent la fin des bonnes Loix: l'Egypte, la Gréce, & tout ce qu'elle connoissoit de plus parfait, y avoient contribué: ces Loix si équitables & si justes ne resserroient la Liberté des Citoiens, que dans les cas, où l'abus, qu'ils en pouvoient faire, auroit nui au repos des Familles & à la sûreté de la République.

L'Autorité du Sénat sans cesse en opposition avec celle du Peuple, l'ambition outrée des Grands, les prétensions des Plébéiens qui s'accroissoient chaque

* L'Accusé comparoissoit en suppliant devant le Magistrat avec ses Parens & ses Cliens.

que jour, & beaucoup d'autres raiſons, qui ſont proprement du reſſort de l'Hiſtoire, causèrent de nouveau des Orages violens: les Gracques & les Saturninus publièrent quelques Loix ſéditieuſes: pendant les troubles des Guerres Civiles, on vit un nombre d'Ordonnances que les événemens faiſoient paroitre & diſparoître: Sylla abolit les anciennes Loix & en établit de nouvelles que Lépidus détruiſit: la corruption des Mœurs, qui augmentoit avec ces diſſenſions domeſtiques, donna lieu à ~~ce qu'on multiplia~~ la multiplication des Loix à l'infini: Pompée, élû pour réformer ces Loix, en publia quelques unes qui périrent avec lui. Pendant vingt-cinq ans de Guerres Civiles & de Troubles, il n'y eut ni Droit ni Coûtume ni Juſtice; & tout demeura dans cette confuſion juſqu'au Règne d'Auguſte, qui ſous ſon ſixième Conſulat rétablit les anciennes Loix, & annula toutes celles qui avoient pris naiſſance pendant les déſordres de la République.

L'Empereur Juſtinien rémédia enfin à la confuſion que la multiplicité des Loix apportoit à la Ju-

Jurisprudence; & il ordonna à son Chancelier Tribonien de composer un Corps de Droit parfait: celui-ci le réduisit en trois Volumes qui nous sont restés; savoir, le Digeste, qui contient les Opinions des plus célèbres Jurisconsultes; le Code, qui renferme les Constitutions des Empereurs; & les Instituts, qui forment un Abrégé du Droit Romain.

Ces Loix se sont trouvées si admirables, qu'après la destruction de l'Empire, elles ont été embrassées par les Peuples les plus policés, qui en ont fait la base de leur Jurisprudence.

Daniel, Histoire de France.

Les Romains avoient apporté leurs Loix dans les Païs de leurs Conquêtes: les Gaules les reçûrent, lorsque Jules César, qui les subjugua, en fit une Province de l'Empire.

Pendant le Cinquième Siècle après le démembrement de la Monarchie Romaine, les Peuples du Nord inondérent une partie de l'Europe; ces différentes Nations Barbares introduisirent, chez leurs Ennemis vaincus, leurs Loix & leurs Coûtumes: les Gaules furent envahies par les Visigoths, les

Bour-

Bourguignons & les Francs; & quoique les Loix Ro[illegible] fussent toujours conservées, elles n'étoient plus en vigueur.

Clovis crut faire grace à ses nouveaux Sujets en leur laissant l'option des Loix du Vainqueur, ou de celles du Vaincu: il publia la Loi Salique; & sous les Règnes de ses Successeurs, on créa souvent de nouvelles Loix. Gondebaud, Roi de Bourgogne, fit une Ordonnance, par laquelle il défère le Duël à ceux qui ne voudront pas s'en tenir au Serment.

En 497. [illegible]

Hénault, Abrégé Chronologique.

Anciennement les Seigneurs avoient le Droit de Juger Souverainement & sans appel.

Sous le Règne de Louis le Gros, s'établit la Justice Supérieure & Roiale en France: nous voions depuis que Charles IX. avoit intention de réformer la Justice & d'abréger les Procédures; c'est ce qui paroit par l'Ordonnance de Moulins: il est à remarquer que des Loix si sages furent publiées dans des tems de Troubles: mais, dit le Président Hénault, le Chancelier de l'Hôpital veilloit pour le salut de la Patrie. Ce fut enfin Louis

De Thou.

N n XIV.

XIV. qui fit rédiger toutes les Loix, depuis Clovis jusques à lui, dans un Corps qu'on appella de son nom le CODE LOUIS.

Rapin Thoiras, Introduction.

Les Bretons, que les Romains subjuguèrent, de même que les Gaulois, reçûrent également les Loix de leurs Conquérans.

Avant que Jules César les assujettît, ces Peuples étoient gouvernés par des Druides, dont les Maximes avoient force de Loix.

Les Pères de Famille chez ces Peuples avoient droit de Vie & de Mort sur leurs Femmes & leurs Enfans: tout Commerce étranger leur étoit défendu: ils égorgeoient les Prisonniers de Guerre, & en faisoient un Sacrifice aux Dieux.

Les Romains maintinrent leur Puissance & leurs Loix chez ces Insulaires, jusqu'à l'Empire d'Honorius, qui rendit aux Anglais leur Liberté, l'An CCCCX. par un Acte solemnel.

Les * Pictes, alliés avec les Ecossais, les attaquèrent ensuite: les Bretons, foiblement secourus des

* Les Pictes, Peuples venus du Mecklenbourg.

des Romains & toûjours battus par leurs Ennemis, eûrent recours aux Saxons: ceux-ci fubjuguèrent toute l'Isle après une Guerre de 150. ans; & de leurs Auxiliaires, ils devinrent leurs Maitres.

Les Anglo-Saxons introduisirent dans la Grande-Bretagne leurs Loix; les mêmes qui fe pratiquoient anciennement en Allemagne: ils partagèrent l'Angleterre en fept Roiaumes, qui fe gouvernoient féparément: ils avoient tous des Affemblées * Générales, compofées des Grands, du Peuple & de l'Ordre des Paifans: la forme de ce Gouvernement, qui étoit enfemble Monarchique, Ariftocratique & Démocratique, s'eft confervée jusqu'à nos jours, [redacted] l'Autorité fe trouve/partagée entre le Roi, la Chambre des Seigneurs & celle des Communes. Selon Brandt.

Alfred le Grand donna à l'Angleterre les premières Loix, réduites en Corps. Quoiqu'elles fuffent douces, ce Prince fut inéxorable envers les Magiftrats convaincus de corruption: l'Hiftoire remar-

Nn 2

* Ces Affemblées s'appelloient Wittenagemot ou Confeil des Sages, dont le Gouvernement prit le nom d'Heptarchique.

marque qu'en une feule année il fit pendre quarante quatre Juges qui avoient prévariqué.

Rapin Thoiras [illegible]. Selon le Code d'Alfred le Grand, tout Anglais accufé de quelque Crime devoit être jugé par fes Pairs; & la Nation conferve encore ce Privilège.

L'Angleterre prit une nouvelle forme par la Conquête qu'en fit * Guillaume, Duc de Normandie: ce Conquérant érigea de nouvelles Cours Souveraines, dont celle de l'Echiquier fubfifte encore; ces Tribunaux fuivoient la Perfonne du Roi: il fépara la Jurisdiction *Ecclésiastique* de la Civile: & de fes Loix, qu'il fit publiér en Langue Normande, les plus févères étoient l'interdiction de ~~des Ordonnances con-tre~~ la Chaffe, fous peine de mutilation ou de mort même.

Depuis Guillaume le Conquérant, les Rois fes Succeffeurs firent différentes Chartres

En 1100. Henri I. dit Beauclerc, permit aux Héritiers Nobles de prendre poffeffion des Succeffions qui leur

* Couronné à Londres en 1066.

leur retomboient, fans rien païèr au Souverain: il permit même à la Nobleffe de fe marier, fans le confentement du Prince.

Nous voions encore que le Roi Etienne donna une Chartre, par laquelle il reconnoît tenir fon Pouvoir du Peuple & du Clergé; qui confirme les Prérogatives de l'Eglife, & abolit les Loix rigoureufes de Guillaume le Conquérant. En 1136.

Enfuite Jean Sans-Terre accorda à fes Sujets la Chartre, dite la Grande-Chartre: elle confifte en LXII. Articles. Rapin Thoiras Liv. VIII. En 1215.

Les Articles principaux règlent la façon de relever les Fiéfs; le partage des Veuves, en défendant de les contraindre à convolèr en Secondes Nôces: elle les oblige par caution à ne fe point remarier fans la permiffion de leur Seigneur Suferain: ces Loix établiffent les Cours de Juftice dans des Lieux ftables: elles défendent au Parlement de lever des Impôts, fans le confentement des Communes, à moins que ce ne foit pour racheter la Perfonne du Roi, ou afin de faire fon Fils Chevalier, ou ~~dans le befoin de~~ dorer fa Fille: elles ordon-

donnent de n'emprisonner, de ne déposseder, ni de ne faire mourir personne, sans que ses Pairs l'aïent jugé selon les Loix du Roiaume: & de plus le Roi s'engage à ne [redacted] vendre ni refuser la Justice à personne.

En 1275. Les Loix de Westminster, qu'Edouard I. publia, n'étoient qu'un renouvellement de la Grande-Chartre, excepté qu'il défendit l'acquisition de Terres aux Gens de Main-morte, & qu'il bannit les Juifs du Roiaume.

Quoique l'Angleterre ait beaucoup de sages Loix, c'est peut-être le Païs de l'Europe où elles sont le moins en vigueur. Rapin Thoiras remarque très-bien que par un vice du Gouvernement, le Pouvoir du Roi se trouve sans cesse en opposition avec celui du Parlement; qu'ils s'observent mutuellement, soit pour conserver leur Autorité, soit pour l'étendre: ce qui distrait & le Roi & les Représentans de la Nation du soin qu'ils devroient emploiër au maintien de la Justice: & ce Gouvernement turbulent & orageux change sans cesse ses Loix par Acte de Parlement, selon que les con-

jon-

jonctures & les événemens l'y obligent: d'où il s'ensuit, que l'Angleterre est dans le cas d'avoir plus besoin de Réforme dans sa Jurisprudence qu'aucun autre Roiaume.

Il ne nous reste qu'à dire deux mots de l'Allemagne. Nous reçûmes les Loix Romaines, lorsque ces Peuples conquirent la Germanie; & nous les conservâmes, parceque les Empereurs abandonnant l'Italie transportèrent chez nous le Siège de leur Empire: cependant il n'est aucun Cercle, aucune Principauté quelque petite qu'elle soit, qui n'ait un Droit Coûtumier différent: & ces Droits, par la longueur du Tems, se sont acquis force de Loix.

Après avoir exposé la manière dont les Loix se sont établies chez la pluspart des Peuples policés, nous remarquerons que dans tous les Païs où elles ont été introduites du consentement des Citoiens, c'étoit le besoin qui les y fit recevoir: & que dans les Païs subjugués, c'étoient les Loix des Conquérans qui devenoient celles des Conquis: mais qu'également partout elles ont été augmen-

tées

tées successivement. Si l'on est étonné de voir au premier coup d'œuil, que les Peuples puissent être gouvernés par tant de Loix différentes; on peut revenir de sa surprise, en observant que, pour l'essentiel des Loix, elles se trouvent à peu près les mêmes; j'entens celles qui, pour le maintien de la Société, punissent les Crimes.

Nous observons encore, en examinant la conduite des plus sages Législateurs, que les Loix doivent être adaptées au genre du Gouvernement & au Génie de la Nation qui les doit recevoir; que les meilleurs Législateurs ont eû pour but la Félicité Publique; & qu'en général toutes les Loix, qui sont les plus conformes à l'Equité Naturelle, à quelques exceptions près, sont les meilleures.

Comme Lycurgue trouva un Peuple ambitieux, il lui donna des Loix plus propres à faire des Guerriers que des Citoiens; & s'il bannit l'Or de sa République, c'étoit parceque l'Intérêt est de tous les Vices celui qui est le plus opposé à la Gloire.

Solon

Solon disoit de lui-même, qu'il n'avoit pas donné aux Athéniens les Loix les plus parfaites, mais les meilleures qu'ils fûssent capables de recevoir; ce Législateur considéra non seulement le Génie de ce Peuple, mais aussi la Situation d'Athènes qui étoit aux bords de la Mèr: par cette raison, il infligea des peines pour l'Oisiveté; il encouragea l'Industrie; & il ne défendit point l'Or & l'Argent, prévoiant que sa République ne pouvoit devenir grande ni puissante, que par un Commerce florissant. Plutar-que, Vie de Solon.

Il faut bien que les Loix s'accordent ~~aux~~ avec les Génies des Nations, ou il ne faut point espérer qu'elles subsistent: le Peuple Romain vouloit la Démocratie; tout ce qui pouvoit altérer cette forme de Gouvernement, lui étoit odieux: de-là vint qu'il y eut tant de séditions pour ~~obtenir~~ faire passer la Loi Agraire; le Peuple se flattant que, par le partage des Terres, il rétabliroit une sorte d'égalité dans les fortunes des Citoiens: de-là vint qu'il y eut de fréquentes émeutes pour l'abolition des Dettes; parceque les Créanciers, qui étoient les Grands,

traitoient leurs Débiteurs, qui étoient les Plébéiens, avec inhumanité; & que rien ne rend plus odieuse la différence des Conditions, que la Tyrannie que les Riches exercent impunément sur les Misérables.

On trouve trois sortes de Loix dans tous les Païs; à savoir, celles qui tiennent à la Politique & qui établissent le Gouvernement; celles qui tiennent aux Mœurs & qui punissent les Criminels; & enfin les Loix Civiles, qui règlent les Successions, les Tutèles, les Usures & les Contracts. Les Législateurs, qui établissent des Loix dans des Monarchies, sont ordinairement eux-mêmes Souverains: si leurs Loix sont douces & équitables, elles se soûtiennent d'elles-mêmes; tous les Particuliers y trouvent leur avantage: si elles sont dures & tyranniques, elles seront bientôt abolies, parcequ'il faut les maintenir par la violence, & que le Tyran est seul contre tout un Peuple, qui n'a de désir que de les supprimer.

Dans plusieurs Républiques, où des Particuliers ont été Législateurs, leurs Loix n'ont réussi qu'autant

tant qu'elles ont pû établir un juſte équilibre entre le Pouvoir du Gouvernement & la Liberté des Citoiens.

Il n'eſt que les Loix qui regardent les Mœurs, ſur lesquelles les Législateurs conviennent en général du même principe; excepté qu'ils ſe ſont plus roidis contre un Crime que contre un autre; & cela ſans doute, pour avoir connu les Vices, auſquels la Nation avoit le plus de penchant.

Comme les Loix ſont des digues qu'on oppoſe au débordement des Vices, il faut qu'elles ſe faſſent reſpecter par la terreur des Peines; mais il n'en eſt pas moins vrai que les Législateurs, qui ont le moins aggravé les Châtimens, ſont au moins les plus humains, s'ils ne ſont pas les plus rigides.

Les Loix Civiles ſont celles qui différent le plus entre-elles: ceux qui les ont établies, ont trouvé certains Uſages introduits généralement avant eux, qu'ils n'ont oſé abolir ſans choquer les préjugés de la Nation; ils ont reſpecté la Coûtume, qui les fait regarder comme [redacted] bonnes; & ils

O o 2

ils ont adopté ces Usages, quoiqu'ils ne soient pas équitables, purement en faveur de leur antiquité.

Quiconque s'est donné la peine d'examiner les Loix avec un Esprit Philosophique, en aura sans doute trouvé beaucoup, qui d'abord paroissent contraires à l'Equité Naturelle, & qui cependant ne le sont pas: je me contente de citer le Droit de Primogéniture; il paroit que rien n'est plus juste que de partager la Succession Paternelle en portions égales entre tous les Enfans; cependant l'expérience prouve que les plus puissans Héritages subdivisés en beaucoup de parties, réduisent avec le tems des Familles opulentes à l'indigence; ce qui a ~~produit~~ que des Pères ont mieux aimé déshériter leurs Cadets, que de préparèr à leur Maison une décadence certaine: & par la même raison, des Loix, qui paroissent gênantes & dures à quelques Particuliers, n'en sont pas moins sages, dès qu'elles tendent à l'avantage de la Société entière; c'est un tout, auquel un Législateur éclairé sacrifiera constamment les parties.

Les

Les Loix, qui regardent les Débiteurs, sont sans contredit celles qui exigent le plus de circonspection & de prudence, de la part de ceux qui les publient: si ces Loix favorisent les Créanciers; la condition des Débiteurs devient trop dure; un malheureux hasard peut ruinèr à jamais leur fortune: si au contraire cette Loi leur est avantageuse; elle altère la Confiance Publique, en infirmant des Contracts, qui sont fondés sur la Bonne-Foi.

Ce juste milieu, qui, en maintenant la validité des Contracts, n'opprime pas les Débiteurs insolvables, me paroit la Pierre Philosophale de la Jurisprudence.

Nous ne nous étendrons pas davantage sur cet article; la nature de cet Ouvrage ne nous permet point d'entrer dans un plus grand détail; nous nous bornons aux Réfléxions générales.

Un Corps de Loix parfaites seroit le Chef-d'œuvre de l'Esprit Humain, dans ce qui regarde la Politique du Gouvernement: on y remarqueroit une unité de Dessein, & des Régles si exactes & si proportionnées, qu'un Etat conduit par ces Loix

rassembleroit à une Montre, dont tous les ressorts ont été faits pour un même but: on y trouveroit une connoissance profonde du Cœur Humain & du Génie de la Nation: les Châtimens seroient tempérés, de sorte qu'en maintenant les bonnes Mœurs, ils ne seroient ni legers ni rigoureux: des Ordonnances claires & précises ne donneroient jamais lieu au Litige: elles consisteroient dans un choix exquis de tout ce que les Loix Civiles ont eû de meilleur, & dans une application ingénieuse & simple de ces Loix aux Usages de la Nation: tout seroit prévû, tout seroit combiné; & rien ne seroit sujet à des inconvéniens: mais les Choses parfaites ne sont pas du ressort de l'Humanité.

Les Peuples auroient lieu d'être satisfaits, si les Législateurs se mettoient à leur égard dans les mêmes dispositions d'esprit, où étoient ces Pères de Famille, qui donnèrent les premières Loix: ils aimoient leurs Enfans; les maximes, qu'ils leur prescrivoient, n'avoient d'objet que le bonheur de leur Famille; ~~& les Règles, qu'ils y introduisirent~~ [illegible] ~~n'étoient faites qu'à dessein de prévenir~~ [illegible] ou ~~de la confusion.~~

Peu de Loix ſages rendent un Peuple heureux; beaucoup de Loix embarraſſent la Juriſprudence: par la raiſon, qu'un bon Médecin ne ſurcharge pas ſes Malades de Remèdes; le Légiſlateur habile ne ſurcharge pas le Public de Loix ſuperflues: trop de Médecines ſe nuiſent, & empêchent réciproquement leurs effets; trop de Loix deviennent un Dédale, où les Juriſconſultes & la Juſtice s'égarent.

Chez les Romains les Loix ſe multiplièrent, lorſque les Révolutions étoient fréquentes: tout Ambitieux, qui ſe voioit favoriſé de la Fortune, ~~en publioit~~: cette confuſion dura, comme nous l'avons dit, juſqu'au tems d'Auguſte, qui annula toutes ces Ordonnances injuſtes, & remit les anciennes Loix en vigueur.

En France les Loix ~~s'augmentèrent~~, lorſque les Francs, en conquérant ce Roiaume, y introduiſirent les leurs: Louis XI. eut deſſein de réunir toutes ces Loix, & d'établir dans ſon Empire, comme il le diſoit lui-même, une ſeule Loi, un ſeul Poids & une ſeule Meſure.

Il

Il eſt pluſieurs Loix, auxquelles les Hommes ſont attachés, parceque ~~pour la plupart~~ ils ſont *la plus part* des Animaux de Coûtume: quoiqu'on pût en ſubſtituer de meilleures à leur place, il ſeroit peut-être dangereux d'y toucher; la confuſion, que cette Réforme mettroit dans la Juriſprudence, feroit peut-être plus de mal que les nouvelles Loix ne produiroient de bien.

Cela n'empêche pas qu'il n'y ait des cas, où la Réforme ſemble abſolument néceſſaire: c'eſt lorſqu'il ſe trouve des Loix contraires au Bonheur Public & à l'Equité Naturelle; lorſqu'elles ſont énoncées en termes vagues & obſcurs; & lors enfin qu'elles impliquent contradiction dans le ſens ou dans les termes.

Entrons dans quelques éclairciſſemens ſur cette Matière.

Diodore de Sicile.

Les Loix d'Oſiris, ſur le Vol, ſont, par exemple, dans le cas de ces premières, dont nous avons parlé; elles ordonnoient que Ceux, qui voudroient faire le métier de Voleurs, ſe fiſſent inſcrire chez leurs Capitaines; & qu'on portât à l'in-

l'inftant [illegible] tout ce qu'on déroberoit: Ceux, fur qui s'étoit fait le Vol, y venoient révendiquer leurs Biens, qu'on leur reftituoit, pourvû que le Propriétaire en donnât le Quart de la valeur: le Légiflateur penfoit que par cet expédient il fourniffoit aux Citoiens un moien de recouvrer ce qui leur appartenoit, moiennant une legére redevance: c'étoit le moien de faire des Voleurs de tous les Egyptiens: Ofiris n'y penfoit pas fans doute en établiffant cette Loi, à moins qu'on ne veuille dire qu'il conniva au Vol, comme à un mal qu'il ne pouvoit pas empêcher; de même que le Gouvernement d'Amfterdam fouffre les Muficos, & celui de Rome les Maifons de Joie privilégiées.

Les bonnes Mœurs & la Sûreté Publique demanderoient cependant qu'on abrogeât cette Loi d'Ofiris, fi malheureufement on la trouvoit établie.

Les Français ont pris le contre-pied des Egyptiens: Ceux-là étoient trop doux; Ceux-ci trop févéres: les Loix Françaifes font d'une rigueur terrible; tous les Voleurs Domeftiques font punis de mort: ils difent, pour fe juftifier, qu'en

[illegible] les Coupeurs de Bourses, ils détruisent la semence des Brigands & des Assassins.

L'Equité Naturelle veut qu'il y ait une proportion entre le Crime & le Châtiment: les Vols [illegible] sans violence ont des côtés par lesquels on les peut [illegible].

Il y a l'infini entre le Destin d'un Riche & d'un Misérable: l'un regorge de Biens & nage dans le Superflu; l'autre abandonné de la Fortune, manque même du Nécessaire: qu'un Malheureux dérobe, pour vivre, quelques Pistoles, une Montre d'or, ou pareilles Bagatelles, à un Homme que sa magnificence empêche de s'appercevoir de cette perte; faut-il que ce Misérable soit dévoué à la mort? l'Humanité n'exige-t-elle pas qu'on adoucisse cette extrême rigueur? Il paroît bien que les Riches ont fait cette Loi: les Pauvres ne seroient-ils pas en droit de dire? „Que n'a-t-on de la „commisération de notre état déplorable? si vous „étiez charitables, si vous étiez humains, vous nous „secourriez dans nos Misères, & nous ne vous volerions pas: parlez, est-il juste que toutes les Fé-

„lici-

„ licités de ce Monde soient pour vous, & que
„ toutes les Infortunes nous accablent?

La Jurisprudence Prussienne a trouvé un tempérament entre le relâchement de celle d'Egypte & la sévérité de celle de France: les Loix ne punissent point de mort le Vol simple; elles se contentent de condamner le Coupable à certain tems de prison: peut-être seroit-on mieux encore d'introduire la Loi du Talion, qui s'observoit chez les Juifs:[p] si l'on se contente de punir legérement les petites fautes, on réserve les derniers supplices aux Brigands, aux Meurtriers, aux Assassins; de sorte que la Punition marche toûjours de pair avec le Crime.

Aucune Loi ne révolte plus l'Humanité, que le Droit de Vie & de Mort, que les Pères avoient sur leurs Enfans, à Sparte & à Rome: en Grèce, un Père, qui se trouvoit trop pauvre pour fournir aux besoins d'une Famille nombreuse, faisoit périr les Enfans qui lui naissoient de trop: à Sparte & à Rome, qu'un Enfant vint au Monde mal-conformé; cela autorisoit suffisamment le Père à lui ôter

Pp 2 la

la Vie: nous sentons toute la barbarie de ces Loix, à cause que ce ne sont pas les nôtres; mais examinons un moment si nous n'en avons pas d'aussi injustes.

N'y a-t-il point quelque chose de bien dur dans la façon dont nous punissons les Avortemens? à Dieu ne plaise que j'excuse l'action affreuse de ces Médées, qui, cruelles à elles-mêmes & à la voix du Sang, étouffent la Race future (si j'ose m'exprimèr ainsi) sans lui laisser le tems de voir le jour! mais que le Lecteur se dépouille de tous les préjugés de la Coûtume; & qu'il daigne prêter quelque attention aux Réfléxions que je vai lui présenter.

Les Loix n'attachent-elles pas un dégré d'infamie aux Couches Clandestines? une Fille, née avec un tempérament trop tendre, trompée par les promesses d'un Débauché, ne se trouve-t-elle pas, par les suites de sa crédulité, dans le cas d'optèr entre la perte de son Honneur, ou celle du Fruit malheureux qu'elle a conçû? n'est-ce pas la faute des Loix, de la mettre dans une situation

aussi

aussi violente? & la sévérité des Juges ne prive-t-elle pas l'Etat de deux Sujets à la fois? de l'Avorton qui a péri, & de la Mère qui pourroit réparèr abondamment cette perte, par une propagation légitime? on dit à cela qu'il y a des Maisons d'Enfans-Trouvés: je sai qu'elles sauvent la Vie à une infinité de Bâtards: mais ne vaudroit-il pas mieux trancher le mal par ses racines, & conserver tant de pauvres Créatures qui périssent misérablement, en abolissant les flétrissûres attachées aux suites d'un Amour imprudent & volage? Cicero in Verrem.

Mais rien de plus cruël que la Question: les Romains la donnoient à leurs Esclaves, qu'ils regardoient comme une espèce de Bêtail domestique: jamais aucun Citoien ne la recevoit. Cicero pro Cluentio.

La Question se donne en Allemagne aux Malfaiteurs, après qu'ils sont convaincus, afin d'arracher de leur propre bouche l'aveu de leurs Crimes: elle se donne en France pour avérer le Fait, ou pour découvrir les Complices: autrefois les Anglais avoient * l'Ordéal ou l'Epreuve par le Feu Rapin Thoiras.
&

* L'Ordéal par le Feu: on mettoit entre les mains de l'Accusé un mor-

& par * l'Eau: ils ont à présent une espèce de Question moins dure que l'Ordinaire, mais qui revient à peu près à la même chose.

Qu'on me le pardonne, si je me récrie contre la Question; j'ose prendre le parti de l'Humanité contre un Usage honteux à des Chrétiens & à des Peuples policés; & j'ose ajoûter, contre un Usage aussi cruël qu'inutile.

Quintilien liv. 5. des Preuves & de la Refutation.

Quintilien, le plus sage & le plus éloquent des Rhéteurs, dit, en traittant de la Question, que c'est une affaire de Tempérament: un Scélérat vigoureux nie le Fait; un Innocent d'une complexion foible l'avouë: un Homme est accusé; il y a des Indices; le Juge est dans l'incertitude; il veut s'éclaircir: ce Malheureux est mis à la Question; s'il est innocent, quelle barbarie de lui faire souffrir le martyre! si la force des Tourmens l'oblige à déposer contre lui-même, quelle inhumanité épou-

morceau de fer ardent; s'il étoit assez heureux pour ne se point brûler, il étoit absous; si non, on le punissoit comme Coupable.

* L'Ordéal par l'Eau: on lioit le Coupable & le jettoit dans l'Eau; s'il surnageoit, il étoit absous.

épouvantable que d'exposèr aux plus violentes douleurs, & de condamnèr à la mort un Citoien vertueux, contre lequel il n'y a que des Soupçons! il vaudroit mieux pardonnèr à vingt Coupables que de sacrifièr un Innocent. Si les Loix se doivent établir pour le bien des Peuples, faut-il qu'on en tolère de pareilles, qui mettent les Juges dans le cas de commettre méthodiquement des actions criantes qui révoltent l'Humanité?

Il y a huit ans que la Question est abolie en Prusse: on est sûr de ne point confondre l'Innocent & le Coupable; & la Justice ne s'en fait pas moins.

Examinons à présent les Loix vagues & les Procédures qui sont dans le cas d'être réformées.

Il y avoit une Loi en Angleterre qui défendoit la Bigamie: un Homme fut accusé d'avoir cinq Femmes; & comme la Loi ne s'expliquoit pas sur ce cas & qu'on l'interprète littéralement, il fut mis hors de Cour & de Procès. Pour que cette Loi fût claire, elle auroit dû porter, que Quiconque prend plus d'une Femme soit puni, &c.

Les

Les * Loix vagues & littéralement interprétées en Angleterre, ont donné lieu aux abus les plus ridicules.

Des Loix précises ne donnent point lieu à la Chicane; elles doivent s'entendre selon le sens de la lettre: lorsqu'elles sont vagues ou obscures, elles obligent de recourir à l'intention du Législateur; & au lieu de juger des Faits, on s'occupe à les définir.

La Chicane ne se nourrit pour l'ordinaire que de Successions & de Contracts; & par cette raison les Loix, qui roulent sur ces articles, ont besoin de la plus grande clarté: si l'on s'occupe à vétiller sur les termes, en composant des Ouvrages d'Esprit frivoles; à combien plus forte raison les termes de la Loi méritent-ils d'être pesés scrupuleusement?

Les Juges ont deux pièges à craindre; ceux de

* *Morals.* Un Homme coupa le Nez à son Ennemi; on voulut le châtier d'avoir mutilé un Citoien; mais il soûtint que ce qu'il avoit coupé n'étoit point un Membre, & le Parlement déclara par un Arrêt qu'il regardoit le Nez comme un Membre.

de la Corruption & ceux de l'Erreur: leur Conſcience doit les garantir des premiers; & les Légiſlateurs, des ſeconds: des Loix claires, qui ne donnent pas lieu à des Interprétations, y ſont un premier remède; & la ſimplicité des Plaidoiers, le ſecond: on peut reſtraindre les Diſcours des Avocats à la Narration du Fait, fortifiée de quelques Preuves & terminée par une Epilogue ou courte Récapitulation: rien n'eſt plus fort dans la bouche d'un Homme éloquent que l'Art de manier les Paſſions: l'Avocat s'empare de l'Eſprit des Juges; il les intéreſſe; il les émeut; il les entraine: & le preſtige du Sentiment fait illuſion ſur le fond de la Vérité: Lycurgue & Solon interdirent tous les deux cette ſorte de Perſuaſion aux Avocats: & ſi nous en rencontrons dans les Philippiques & dans les Harangues ſur la Couronne, qui nous reſtent de Démoſthènes & d'Eſchine; il faut obſerver qu'elles ne ſe prononcèrent pas devant l'Aréopage, mais devant le Peuple; que les Philippiques ſont du Genre Délibératif; & que celles ſur la Couronne ſont pluſtôt du Genre Démonſtratif que du Judiciaire.

Q q Les

Les Romains n'étoient pas aussi scrupuleux que les Grècs sur les Harangues de leurs Orateurs: il n'est point de Plaidoier de Cicéron, qui ne soit plein de passion: j'en suis fâché pour cet Orateur; mais nous voions dans sa Harangue pour Cluentius, qu'il avoit auparavant plaidé pour sa Partie Adverse: la Cause de Cluentius ne paroit pas absolument bonne; mais l'Art de l'Orateur l'emporta; le Chef-d'œuvre de Cicéron est sans doute la Peroraison de la Harangue pour Fontéius; elle le fit absoudre, quoiqu'il paroisse coupable. Quel abus de l'Eloquence, que de se servir de son enchantement pour énerver les Loix les plus sages!

La Prusse a suivi cet Usage de la Grèce: & si les rafinemens dangereux de l'Eloquence sont bannis des Plaidoiers; elle en est redevable à la sagesse du Grand-Chancelier, dont la probité, les lumières, & l'activité infatigable, auroient fait honneur aux Républiques Grècques & Romaines, dans les tems où elles étoient les plus fécondes en Grands-Hommes.

Il est encore un Article, qui doit être compris

sous

fous l'Obfcurité des Loix; c'eft la Procédure & le nombre d'Inftances que les Plaideurs ont à parcourir, avant que de terminer leurs Procès. Que ce foient de mauvaifes Loix, qui leur faffent injuftice; que ce foient des Plaidoiers artificieux, qui obfcurciffent leurs Droits; ou que ce foient des Longueurs, qui, abforbant le fond même du Litige, leur faffent perdre les avantages qui leur font dûs; tout cela revient au même: l'un eft un mal plus grand que l'autre; mais tous les Abus méritent réforme: ce qui allonge les Procès donne un avantage confidérable aux Riches fur les Plaideurs qui font pauvres; ils trouvent le moien de traduire le Procès d'une Inftance à l'autre; ils mattent & ruinent leur Partie; & ils reftent à la fin les feuls dans la Carrière.

Autrefois dans ce Païs les Procès duroient au-delà d'un Siècle: lors même qu'une Caufe avoit été décidée par cinq Tribunaux, la Partie Adverfe, au plus haut mépris de la Juftice, en appelloit aux Univerfités; & les Profeffeurs en Droit réformoient ces Sentences à leur gré; un Plaideur jouoit

bien de malheur, qui, dans cinq Tribunaux & je ne sai combien d'Universités, ne trouvoit pas des Ames vénales & corruptibles: ces Usages ont été abolis; les Procès sont jugés en dernier ressort dès la troisiéme Instance; & le Terme limité d'un An est prescrit aux Juges, dans lequel ils doivent terminer les Causes les plus litigieuses.

Il nous reste encore à dire quelques mots sur les Loix qui impliquent contradiction, soit par les termes, soit par le sens même.

Lorsque dans un Etat les Loix ne sont pas rassemblées en un seul Corps, il faut qu'il y en ait qui se contredisent entre-elles: comme elles sont l'Ouvrage de différens Législateurs, qui n'ont pas travaillé sur le même Plan; elles manqueront de cette unité si essentielle & si nécessaire à toutes les choses importantes.

Quintilien liv. VII. chap. VII.

Edit de Nantes de 1598.

Quintilien traitte de cette Matière dans son Livre de l'Orateur; & nous voions, dans les Oraisons de Cicéron, qu'il oppose souvent une Loi à une autre: nous trouvons de même, dans l'Histoire de France, des Edits, tantôt en faveur & tantôt

tôt contre les Huguenots: le besoin de rédiger ces révoqué par Louis XIV. sortes d'Ordonnances, est d'autant plus indispensable, que rien n'est moins digne de la Majesté des Loix (qu'on suppose toûjours établies avec sagesse) que d'y découvrir des contradictions ouvertes & manifestes.

L'Edit contre les Duëls est très-juste, très-équitable, très-bien fait: mais il n'amène point au but que les Princes se sont proposé en le publiant: des préjugés plus anciens que cet Edit l'emportent sur lui de-haute-lute; & il semble que le Public, rempli de fausses opinions, soit convenu tacitement de n'y point obéir: un Point-d'Honneur mal-entendu, mais généralement reçu, brave le Pouvoir des Souverains; & ils ne peuvent maintenir cette Loi en vigueur, qu'avec une espèce de cruauté. Tout Homme, qui a le malheur d'être insulté par un Brutal, passe pour un Lâche dans tout l'Univers, s'il ne se venge de son affront, en donnant la mort à Celui qui en est l'auteur: si cette affaire arrive à un Homme de Condition, on le regarde comme indigne des Titres de Noblesse qu'il porte:

Qq 3

te: s'il est Militaire, & qu'il ne termine point son différend, on le force de sortir avec ignominie du Corps dans lequel il sert; & il ne trouve de l'Emploi dans aucun Service de l'Europe. Quel parti prendra donc un Particulier, s'il se trouve engagé dans une affaire aussi épineuse? voudra-t-il se déshonorèr en obéissant à la Loi, ou ne risquera-t-il pas plustôt sa Vie & sa Fortune pour sauver sa Réputation?

Le point de la difficulté, qui reste à résoudre, seroit de trouvèr un expédient, qui, en conservant l'Honneur aux Particuliers, maintint la Loi dans toute sa vigueur.

La Puissance des plus Grands Rois n'a rien pû contre cette Mode barbare: Louis XIV. Frédéric I. & Frédéric-Guillaume, publièrent des Edits rigoureux contre les Duèls: ces Princes n'avancèrent rien; si non que les Duèls changèrent de nom & passèrent pour des Rencontres; & que bien des Nobles, qui avoient été tués, furent enterrés comme étant morts subitement.

Si tous les Princes de l'Europe n'assemblent pas un Congrès, & ne conviennent entre-eux d'at-

d'attachèr un déshonneur à ceux, qui malgré leurs Ordonnances tentent de s'égorger dans ces Combats Singuliers; si, dis-je, ils ne conviennent pas de refuser tout Asile à cette espèce de Meurtriers, & de punir sévérement ceux, qui insulteront leurs pareils, soit en paroles, soit par écrit ou par voies de fait, il n'y aura point de fin aux Duëls.

Qu'on ne m'accuse point d'avoir hérité des Visions de l'Abbé de Saint-Pierre: je ne voi rien d'impossible à ce que des Particuliers soumettent leurs Querelles à la décision des Juges; de même qu'ils y soumettent les Différends, qui décident de leurs fortunes: & par quelle raison les Princes n'assembleroient-ils pas un Congrès pour le bien de l'Humanité, après en avoir fait tenir tant d'infructueux sur des sujets de moindre importance? j'en revien-là, & j'ose assûrer que c'est le seul moien d'abolir en Europe ce Point-d'Honneur mal placé, qui a coûté la Vie à tant d'Honnêtes-Gens, dont la Patrie pouvoit s'attendre aux plus grands services.

Telles sont en Abrégé les Réfléxions que les

les Loix m'ont fournies: je me suis borné à faire une Esquisse au lieu d'un Tableau; & je crainds même de n'en avoir que trop dit.

Il me semble enfin que, chez des Nations qui sortent à peine de la Barbarie, il faut des Législateurs sévères; que, chez les Peuples policés dont les Mœurs sont douces, il faut des Législateurs humains.

S'imaginer que les Hommes sont tous des Démons, & s'acharner sur eux avec cruauté; c'est la vision d'un Misanthrope farouche: supposer que les Hommes sont tous des Anges, & leur abandonner la bride; c'est le rêve d'un Capucin imbécile: croire qu'ils ne sont ni tous bons ni tous mauvais; récompenser les bonnes actions au de-là de leur prix; punir les mauvaises au dessous de ce qu'elles méritent; avoir de l'indulgence pour leurs foiblesses & de l'humanité pour tous; c'est comme en doit agir un Homme Raisonnable.

FIN DU TROISIEME TOME.

Указатель имен

Оглавление

Научное издание

Дружинин Петр Александрович

Книги Фридриха Великого
или
описание коллекции сочинений и изданий прусского короля, напечатанных при его жизни, сделанное по экземплярам, прежде принадлежащим самому королю и его наследникам, а ныне находящимся в Российской государственной библиотеке.

Москва, издательство «Трутень», 2004.
www.truten.ru
e-mail: info@truten.ru

Формат 60 x 90 1/16. Печать офсетная. 18,5 печ. л.
Тираж 300 экземпляров.
Фотограф А.А. Дружинин.
Корректор Ю.П. Питецкая.
Компьютерная верстка – А. Шпринц.
ISBN 5–94926–004–X.

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6.
Заказ N 10920

